

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Логутенкова Ольга Николаевна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ БИЛИНГВОВ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
СРЕДСТВАМИ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ**

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Катермина В.В.

Краснодар – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ БИЛИНГВИЗМА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	15
1.1. Содержание понятия билингвизм в различных подходах	15
1.2. Типология билингвизма	33
1.3. Особенности детского билингвизма при овладении языками в естественных условиях	44
1.4. Этноязыковая ситуация Кипра как условие развития билингвизма.....	54
1.5. Вопросы функционального соотношения билингвизма и бикультурализма	59
Выводы к главе 1	69
ГЛАВА 2. КАРТИНА МИРА И ЕЁ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ПРИЗМЕ БИЛИНГВИЗМА	73
2.1. Актуальные проблемы изучения языковой картины мира	73
2.2. Фольклорная картина мира как источник этнокультурной информации.82	
2.3. Лингвокультурный аспект народной паремиологии как фрагмента фольклорной картины мира	96
2.3.1. Функционально-смысловые и этносемантические аспекты пословиц и поговорок	96
2.3.2. Функционально-смысловые и этносемантические аспекты приметы. 102	
2.3.3. Функционально-смысловые и этносемантические аспекты загадки... 108	
2.4. Лингвокультурный аспект фразеологии как фрагмента фольклорной картины мира	113
Выводы к главе 2	119
ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ФОЛЬКЛОРНО- ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ БИЛИНГВОВ.....	123

3.1. Методика проведения эксперимента	123
3.2. Пословицы и поговорки как культурно-языковые компоненты в составе фольклорной картины мира билингва	126
3.2.1. Этносемантический анализ пословиц и поговорок тематических групп «Время» и «Деньги».....	126
3.2.2. Эксперимент №1. Описание и интерпретация результатов	135
3.3. Народные приметы как культурно-языковые компоненты в составе фольклорной картины мира билингва	147
3.3.1. Этносемантический анализ греческих и русских народных примет... 147	
3.3.2. Эксперимент №2. Описание и интерпретация результатов	157
3.4. Народные загадки как культурно-языковые компоненты в составе фольклорной картины мира билингва	168
3.4.1. Этносемантический анализ греческих и русских метафорических народных загадок	168
3.4.2. Эксперимент №3. Описание и интерпретация результатов	177
3.5. Народная фразеология как культурно-языковой компонент в составе фольклорной картины мира билингва	189
3.5.1. Этносемантический анализ греческих и русских фразеологических единиц.....	189
3.5.2. Эксперимент №4. Описание и интерпретация результатов	198
3.6. Модель формирования фольклорно-языковой картины мира билингва	215
Выводы к главе 3	223
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	231
Приложение А. (справочное) Образцы экспериментальных бланков для проведения Эксперимента №1	264

Приложение Б. (справочное) Список русских народных примет, отобранных для проведения Эксперимента №2	268
Приложение В. (справочное) Образцы экспериментальных бланков для проведения Эксперимента №3	283
Приложение Г. (справочное) Образцы экспериментальных бланков для проведения Эксперимента №4	287

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современной жизни, сопряженной с увеличением масштабов межнационального общения, стремительными изменениями в демографической ситуации и этническом составе населения земного шара, явление билингвизма как одного из последствий языковых контактов приобретает массовый характер. Вышеперечисленные явления социально-культурной жизни также обуславливают рост значимости антропоцентрического подхода, который, начиная с конца прошлого столетия, становится одним из ведущих направлений в языкознании. В русле антропоцентрической парадигмы язык исследуется при непосредственном участии его носителей во всех процессах когнитивной и речемыслительной деятельности. В связи с этим все больший интерес для исследователей представляют проблемы этнокультурного характера и особое значение приобретает изучение фольклорно-языковой картины мира (ФЯКМ), поскольку именно в этом фрагменте языковой картины мира (ЯКМ) любого народа сосредоточена его культура и история, и, следовательно, фольклорные единицы несут особую прагматико-культурологическую нагрузку.

Степень проработанности проблемы исследования. Ряд проблем, связанных с формированием и развитием раннего детского билингвизма, неоднократно становился объектом лингвистических исследований, начиная с работ Ж. Ронжа и В. Леопольда, написанных в начале прошлого столетия, и заканчивая трудами зарубежных и отечественных ученых современности, таких как Х.З. Багиров, Э. Биалисток, З.У. Блягоз, Ф. Гросжан, Е.К. Черничкина, Г.Н. Чиршева, И.В. Щеглова и др. При этом в большинстве работ особое внимание уделяется либо педагогическим и лингводидактическим проблемам детского билингвизма (Е.О. Голикова, Е.Ю. Протасова, Э.А. Салихова, М. Сигуан), либо особенностям взаимодействия двух языков в речи ребенка и связанным с ними понятиям интерференции и

переключения кодов (Э.М. Ахунзянов, У. Вайнрайх, Е.М. Верещагин, Г.В. Колшанский, Г.Н. Чиршева, Л.В. Щерба). Билингвизм с точки зрения лингвокультурного и языкового сознания двуязычного индивида освещается в трудах О.В. Бернгардт, И.А. Бубновой, Е.Л. Кудрявцевой, А.Р. Лурия и др. Проблемы развития языковой личности билингва с учётом психо- и социалингвистических факторов рассматривались такими зарубежными учеными, как С. Бен-Зеев, Э. Биалисток, Ф. Гросжан, Дж. Камминс, Т. Скутнаб-Кангас, Е. Пил и У. Ламберт, У. Маккей и др.

Большинство работ отечественных лингвистов посвящено русско-немецкому [Бернгардт, 2009; Гагарина, 2005; Кудрявцева, 2014; Мадден, 2008 и др.] и русско-английскому детскому билингвизму [Гехтляр, 1999; Коровушкин, 2014; Чиршева, 2004, 2012 и др.], а также исторически сложившемуся на территории РФ «русско-национальному» и «национально-русскому» двуязычию (В.А. Аврорин, Т.А. Бертагаев, Е.М. Верещагин, Ю.Д. Дешериев, Н.С. Джидалаев, В.Ю. Розенцвейг, А.И. Холмогоров и др.). В рамках рассматриваемой нами языковой комбинации (русского и греческого языков) детский билингвизм изучался лишь с позиции формирования звукопроизносительных навыков [Агатангелу, 2011]. Попытка описать и проанализировать фрагмент фольклорной картины мира русско-греческих билингвов школьного возраста, проживающих на Кипре, предпринимается впервые.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена растущей значимостью билингвальной коммуникации в условиях теснейшего языкового контакта между этносами в современном мире, а также широким и активным характером русско-греческого двуязычия, вызванного динамикой роста русскоязычной иммиграции на Кипре, что определяет его массовый характер. При этом наряду с процессами, связанными с глобализацией общества, становится очевидной тенденция к сохранению культурных и, в первую очередь, языковых корней современных общностей, проживающих в условиях двуязычия, что

обуславливает интерес к *проблематике* функционирования элементов фольклорного пространства в пределах языковой картины мира русско-греческих билингвов.

Объектом исследования является фрагмент фольклорно-языковой картины мира русско-греческих билингвов школьного возраста, представленный народной паремиологией и фразеологией. **Предмет** исследования – лингвокультурная специфика языковой репрезентации и содержания фольклорно-языковой картины мира билингвов в условиях естественного двуязычия с учетом типа формирования раннего билингвизма.

Рабочая **гипотеза** исследования основана на предположении о том, что фразеологический и паремиологический состав ФЯКМ естественных русско-греческих билингвов асимметричен и напрямую зависит от типа раннего билингвизма. У билингвов, двуязычие которых формируется по принципу «один родитель – один язык», преобладает асимметрия в пользу греческого языка; дети из русскоязычных семей, билингвизм которых развивается по принципу «семейный язык – язык общества», проявляют лучшее знание русских фольклорных элементов в сравнении с греческими.

Цель работы: определить лингвокогнитивные и лингвокультурные особенности вербализации фольклорной картины мира русско-греческих билингвов среднего и старшего школьного возраста.

В соответствии с целью, объектом, предметом и выдвинутой гипотезой исследования были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть особенности и способы формирования детского билингвизма в условиях естественного двуязычия;
- изучить основные аспекты взаимодействия языка и культуры в контексте формирования фольклорно-языковой картины мира билингвов, сопоставить и проанализировать характерные особенности таких жанров русского и греческого фольклора, как загадки, пословицы и поговорки, приметы и фразеологизмы с

позиции лингвокультурных единиц, репрезентирующих соответствующие фрагменты ФЯКМ;

- экспериментально установить содержание и особенности вербализации фрагмента фольклорно-языковой картины мира билингов, представленного фразеологическими и паремиологическими единицами (ФЕ и ПЕ), описать процедуру эксперимента и дать интерпретацию его результатов;

- определить факторы, влияющие на формирование ФЯКМ билинга, выявив и сопоставив характерные особенности языковой репрезентации фразеологического и паремиологического фрагментов ЯКМ русско-греческих билингов школьного возраста из моноэтнических и биэтнических семей;

- на основе полученных и проанализированных экспериментальных данных разработать и обосновать модель формирования ФЯКМ двуязычного индивида.

В соответствии с задачами работы основными **методами исследования** явились: *теоретико-концептуальный анализ* научной литературы по проблеме исследования; *описательный метод* – для выявления характерных особенностей малых фольклорных жанров в русском и греческом языках; *метод сопоставительного лингвокультурологического анализа* русских и греческих ПЕ и ФЕ; *психолингвистический эксперимент*, включающий метод дополнения/завершения без заданного набора реакций, метод направленного ассоциативного эксперимента, метод субъективной дефиниции и постэкспериментальной беседы; *метод обработки и анализа данных эксперимента*: количественный подсчет полученных ответов в зависимости от типа билингвизма и языка исследования, приведение данных в единообразие, присвоение балла адекватности интерпретации паремий, составление сводных таблиц и диаграмм полученных данных.

Методологической базой диссертационного исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в следующих отраслях языкознания: *билингвизме, интерференции, бикультуральности* (Х.З. Багираков,

Л.И. Баранникова, В.М. Блиннохватова, У. Вайнрайх, Г.М. Вишневская, Ю.Д. Дешериев, П.В. Коровушкин, В.Ю. Розенцвейг, М. Сигуан, Р.И. Хашимов, Е.К. Черничкина, Г.Н. Чиршева, И.В. Щеглова, Н. Baetens-Beardsmore, Н. Bialystok, L.J. Sabassa, J. Cummins, J.F. Hamers, S. Romaine, J. Soffietti, М.К. Swain и др.); *теории языковой картины мира* (Ю.Д. Апресян, Г.Д. Гачев, Г.В. Колшанский, О.А. Корнилов, Н.И. Сукаленко, В.И. Тхорик, В.А. Черванева и др.); *когнитивной лингвистике, изучающей фольклорный фрагмент языковой картины мира* (Е.И. Голованова, Е.С. Кубрякова, Н.И. Кравцов, Н.В. Курбатова, В.А. Маслова, Е.В. Ничипорчик, Ю.А. Эмер и др.) и *лингвокультурологии* (Д.Б. Гудков, Л.А. Исаева, Ю.Н. Караулов, В.В. Катермина, В.В. Красных, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.); *фразеологии и паремологии* (Л.Ю. Буянова, П.П. Ветров, Е.М. Верещагин, В.В. Виноградов, В.П. Жуков, Н.Н. Иванова, В.Г. Костомаров, М.А. Кулькова, В.М. Мокиенко, Е.Г. Павлова, Г.Л. Пермяков, Б.Н. Путилов, Н.Н. Семененко и др.).

Научная новизна диссертации, обусловленная недостаточной изученностью специфики русского языка второго поколения иммигрантов из постсоветского пространства, проживающих на Кипре, заключается в изучении фольклорно-языковой картины мира естественных билингов на основе эмпирического материала, полученного экспериментальным путем, и в комплексном подходе к предмету исследования.

Новизна исследования также состоит в выявлении и обосновании лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих содержание фрагмента ФЯКМ русско-греческих билингов. С опорой на полученные в ходе эксперимента объективные данные проведено сопоставление фрагмента фольклорной картины мира детей-билингов из моноэтнических и биэтнических семей, создана модель формирования ФЯКМ русско-греческих билингов, сделаны выводы относительно общих и специфических характеристик фразеологического и

паремиологического состава речи билингов с учетом типа формирования естественного двуязычия.

Материалом исследования послужил корпус из 1280 паремиологических и фразеологических единиц русского и греческого языков, извлеченных методом сплошной выборки из лексикографических источников, а также данные серии психолингвистических экспериментов, в которых приняли участие 114 двуязычных школьников в возрасте 11–16 лет.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ранний детский билингвизм формируется как естественный при параллельном формировании бикультуральности ребенка в моноэтнических и биэтнических семьях, если язык общества не совпадает с языком хотя бы одного из родителей, с которым происходит общение в семье. Билингвальность при этом может развиваться независимо от бикультуральности индивида.

2. Развитие бикультуральности двуязычного ребенка неразрывно связано с формированием индивидуальной ФЯКМ. В связи с этим пословицы, поговорки, приметы, загадки и народная фразеология как универсальные явления фольклора русского и греческого языков, обладающие важным лингвокультурологическим потенциалом, представляют особый интерес с точки зрения их присутствия в речемыслительной деятельности билинга.

3. Количественная и качественная характеристики функционирования паремиологических и фразеологических единиц в речи билинга определяют содержание ФЯКМ и напрямую зависят от типа формирования раннего двуязычия ребенка, развивающегося в зависимости от выбранной родителями стратегии культурно-языкового поведения (модель «один родитель – один язык» или «язык семьи – язык общества»), которая является ведущим фактором, детерминирующим структуру ФЯКМ билинга. К сопутствующим факторам относятся доминантный

язык социума, общие когнитивные способности индивида, его психологические характеристики и др.

4. Представители биэтнического и моноэтнического билингвизма демонстрируют различный уровень владения фразеологическими и паремиологическими единицами русского и греческого языков, следовательно, содержание и средства экспликации ФЯКМ биэтнического и моноэтнического билингва обладают уникальными характеристиками наряду с общими. Основным отличием является асимметрия представленных в языковом сознании билингвов вербализованных культурно-национальных образов и стереотипов русской и греческой лингвокультуры. Так, билингвы, чье двуязычие формировалось по модели «один родитель – один язык», испытывают большее влияние греческой и кипрской культур в сравнении с билингвами, получающими языковой опыт в семье исключительно на русском (недоминантном) языке, что облегчает формирование паремиологической и фразеологической компетенции представителей первой группы на греческом языке и детерминирует стимулирующую и интерферирующую роль греческой лингвокультуры в структуре ФЯКМ. Для представителей билингвизма, сформированного по модели «язык семьи – язык общества», характерна противоположная ситуация с доминированием признаков русской лингвокультуры в ФЯКМ.

5. Формирование сбалансированной билингвальной и бикультуральной языковой личности невозможно без целенаправленного включения в получаемый билингвом языковой опыт определенных фольклорных единиц, подразумевающих не только когнитивные элементы, но и ориентацию на традиционные национальные ценности. При направленном характере формирования билингвизма данный социолингвистический феномен вызывает не утрату, а расширение границ культурной идентичности индивида и увеличивает его возможности вступать в продуктивный межкультурный диалог.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в теорию языковых контактов и психолингвистическую теорию билингвизма, выявляя особенности формирования и содержания ФЯКМ естественных билингвов. В ней представлены результаты анализа функционирования паремиологических и фразеологических единиц в речезыковой деятельности билингва, которые могут быть взяты за основу теоретических кросскультурных исследований, в том числе в сопоставительном плане, а также использованы при составлении корпусов ошибок на базе взаимодействия языков в условиях двуязычия.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения её результатов при обучении греческому языку русскоязычных детей и при формировании русско-греческого билингвизма с учетом этнолингвистических факторов. Теоретические основы и выводы исследования могут быть использованы в лекционных курсах по лингвистическим дисциплинам, а также в написании пособий и справочников, предназначенных для преподавания в билингвальной аудитории.

Организация исследования. Настоящее исследование проводилось с октября 2015 по февраль 2018 г. на базе Русской Школы г. Пафоса в республике Кипр в несколько этапов. На первом этапе, включающем определение основной цели исследования, его гипотезы, задач и методов, было осуществлено теоретическое исследование проблемы. На втором этапе была организована и проведена серия психолингвистических экспериментов с участием школьников-билингвов. Третий этап включал анализ и интерпретацию полученных экспериментальных данных, обобщение результатов исследования, проверку гипотезы и формулирование выводов.

Достоверность и научная обоснованность теоретических и практических результатов исследования обеспечивается комплексным характером работы; корректностью применяемых методов, соответствующих цели и задачам

исследования; значительным объемом проанализированного материала; личным участием автора в экспериментальной работе.

Апробация результатов исследования. Основные материалы, положения и выводы диссертации обсуждались на следующих Международных научных и научно-практических конференциях и семинарах: «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: человек, сознание, коммуникация, интернет» (Варшава, 2016), «Билингвизм и билингвальное образование в России и мире: современные тенденции» (Москва, РУДН, 2016), «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк – Пятигорск, 2016), «Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура» (Москва, РУДН, 2017), «От билингвизма к транслингвизму: про и контра» (Москва, РУДН, 2017). Содержание диссертации отражено в 11 публикациях, в том числе в 4 публикациях в рецензируемых ВАК научных изданиях и 1 публикации в зарубежном издании, включенном в перечень Web of Science.

Структура работы. Общий объем диссертации – 293 страницы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, списка использованных источников языкового материала и приложений. В работе представлены 8 таблиц и 9 рисунков.

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, формулируются объект, предмет, цель, задачи исследования, определяется новизна, теоретическая и практическая значимость работы, указываются материалы и методы исследования, выдвигается гипотеза исследования; излагаются положения, выносимые на защиту; сообщаются сведения о структуре и апробации работы.

В первых двух главах работы создаётся теоретическая база для проведения экспериментального исследования, посвященного изучению фрагмента фольклорной картины мира билингвов, излагаются и обосновываются основные теоретические положения диссертации. В **первой главе** осуществляется обзор и критический

анализ научной литературы, посвященной проблемам билингвизма и бикультуральности. Во **второй главе** рассматриваются вопросы роли и места малых фольклорных жанров в языковой картине мира билингвов. **Третья глава** включает описание организации и проведения серии психолингвистических экспериментов, приводятся результаты обработки полученных данных. Каждая глава завершается выводами. **В заключении** обобщаются результаты, определяются возможные перспективы исследования.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ БИЛИНГВИЗМА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Содержание понятия билингвизм в научных подходах

Билингвизм как коммуникативный и социальный феномен имеет многовековую историю, восходящую своими корнями к мифу о Вавилонском столпотворении и сопровождающую человечество на каждом этапе эволюционного развития. Однако как научная проблема и предмет рассмотрения теории языкознания билингвизм начал складываться в конце XIX века, что имело непосредственное отношение к развитию сравнительно-исторического метода и идей антропологической лингвистики, разработке которых посвятили свои работы многие ученые той эпохи. Так, в трудах В. фон Гумбольдта встречается мысль о том, что владение двумя языками – это не просто дополнительный навык, а глубокое и многогранное явление, заслуживающее более пристального изучения: «Различные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [Гумбольдт, 1984: 9].

Являясь многоаспектным культурно-языковым явлением, билингвизм привлекает внимание представителей самых различных научных направлений, каждое из которых изучает феномен двуязычия с разных точек зрения, учитывая в первую очередь свою сферу интересов: философии, социологии, этнографии, культурологии, психолингвистики, педагогики, политологии, лингвистики. Не случайно Е.М. Верещагин называл билингвизм «комплексной научной проблемой», для решения которой необходимо привлечь ряд наук [Верещагин, 2014: 1]. И, как показывает опыт, действительно наилучших результатов в исследовании феномена двуязычия удастся достичь через корреляцию смежных наук с учетом различных аспектов данного языкового явления.

Многоаспектностью феномена билингвизма объясняется существование множества спорных вопросов в теории двуязычия, включая базовую терминологию. Как показал обзор научной литературы, при исследовании вышеописанного языкового явления отечественные лингвисты применяют оба термина: «билингвизм» и «двуязычие», отдавая предпочтение первому, образовавшемуся от латинского *bi* – два и *lingua* – язык; в западной лингвистической традиции, всё чаще вместо определения «билингвизм» используют термины «полилингвизм» и «мультилингвизм», а употребляя термин «билингвизм», нередко подразумевают трилингвизм или мультилингвизм [Routledge encyclopedia, 2000: 82]. Возможно, такой свободной взаимозаменяемости терминов мы частично обязаны одному из наиболее распространенных определений билингвизма, предложенных в середине прошлого века западным лингвистом В. Маккей: “Bilingualism is the alternate use of two or more languages by the same individual” (Билингвизм – это альтернативное использование двух или более языков одним и тем же индивидом. – Здесь и далее перевод наш. – О. Л.) [Mackey, 1970: 555].

В данной диссертационной работе мы используем термины «билингвизм» и «двуязычие» как синонимичные, не считая их противоречащими друг другу, поскольку зачастую понятие билингвизм определяется через термин «двуязычие», реже – «многоязычие», то есть как «употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» [Зограф, 1990: 303]. В нашей работе наряду с термином «билингвизм» также встречается термин «билингвальность», под которым мы, вслед за западными учеными [Blanc, Namers, 2000: 7], понимаем способность индивида (но не группы людей) продуцировать речь на двух языках. Сравнивая оба термина, можно сказать, что «билингвизм» является родовым понятием и включает, помимо билингвальности, рассматриваемой как

психолингвистическое явление, социолингвистические характеристики языковой общности.

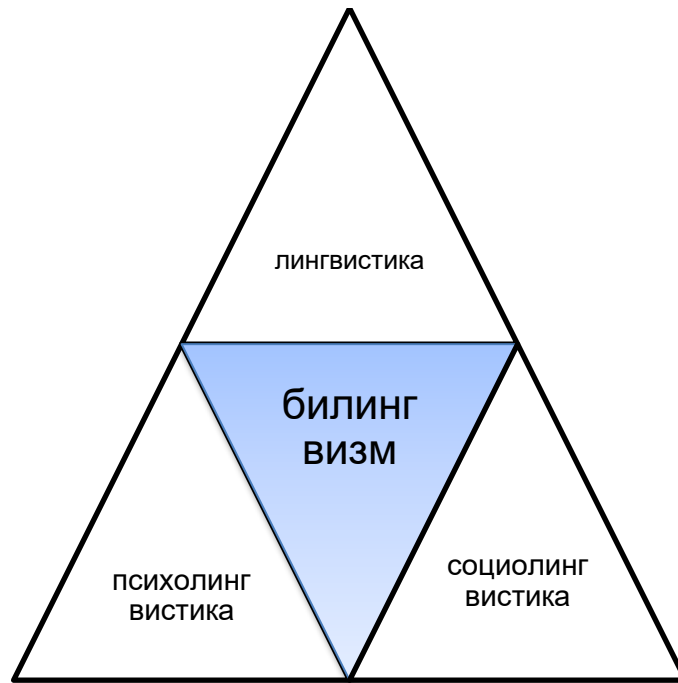
Мы также считаем немаловажным изначально разграничить в нашем исследовании понятия «билингвизм» и «диглоссия», обозначающие близкие, но принципиально различные социолингвистические явления. В своей работе мы придерживаемся точки зрения В.П. Коровушкина, который определяет диглоссию как разнообразную по сочетанию реализацию контактов и смешения всех возможных в данный исторический период форм существования одного и того же национального языка и соответствующих субкультур единой национальной культуры данного народа, характеризующую социальноречевую ситуацию, сложившуюся в пределах одного государства» [Коровушкин, 2012: 98-99. Электронный ресурс]. При этом формы и подсистемы языка функционально распределены: например, в официальных ситуациях – законотворчестве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т. п. – используется официальный язык, или литературная форма национального языка, а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении – другие языковые подсистемы. Подобная языковая ситуация, определяемая многими исследователями как диглоссная [Papaavlou, 1998: 18; Arvaniti, 2002: 10], является характерной для республики Кипр, на территории которой проходило наше экспериментальное исследование, где современный новогреческий язык (СНГ) функционирует как высокий вариант, а кипрский диалект – как низкий. Другие же ученые придерживаются мнения, в соответствии с которым языковые варианты на Кипре связаны посредством переходных вариантов в языковой континуум от диглоссной к монолингвальной ситуации [Karyolemou, 2002]. Так или иначе, в нашем исследовании мы будем ориентироваться на СНГ, поскольку именно этот вариант используется во всех официальных ситуациях общения, включая школьную

программу, по которой обучаются и получают основное образование билингвы, принявшие участие в нашем эксперименте.

Широкое распространение термин «диглоссия» впервые получил после выхода в свет научных исследований Чарльза Фергюсона [Ferguson, 1959. Электронный ресурс], описывающих различные социолингвистические ситуации несбалансированного двуязычия с различными функциональными сферами использования языков: разговорного и классического вариантов арабского языка в арабском мире, швейцарского диалектного и литературного немецкого в Швейцарии; французского и креольского на Гаити, – в которых он обосновывает четкое разграничение понятий «билингвизм» и «диглоссия». Однако, если у Ч. Фергюсона все вышеописанные ситуации относятся к употреблению именно *вариантов одного языка* (или генетически очень близких языков), то другой американский ученый Дж. Фишман [Fishman, 1967] предложил считать диглоссными ситуации употребления *любых* (а не обязательно родственных) двух языков на одной территории, что значительно расширило сферу применения термина.

Несложно заметить, что расхождение во взглядах при исследовании такого многообъемлющего понятия как билингвизм начинается, но отнюдь не заканчивается на уровне терминологии. Не находит однозначного решения и вопрос определения содержания вышеуказанного языкового феномена. Традиционным трактованием явления двуязычия принято считать определение У. Вайнрайха, в котором ученый характеризует билингвизм как «практику попеременного пользования двумя языками» [Вайнрайх, 1979: 22], а лиц, ее осуществляющих, он называет двуязычными. При этом сам автор отмечал, что дать исчерпывающую характеристику билингвизма чрезвычайно сложно, поскольку степень владения каждым языком различна не только у разных двуязычных индивидов, но также варьируется в определенных пределах у каждого билингва на разных стадиях усвоения языка и в разные периоды жизни [Там же].

В результате анализа научной литературы по теме двуязычия мы можем выделить три основных подхода к определению понятия «билингвизм»: социолингвистический, психолингвистический, лингвистический. При этом мы считаем подобное разделение весьма условным, поскольку все аспекты билингвизма оказываются тесно связанными и взаимообусловленными, что отражено на Рисунке 1, где рассматриваемое нами явление билингвизма оказывается в центре пересечения научных интересов перечисленных нами направлений языкознания.

Рисунок 1 – Мультидисциплинарный подход к изучению билингвизма

В рамках *социолингвистического подхода* билингвизм изучается с точки зрения функционирования двух языков в пределах единого языкового сообщества, использующего эти языки в соответствии с коммуникативными потребностями его членов. Двуязычие рассматривается в тесной взаимосвязи и соотнесенности с различными социальными коррелятами. Как уже отмечалось выше, многоязычие

сопровождает развитие общества на протяжении всей истории эволюции человечества, однако отношение к билингвизму и билингвам никогда не отличалось стабильностью. Согласно библейскому повествованию, языковое многообразие явилось Божьей карой за дерзость людей, пожелавших воздвигнуть башню до самого неба, что, возможно, в некоторой степени предопределило отрицательное отношение к двуязычию на самых ранних этапах изучения данного явления. Как отмечает Колин Бейкер [Baker, 1993], к негативному влиянию билингвизма относили самые различные последствия – от смешения языков в голове человека и раздвоения личности до духовной бедности. Считалось, что изучение второго языка замедляет духовный и интеллектуальный рост человека, в результате чего дети-билингвы отстают от сверстников-монолингвов в обучении, имеют более низкий коэффициент интеллекта и плохо адаптируются к социальной среде.

Было также предпринято немало попыток заменить все многообразие человеческих языков одним, создавались искусственные языки, типа волапюка и эсперанто, которые, несмотря на немалую популярность, так и не смогли занять то место в мировой лингвокультуре, на которое изначально рассчитывали их создатели. Несмотря на то, что даже сегодня выбор единого языка нередко признается необходимым условием модернизации общества, в ситуации, когда под угрозой исчезновения оказались десятки малых языков, а как следствие, и культуры носителей данных языков, лингвистическое многообразие начало завоевывать поддержку общественности.

Социолингвистический аспект двуязычия тесно связан с социологическим, отличаясь тем, что объектом социолингвистики являются «языковые факты», а объектом социологии выступают носители языка (билингвы) – индивиды, социальные группы, общности.

Основы изучения билингвизма как социального явления были заложены в работах таких зарубежных лингвистов, как Э. Хауген, Э. Сепир и У. Вайнрах

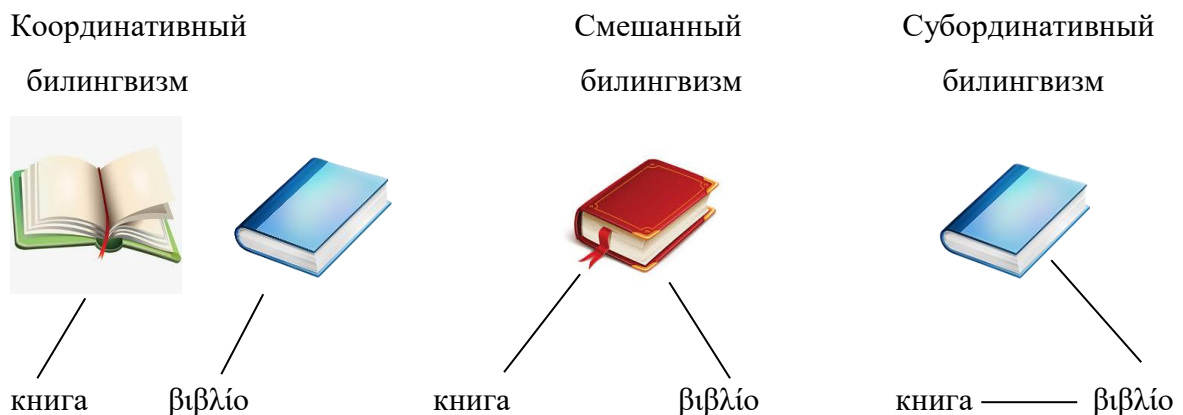
[Haugen, 1966; Weinreich, 1979; Сепир, 1993] в середине XX в., которые впервые сформулировали основополагающие идеи теории языковых контактов. Опубликованная в 1953 году монография американского лингвиста У. Вайнрайха “Languages in Contact”, которая была переведена на русский лишь в 1979 году, явилась важным шагом в исследовании многоязычия и положила начало изучению многих аспектов взаимодействия языков как в диахроническом, так и в синхроническом плане, поднимая актуальные на сегодняшний день проблемы, имеющие непосредственное отношение к речевому поведению билингва в условиях языкового контакта. Исследованиям билингвизма как социолингвистического явления посвятили свои работы в дальнейшем многие отечественные, западноевропейские и американские ученые: В.А. Аврорин, Е.М. Верещагин, Ю.Д. Дешериев, Н.С. Джидалаев, А.Е. Карлинский, В.Ю. Розенцвейг, L.J. Sabassa, F. Grosjean, J. Hamers & M. Blanc, P. Hornby, M. Paradis и др.

Социолингвистические исследования двуязычия особенно интенсивно развиваются в настоящее время, что объясняется активным ростом сфер применения двух и более языков в жизни современного общества, расширением общественных функций двуязычия. Данная область изучения билингвизма включает анализ социальных источников формирования двуязычия и выяснение роли экстралингвистических факторов в развитии массового билингвизма, определение соотношения национального языка и языка межнационального общения в процессе двуязычия, степень использования двуязычия в основных сферах общественной жизни.

Таким образом, социолингвистический подход к билингвизму позволяет определить данное явление как «сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта» [Швейцер, 1978: 111].

Психолингвистика рассматривает билингвизм как способность употреблять в коммуникативных целях две языковые системы. Исследования психолингвистического аспекта билингвизма помогают дать «соотносительную характеристику лингвистических категорий, понятий, «отложившихся» в языковом сознании носителей двуязычия; своеобразия закрепления в памяти, осознания, осмысления, слухового (в речи) и зрительного (на письме) восприятия двуязычным коллективом, индивидом признаков, особенностей, категорий и понятий, специфичных для второго языка и отсутствующих в их языковом сознании как носителей первого языка» [Дешериев, 1972: 36].

В психолингвистическом аспекте двуязычия наибольший интерес для исследователей представляет проблема изучения ментального лексикона билингва, в связи с чем учеными были выдвинуты три основные гипотезы: «двойного хранения», «единого хранения», «гипотеза тройного хранения» [Paivio, 1980; Ehri, Ryan, 1980; Paradis, 1978], которые напрямую соотносятся с предложенной У. Вайнрайхом моделью взаимосвязи типа билингвизма и соотношением словоформ на концептуальном и лексическом уровнях. Применимо к рассматриваемой в нашей работе языковой паре данная модель выглядит следующим образом (см. Рисунок 2):

Рисунок 2 – Три модели системы хранения концептуальных репрезентаций билингва (Three bilingual storage representations. Адаптировано от R. Heredia [Foundations of bilingual memory, 2014])

Разграничивая уровень лексических значений и концептов, часть ученых считает, что билингв обладает двумя ментальными лексиконами, каждый из которых относительно независим друг от друга, т.е. означающее «книга» соответствует в сознании билингва конкретному означаемому, отличному от того, который непосредственно связан с означающим «βιβλίον» – координативный билингвизм. Гипотеза «единого хранения» подразумевает существование двух языковых хранилищ как подсистем нейрофункциональной системы языка и общей концептуальной базы, т.е. оба означающих («книга» и «βιβλίον») соотносятся с единым означаемым на концептуальном уровне – смешанный билингвизм. Третья модель, характерная для субординативного билингвизма, демонстрирует способ познания значения слова одного языка посредством значения слова второго языка, т.е. для того, чтобы соотнести означающее «книга» с означаемым, греческо-русскому билингву необходимо перевести слово на греческий, чтобы получить доступ к его значению.

Кроме того, в рамках данного направления изучения билингвизма ученые уделяют большое внимание вопросам воздействия билингвизма на мышление индивида. Как свидетельствует анализ научной литературы, вплоть до середины XX века доминировало мнение о негативном влиянии билингвизма на умственное и духовное развитие личности, в связи с чем было рекомендовано как можно дальше откладывать введение второго языка. Данное решение было принято в 1928 г. в Люксембурге на второй международной конференции воспитателей и учителей, организованной Международным бюро по проблемам образования для рассмотрения вопроса о влиянии двуязычия на интеллектуальное и личностное развитие учащихся. В основе подобного заключения лежали результаты исследования Д. Саера и его сотрудников, опубликованные в 1923 году в статье «Влияние билингвизма на интеллект», где ученый сделал вывод о том, что билингвизм вызывает «умственное замешательство». Данное заявление было основано на

результатах многолетнего эксперимента, показавшего, что двуязычные школьники имели более слабые результаты в школьном образовании и по тестам умственного развития, чем их одноязычные сверстники [цит. по: Lee, 1996: 502. Электронный ресурс].

Однако дальнейшие исследования [Ben-Zeev, 1977; Cummins, 1978; Liedtke, Nelson, 1968] указали на несовершенство применяемых ранее методов анализа, и полученные ранее данные были опровергнуты как недостоверные, поскольку принимавшие участие в экспериментах билингвы были выходцами из семей бедных эмигрантов. Это позволило пересмотреть взгляды на роль билингвизма в когнитивном развитии детей. Е. Пил и У. Ламберт доказали, что если сравнивать школьников-билингвов со школьниками-монолингвами схожего социокультурного уровня, то двуязычные дети обнаруживают явное превосходство в тестах умственного развития над одноязычными, особенно в задачах, требующих оригинальности мышления и умственной гибкости. В своем исследовании Е. Пил и У. Ламберт писали: «Невозможно ответить однозначно, наиболее развитые в умственном отношении дети становятся билингвами или билингвизм способствует развитию умственных способностей ребенка, но факт его интеллектуального превосходства не вызывает сомнения» [Peal, Lambert, 1972: 20]. К схожим выводам приходят и другие исследователи [Bain, 1974; Cummins, Gulutsan, 1974; Diaz, 1985].

В результате серии последних психолингвистических экспериментов и тестов было установлено, что люди, владеющие двумя языками, лучше справляются с задачами, требующими концентрации внимания и работы кратковременной памяти. Эллиен Биалисток, профессор Йоркского университета (Канада), активно исследующая взаимосвязь дву- и многоязычия с когнитивными процессами, сравнивает билингвизм с фитнесом для мозга, польза от которого сравнима с пользой физических упражнений для тела человека при условии, что обучение двум языкам проходит естественно и непрерывно, доказывая опытным путем, что

изучение языков относится к факторам, предотвращающим наступление деменции [Bialystok, 2009; Bialystok, 2015].

Открывшиеся исследователям в последние десятилетия преимущества билингвизма объясняют широкое распространение билингвальных школ в разных уголках мира (в особенности в США), в которых обучение осуществляется на нескольких языках. Проводимые диагностические срез-тесты показывают, что дети в двуязычных школах «в целом учатся лучше, чем их ровесники, которые получают образование на одном языке. Они более сосредоточены и имеют более высокую самооценку» [Vince, 2012. Электронный ресурс].

Однако, несмотря на кажущееся всеобщее признание преимуществ билингвизма в Новейшее время, и сегодня находятся исследователи, ставящие под сомнение заявленный выше положительный эффект, оказываемый билингвизмом на когнитивные и познавательные процессы. Так, лингвист и невролог Ангела де Брюйн (Angela de Bruin), соискатель ученой степени Эдинбургского Университета, провела системный анализ ста шестидесяти девяти сборников конференций, посвященных билингвизму и управлению когнитивными операциями, прошедших между 1999 и 2012 годами, и пришла к выводу, что на конференциях около половины представленных результатов говорили полностью или частично в пользу преимущества билингвизма, тогда как другая половина его частично или полностью опровергала. Однако к публикациям, как правило, принималась именно первая половина. Эксперименты, проводимые де Брюйн и ее научным руководителем, подтверждают, что преимущества билингвизма нередко являются всего лишь побочным результатом дополнительного обучения, которое является необходимой частью процесса усвоения второго языка [de Bruin, 2014].

Исследования билингвизма с позиций психолингвистики и нейропсихологии являются на сегодняшний день наиболее перспективными; очевидно, что чем больше данных удастся получить ученым, тем больше возникает новых вопросов. И,

видимо, еще долгое время будет оставаться загадкой то, что именно происходит в мозге билингва, возбуждая различные вопросы мозговой организации при поли- и билингвизме.

В рамках *лингвистического* подхода выделяются два прямо противоположных взгляда на сущность билингвизма, связанные с уровнем владения языками. Еще в середине XX века все многообразие трактовок рассматриваемого явления, сложившихся в лингвистике, было сведено к двум основным концепциям: узкой и широкой. Согласно узкой трактовке, которой придерживается, например, отечественный лингвист В.А. Аврорин, двуязычием признается «примерно одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Аврорин, 1972: 53]. Схожих взглядов придерживаются западные исследователи билингвизма М. Сигуан и У. Макки, предлагая называть двуязычным «того человека, который, кроме своего первого языка, в сравнимой степени компетентен в другом языке, способен со схожей эффективностью пользоваться в любых обстоятельствах тем или другим из них» [Сигуан, Макки, 1990: 10]. Критикуя данный подход и представляя сторонников противоположной точки зрения, Н.В. Имедадзе отмечает, что такое определение способно привести «к неоправданному сужению этого понятия до чрезвычайно редкой и чреватой многими психологическими трудностями формы – полное функциональное равенство языков ставит под вопрос органическую связь языка и когнитивных процессов; полное размежевание функций может привести к раздвоению личности» [Имедадзе, 1979: 176].

Одной из наиболее удачных попыток найти компромисс можно считать позицию чешского лингвиста Б. Гавранека, который выделяет две степени двуязычия: полное и частичное. По замечанию ученого, «следует различать степени коллективного двуязычия, а все, что им не является, попадает под более широкую

категорию языкового контакта» [Гавранек, 1972: 98. Электронный ресурс]. Подобное мнение высказывает в своих трудах Т. Скутнаб-Кангас, отмечая, что даже если швейцарец знает греческий алфавит, но при этом не в состоянии ни сложить слова из букв, его составляющих, ни понять значения готовых слов, он уже является билингвом [Skutnabb-Kangas, 1981: 85]. При этом индивид, способный с высокой степенью успешности осуществлять синхронный перевод текстов любой тематики и уровня сложности, также считается билингвом.

Соглашаясь с учеными, занимающими подобную позицию, нашей работе мы придерживаемся широкого понимания двуязычия – как способности использовать две языковые системы в процессе коммуникации в той степени, которая достаточна для достижения определенных коммуникативных целей, поскольку, проживая в полиэтническом сообществе, ежедневно сталкиваемся с различными ситуациями, связанными с особенностями двуязычной коммуникации. В последние десятилетия этот подход, предполагающий существенные различия в знании двух языков, завоевывает все большую популярность в связи с массовым распространением билингвизма и постоянным увеличением числа двуязычных индивидов в мире. Доказательства правомерности широкого подхода приводят многие лингвисты. Так, А. Мартине в своем исследовании приходит к заключению, что знание иностранного языка на уровне, сопоставимом с уровнем знания родного, доступно ограниченному кругу людей и является несомненным исключением, «требующим от двуязычного индивида такой целенаправленной деятельности, на которую мало, кто способен» [Мартине, 1972: 83]. Данный факт находит подтверждение и в работах отечественного лингвиста А.И. Холмогорова, который отмечает, что «процент таких “совершенных” билингвов всегда составлял не более 2-4% от общего числа людей, владеющих двумя языками» [Холмогоров, 1972: 6].

Ученые-лингвисты занимаются изучением билингвизма с точки зрения сосуществования двух языковых кодов в речемыслительной деятельности индивида,

принимая во внимание возникающие при этом трудности как результат взаимовлияния и взаимодействия структурных элементов языков на разных языковых уровнях. Первыми исследователями двуязычия считаются Ж. Ронжа и В. Леопольд, которые занимались исследованием развития языковой готовности своих собственных детей и, ведя дневники, фиксировали развитие разных областей языка [Ronjat, 1913; Leopold, 1949]. Выдвинув предположения о том, что билингвальности можно достичь не обучая специально ребёнка, а лишь постоянно разговаривая с ним на двух разных языках, Жюль Ронжа доказал его состоятельность примером собственного сына, с которым он разговаривал только на французском языке, а его жена – на немецком. В 1913 году Ронжа издал книгу «Языковое развитие ребёнка-билингва» [Ronjat. Электронный ресурс]. Этот труд заложил основу для дальнейшего изучения феномена билингвизма.

В отечественном языкознании особую роль в развитии учения о двуязычии сыграл русско-польский лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, который на протяжении многих лет вел записи, наблюдая за речевым развитием своих детей, отмечая среди прочих факты «языкового смешения» в их речи. Он одним из первых затронул вопросы, связанные с изучением тех изменений, которые происходят в сознании двуязычного индивида под влиянием двух языковых систем, а также выступал в защиту прав языков национальных меньшинств России и их носителей [см.: Круглякова. Электронный ресурс]. Вслед за ученым данную работу продолжили его ученики и последователи, посвятив свою деятельность исследованию речи и индивидуальных ошибок полиглотов. В.А. Богородицкий (1857–1941) подробно анализировал лексические и грамматические ошибки в ситуации русско-немецкого билингвизма, а Е.Д. Поливанов (1891–1938) изучал фонетическую интерференцию в разных языках народов мира. Именно их работы заложили традиции лингвистического изучения феномена многоязычия [Там же].

В рамках лингвистического подхода билингвизм рассматривается в первую очередь как источник интерференции, появляющейся в речи билингва вследствие языкового контакта. Классическими трудами в данной области считаются научные работы У. Вайнрайха, которым были подробно рассмотрены языковые контакты на всех уровнях системы языка и подвергнуты анализу особенности фонетической, грамматической и лексической интерференции. В своих исследованиях ученый сам четко определяет круг вопросов, связанных с изучением билингвизма с лингвистической точки зрения: «...описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить те различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием» [Вайнрайх, 1972: 27].

Более подробное рассмотрение явления интерференции (лат. *inter* «между» + *ferens* (*ferentis*) «несущий») необходимо в данной работе для осуществления полноценной интерпретации полученного в результате серии психолингвистических экспериментов эмпирического материала. У. Вайнрайх и ряд его последователей определяет интерференцию следующим образом: “those instances of deviation from the norms of either language which occur in the speech of bilinguals as a result of their familiarity with more than one language” (такие примеры отклонения от нормы в одном из языков, которые проявляются в речи билингва и являются результатом владения им двумя и более языками) [Weinreich, 1979: 1]. Исследуя данное явление, В.М. Блинохвотова вслед за А.Е. Карлинским понимает под интерференцией «случаи отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на втором языке под влиянием первого языка. Случаи же отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на первом языке, которые возникают в результате влияния второго языка, следует называть интеркаляцией» [Блинохвотова, 2005: 28]. Далее автор

подчеркивает тот факт, что не следует путать явление интеркаляции и переключение с одного языка на другой в процессе речи. В первом случае проблемы выражения видны в рамках одного предложения на родном языке, во втором – чередование происходит на двух языковых уровнях с использованием нормативных конструкций и грамматики [Там же: 29]. Интеркаляцию иногда называют обратной интерференцией. Многие авторы считают, что наиболее существенным аспектом билингвизма с лингвистической точки зрения является изучение вопросов, связанных с особенностями проявления интерференции в различных коммуникативных ситуациях [Дешериев, 1972]. Л.Л. Аюпова выделяет несколько степеней интерференции: «сильная, умеренная, слабая, едва заметная и нулевая, которая наблюдается очень редко» [Аюпова, 1988: 43]. Сильная интерференция проявляется комплексно, на всех уровнях речи: фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом. Умеренная интерференция предполагает наличие некоторых нерегулярных отклонений на одном из уровней языка в речевой деятельности билингва. Слабая интерференция связана с отклонениями на фонетическом уровне: ошибками произношения либо постановкой ударения, а также с нарушениями мелодики речи в одном из языков билингва. Кроме того, ученый выделяет нулевую интерференцию, которая подразумевает безупречное владение обоими языками и демонстрирует абсолютное знание языков билингвом, что встречается крайне редко [Там же].

В качестве единицы измерения различных степеней интерференции Р.И. Хашимов вводит понятие интерферемы [Хашимов, 2003], которая может быть простой, сложной, разноуровневой, синкретичной и множественной. Простая интерферема соответствует слабой степени интерференции и представляет собой минимальную лингвистическую единицу отклонения от норм второго языка, которая проявляется на одном уровне речи. Сложная интерферема как результат средней степени интерференции являет собой лингвистическую единицу отклонения от норм

второго языка, которая состоит из двух и более нарушений на одном каком-либо уровне речи. Синкретичная интерферема – это такая лингвистическая единица отклонения от норм второго языка, которая включает в себе одновременно два и более нарушения на одном каком-либо уровне или на нескольких уровнях речи. Подобная интерференция обычно отмечается на морфологическом и синтаксическом уровне, на словообразовательном и лексическом, на лексическом и фонетическом уровнях и т.д. Разноуровневая интерферема – это такая лингвистическая единица отклонения от норм второго языка, которая содержит в себе нарушения на разных уровнях речи и встречается при низком уровне владения билингом второго языка.

С термином «интерференция» тесно связано понятие «переключение кодов», к которому мы обращаемся в главе 3 на стадии качественного анализа экспериментальных данных. Согласно западным исследованиям, существует четыре типа переключения кодов, которое мы также рассматриваем в рамках проводимого нами исследования: 1) межпропозиционное (*intersentential switching*), 2) внутрипропозиционное (*intrasentential switching*), 3) идиоматическое (*tag switching*) и 4) внутрисловесное переключение (*intraword switching*) [Wardhaugh, 2010]. Межпропозиционное переключение проявляется на уровне предложения, внутрипропозиционное переключение – внутри предложения. Идиоматическое переключение подразумевает перенос из одного языка в другой идиомы, метафоры или крылатой фразы, не существующей во втором языке. Несмотря на то, что в настоящее время понятия «переключение кодов» и «смешение кодов» нередко используются как взаимозаменяемые, в лингвистике существует и иной взгляд на данное явление, который выражает, например, Д. Уинфорд, утверждая, что данные термины могут лишь дополнять, но не замещать друг друга. Ученый рассматривает кодовое смешение как смену языкового кода в пределах одного предложения, понимая под кодовым переключением «смену языкового кода между предложениями» [Winford, 2003: 103].

З.Г. Прошина определяет переключение кодов как «переход от одного языка к другому в зависимости от обстоятельств», а смешение кодов описывает как такой же переход, происходящий «в разговоре двух билингов без изменения ситуации» [Прошина, 2001: 37].

Поскольку исследование межъязыковой интерференции напрямую связано с поиском возможностей ее прогнозирования и предотвращения, лингвистический аспект изучения билингвизма оказывается в непосредственном взаимодействии с лингводидактическим и методологическим. На необходимость исследования интерференции не только лингвистикой, но целым комплексом наук, указывает, в частности, Л.И. Баранникова, подчеркивая, что интерференция представляет собой явление, имеющее «психологические и социально-исторические корни» [Баранникова, 1972: 93]. В настоящее время накоплен достаточно большой опыт исследования интерференции. Большинство работ ученых посвящено именно отрицательному аспекту интерференции – отклонениям и нарушениям в речи билинга, однако существует и положительная интерференция, которую также называют положительным переносом, или транспозицией, которая проявляется в приобретении, закреплении и углублении знаний, умений и навыков в одном языке под влиянием другого.

Таким образом, двуязычие представляет собой многомерное явление и охватывает круг проблем, связанных с комплексом лингвистических дисциплин: социолингвистикой, психолингвистикой, этнолингвистикой, лингвокультурологией, оптимального решения которых возможно добиться только совместными объединенными усилиями ученых – представителей различных подходов. Несмотря на постоянно возрастающее количество научных трудов, посвященных описываемому феномену, множество вопросов, затрагивающих способность индивида к речевой деятельности на двух и более языках, не нашло на сегодняшний день окончательных ответов, однако заставило ученых различных направлений

признать положительный фактор влияния билингвальности на различные аспекты жизнедеятельности индивида. Массовый характер, приобретаемый билингвизмом как социолингвистическим явлением в последние десятилетия, обуславливают растущий к нему интерес не только со стороны лингвистики, но и с позиций философии, психологии, педагогики, социологии и даже физиологии.

1.2. Типология билингвизма

Поскольку в рамках данной работы нами предусмотрено проведение экспериментального исследования речевой деятельности билингвов с учётом типа формирования раннего двуязычия, для получения достоверных экспериментальных данных и их адекватной интерпретации необходимо рассмотреть выделяемые современными учеными разновидности типологий билингвизма.

В настоящее время в научной литературе накоплен немалый объем самых разнообразных типологий двуязычия, отражающих самые различные аспекты его изучения: психологические, лингвистические, социальные, функциональные, методологические и др.

Описав в предыдущем параграфе основные подходы к изучению явления билингвизма, попытаемся систематизировать имеющиеся в научной литературе типы двуязычия в рамках каждого из этих подходов.

Рассматривая билингвизм в социолингвистическом плане, мы встречаемся с большим числом различных типологий, из которых наиболее актуальной для нашего исследования является классификация билингвизма *по способу усвоения неродного языка*, предложенная рядом исследователей. Так, А.А. Залевская и И.Л. Медведева выделяют *естественное (бытовое) и искусственное (учебное)* двуязычие. При естественном билингвизме индивид овладевает двумя языками интуитивно, путем погружения в соответствующую языковую среду и получая таким образом богатый

речевой опыт, а при искусственном – иностранный язык «выучивается посредством волевых усилий» и с использованием специальных методов и приемов [Залевская, 2002: 7]. Активные исследования учебного двуязычия в конце XX столетия привели к возникновению особой дисциплины, занимающейся изучением освоения неродного языка и получившей в англоязычной традиции название Second Language Acquisition. Следует отметить, что в зарубежной научной литературе все вопросы, связанные с искусственным двуязычием, как правило, вообще не относят к проблемам билингвизма, а рассматривают в рамках Second Language Acquisition.

К указанным выше типам двуязычия по способу усвоения второго языка В.П. Белянин [Белянин, 2004] добавляет *синтезированный*, возникающий при объединении условий естественного и искусственного двуязычия. Подобная ситуация наблюдается, например, в случае мигрантов, когда, меняя место проживания, люди сталкиваются с необходимостью изучения иностранного языка не только путем погружения в языковую среду, но и посредством целенаправленных учебных действий. Синтезированный билингвизм характеризует ситуацию двуязычия на Кипре среди мигрантов, прибывших на остров в подростковом либо взрослом возрасте и вынужденных изучать греческий язык дополнительно в академических условиях.

Поскольку наше внимание в настоящем исследовании сосредоточено на естественном билингвизме, то в рассмотрении критериев дальнейшего деления данного типа двуязычия на типы мы обращаем особенное внимание на классификацию, предложенную И. В. Щегловой, в которой в качестве основных и наиболее релевантных для нашей работы выделяем следующие основания:

1. Детерминированность возрастом билингвов: детский билингвизм, билингвизм мобильной коммуникативной личности, билингвизм коммуникативной личности старшего поколения.

2. Потребность в общении на каждом из языков: лично мотивированный билингвизм и внушаемый билингвизм.
3. Анализ речевого поведения в функциональном аспекте: интегральный билингвизм и распределенный билингвизм.
4. Частота обращения: активный билингвизм и пассивный билингвизм.
5. Уровень развития билингвизма: рецептивный билингвизм, репродуктивный билингвизм, продуктивный билингвизм.
6. Возраст, в котором происходит усвоение языка: ранний билингвизм и поздний билингвизм.
7. Соотношение частоты использования языков: сбалансированный билингвизм и несбалансированный билингвизм.
8. Ареал распространения двуязычия: локальный билингвизм и распространенный билингвизм [Щеглова, 2017]. Более подробно эти и некоторые другие типы билингвизма будут рассмотрены нами далее в пределах каждого из описанных выше подходов к изучению двуязычия.

Выделение И.В. Щегловой локального и распространенного билингвизма, на наш взгляд, пересекается с типологией Е.М. Верещагина, который на основании *соотнесенности билингвизма с определенным социальным коллективом* различает три основных типа двуязычия: индивидуальный, групповой и массовый [Верещагин, 2014].

Индивидуальный билингвизм соотносится с одним членом языковой общности или с несколькими членами этой общности, не связанными между собой. Как уже отмечалось, в западной традиции принято использовать термин «билингвальность», говоря об индивидуальном владении личности двумя языками, в то время, как термин «билингвизм» подразумевает установившуюся ситуацию общения в двуязычном языковом сообществе [Hamers, Blanc, 2000].

Групповым билингвизм является в том случае, когда несколько людей, входящих по некоторому признаку в одну социальную группу (жильцы одного дома, района; профессиональные коллективы, социальные классы; религиозные общины, партии и т.д.), употребляют в общении между собой две языковые системы. Групповым может считаться также двуязычие, характерное для небольших в количественном соотношении демографических групп людей, что является одним из характерных признаков русско-греческого билингвизма на Кипре.

Массовым билингвизм называется в том случае, если данное умение соотнесено со всей языковой общностью, проживающей на значительной территории. Массовый билингвизм наблюдается, например, среди некоторых этнических групп, расселившихся на территории, преимущественно занятой иноязычным народом. Данный вид билингвизма может носить официальный характер – быть признанным на уровне конституции страны или фактический – иметь широкое распространение среди населения страны, у которой только один государственный язык. Примером юридически признанного массового билингвизма может служить Канада, где государственными языками являются английский и французский.

Различая билингвизм *по времени овладения вторым языком*, Ж.Ф. Хамерс и М. Бланк выделяют *ранний или синхронный* (когда оба языка являются родными), *последовательный* (второй язык усвоен в возрасте до 10 лет), *подростковый и взрослый* билингвизм [Hamers, Blanc, 2000], расширяя таким образом общепринятое большинством отечественных и зарубежных лингвистов деление на два типа по данному критерию: *детский и взрослый* билингвизм. Так как в основе нашего исследования лежит анализ материалов, полученных в результате работы с естественными билингвами школьного возраста, нам представляется весьма значимым разграничение типов детского билингвизма, предложенное американским профессором С. Ромейн. В основе классификации ученого лежат три основных

аспекта, взаимодействие которых определяет модель формирования билингвизма: родной язык родителей, доминирующий язык в социуме, язык общения с ребенком в семье [Romaine, 1995]. Всего С. Ромейн выделяет шесть типов двуязычия.

1. «Один человек – один язык» («one-person – one-language») – представляет собой модель формирования билингвизма ребенка, воспитывающегося в биэтнической семье, когда каждый из родителей общается с ребенком с рождения на родном для него языке в условиях доминирования в обществе языка одного из родителей.

2. «Недоминантный язык в домашнем общении – язык общества» («non-dominant home language / one language – one environment»). Модель формирования двуязычия, в рамках которой родные языки родителей не совпадают, при этом общение дома происходит на недоминантном для данного языкового коллектива языке, несмотря на то, что язык одного из родителей доминирует в обществе.

3. «Язык семьи – язык общества», т.е. недоминантный язык в домашней среде, не совпадающий с языком социума («non-dominant home language without community support»). У родителей один и тот же родной язык, на котором они общаются с ребенком дома. В социуме доминирует другой язык.

4. «Два недоминантных языка в домашней среде, не совпадающие с языком социума» («double non-dominant home language without community support»). Родные языки родителей не совпадают; каждый из родителей общается с ребенком с рождения на своем родном языке; в социуме доминирует третий язык, который дома не используется.

5. «Общение на неродном для родителей языке» («non-native parents») – это пример семьи, в которой один из родителей решил использовать какой-либо язык в общении с ребёнком, хотя тот не является его родным.

б. «Смешение языков» («mixed languages»), когда родители – билингвы, постоянно переключаются с языка на язык и смешивают языки, общаясь с ребенком (например, ситуация Spanglish или Franglish).

В нашем исследовании принимали участие дети-билингвы первого и третьего типов данной классификации – наиболее распространенных типов билингвизма на Кипре. При этом билингвизм всех участников эксперимента относится в одинаковой степени и к *бытовому*, и к *целевому*, что определяется его функциональным содержанием. Бытовой билингвизм, возникая только при естественном двуязычии, носит, как правило, стихийный характер и предполагает попеременное употребление двух языковых систем в повседневных ситуациях общения. Целевой билингвизм характерен для учебного двуязычия либо для людей, профессиональная сфера которых непосредственно связана с использованием двух языков – родного и иностранного – в своей речевой деятельности [Бертагаев, 1972]. Сфера применения одного из языков таким образом оказывается ограниченной.

Каждому типу, установленному на основе социологических критериев, соответствует свой тип психических речевых механизмов и свой тип лингвистической формы речевых механизмов. В основе психолингвистической типологии билингвизма одним из основных критериев выделяют ***число действий, выполняемых на основе умений***. Так, различают *рецептивный* билингвизм, который подразумевает лишь способность понимать речь на втором языке (через зрительный или слуховой канал); *репродуктивный*, при котором билингв способен только воспроизводить услышанное и прочитанное на втором языке; *продуктивный*, который связан со способностью билингва не только понимать и воспроизводить речевые произведения на втором языке, но и самостоятельно порождать их [Верещагин, 2014]. Если первые два вида билингвизма характерны в большей степени для искусственного или учебного двуязычия, представляя собой самостоятельные цели обучения, то последний может наблюдаться в обоих случаях –

как естественного, так и искусственного способов усвоения двух языков – и характеризует двуязычие русско-греческих школьников-билингвов, речевые высказывания которых даже при наличии грамматических и речевых ошибок носят творческий и осмысленный характер. Отстаивая правомерность такой классификации, Е.М. Верещагин отмечает нецелесообразность использования терминов «активный» и «пассивный» билингвизм вместо приводимых ученым «продуктивный» и «рецептивный», подчеркивая, что мы «не остаемся пассивными ни тогда, когда слушаем, ни тогда, когда стараемся вникнуть в содержание прочитанного текста» [Верещагин, 2014: 25].

Следующим критерием типологии в рамках психологического аспекта является *соотнесенность речевых механизмов между собой*. Л.В. Щербой впервые были выделены два типа билингвизма: *чистый*, при котором речевые механизмы, обеспечивающие порождение речи на двух языках, функционируют независимо друг от друга; и *смешанный или параллельный*, характеризующийся наличием постоянной связи между двумя речевыми механизмами. В первом случае «два языка никогда не встречаются: член двух взаимно исключаящих друг друга групп никогда не имеет случая употреблять два языка попеременно. Оба языка совершенно изолированы друг от друга» [Щерба, 1974(а). Электронный ресурс]. Смешанное же двуязычие наблюдается, когда «две социальные группы в той или иной степени друг друга покрывают, люди постоянно переходят от одного языка к другому и употребляют то один, то другой язык, сами не замечая того, какой язык они в каждом данном случае употребляют» [Там же]. Именно этот тип двуязычия, характерный для рассматриваемых нами групп билингвов, позволяет говорить о кодовом переключении двуязычного индивида.

Схожая с данной модель двух типов двуязычия была предложена Сьюзен Эрвин-Трипп, которая выделила совмещенное (compound) двуязычие, которое предполагает смешение элементов двух языков в речи билингва, и соотносительное,

или координативное (coordinate) двуязычие, когда порождение текстов на каждом из языков происходит самостоятельно, без вовлечения элементов другого языка, их содержание лишь координировано, соотносимо на двух языках [Ervin-Tripp, 1973].

Английский лингвист Р.Т. Белл рассматривает феномен билингвизма преимущественно с позиции переключения кодов. Так же разделяя билингвизм на *смешанный* и *координативный* и представляя первый «единой семантической базой, связанной с двумя механизмами входа и двумя механизмами выхода», второй – как «две семантические базы, каждая из которых связана с конкретными языковыми системами входа-выхода» [Белл, 1980: 168], он вводит понятие «интер-языка» билингва, для которого характерно наличие элементов интерференции (интерферем) из одного языка в другой: «высказывания индивида, говорящего на некотором L2, не являются ни высказываниями на L2, ни высказываниями на L1, а представляют собой поверхностные манифестации «интер-языка» – языковой системы, формальные характеристики которой помещают ее в некоторой точке между L1 и L2» [Там же: 169].

Таким образом, очевидно, что кодовое переключение представляет собой не менее сложное явление, чем сам феномен двуязычия, также оказываясь под воздействием лингвистических, социальных и психологических факторов. Так, социолингвистика занимается изучением внешних факторов, детерминирующих переключение кодов в процессе коммуникации и обуславливающих возникновение явления языковой и речевой интерференции; психолингвистика исследует поведение двуязычного индивида с точки зрения процессов, происходящих в его мозге во время коммуникативных актов, протекающих с участием двух языковых систем; в рамках лингвистического подхода анализируются структуры смешанных высказываний и их компонентов на различных уровнях языка, устанавливаются закономерности, объясняющие появление вышеописанного явления переключения кодов. Сегодня ученые сходятся в том мнении, что способность к кодовому

переключению свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком и об определенной коммуникативной и общей культуре человека, что подтверждается и нашими наблюдениями за двуязычными детьми, для которых стратегия кодового переключения является широко распространенной практикой повседневной коммуникации. При этом школьники-билингвы демонстрируют высокую способность к различным видам кодовых переключений: межпропозиционным, внутрипропозиционным, идиоматическим и внутрисловесным. Очевидно, что по другим параметрам, согласно мнению некоторых ученых, вопрос о соотношении принимавших участие в эксперименте билингвов со смешанным или координированным типом является довольно спорным. Противоречия, возникающие по данной теме в работах лингвистов, анализирует Карл Диллер, приводя среди прочих пример билингва, чья мама говорит с ним только по-шведски, а папа – по-фински, в результате чего его речезыковая способность в обоих языках достигает высокого уровня [Diller, 1970: 255]. В таком случае Э. Осгуд и У. Ламберт называют данный вид билингвизма смешанным [Там же], в то время как Н. Брукс считает, что в данном случае возможно вести речь исключительно о координативном билингвизме, поскольку смешанное двуязычие предполагает несформированность речезыковых навыков в одном из языков – таково, например, англо-латинское двуязычие выпускника английской средней школы, посещающего уроки латинского в течение нескольких лет [Brooks, 1964].

Следующий вид типологии билингвизма – *на основе доминантного механизма* – рассматривается учеными как в психологическом, так и лингвистическом плане [Верещагин, 2014]. Различие между двумя типами билингвов в данном случае связано с таким понятием, как доминантный язык. У. Ламберт разработал объективную методику определения доминантного речевого механизма билингва [Lambert, 1955]. При использовании этой методики билингву необходимо «отреагировать словом на слово того же или другого языка, на

изображения, а также давать словесные ассоциации и т.д.» [Верещагин, 2014: 29]. Если реакции индивида, относящиеся к одному из языков, протекают медленнее, то речь идет о *билингвизме с ярко выраженным доминантным механизмом*; в случае отсутствия подобной замедленности реакций правомерно говорить о *билингвизме с уравновешенными речевыми механизмами*. Доминантность языка может быть абсолютной и относительной. Абсолютная доминантность устанавливается на основании выявления более «сильного» языка в речевой деятельности билингва в целом, а относительная определяется в конкретных актах коммуникации в зависимости от ведущего языка собеседников или от места (страны) общения [Чиршева, 2004].

Рассматривая в качестве главного критерия разграничения типов билингвизма *способ связи речи* на каждом из языков *с мышлением*, выделяют *непосредственный и опосредованный*. В первом случае речь идет о бессознательно-интуитивном практическом владении вторым языком, тогда как в случае опосредованного двуязычия при построении речевого высказывания билингв «кодирует и декодирует мысли, выражаемые на втором языке, посредством кодовой системы второго» [Беляев, 1965: 24].

Основным лингвистическим критерием типологии билингвизма является *наличие / отсутствие ошибок* в порождаемых билингвом высказываниях. В связи с этим выделяют *субординативный и координативный* билингвизм. Субординативный билингвизм возникает, как правило, в случае последовательного усвоения языков. В результате первый язык билингва оказывается доминантным в его речевой практике и служит причиной интерференции речевых умений, следствием которых является наличие грамматических и речевых ошибок на всех уровнях языковой системы. Н.Н. Рогозная в своей монографии привела подробное описание нарушений во всех звеньях языковой системы, начиная от графики,

включая лексику, грамматику, коммуникативные единицы синтаксического уровня и завершая просодическим уровнем [Рогозная, 2001].

Координативный билингвизм – это такой вид продуктивного билингвизма, который обеспечивает порождение правильной речи, т.е. речевых высказываний, лишенных каких-либо ошибок на любом из языковых уровней, обусловленных влиянием одной языковой системы на другой. Описывая билингвов данного типа, Л. В. Щерба приводил в пример двуязычное население, говорящее одновременно на немецком и лужицком языках. «Я смог констатировать, что любое слово этих двуязычных лиц содержит три образа: семантический образ, звуковой образ соответствующего немецкого слова и звуковой образ соответствующего лужицкого слова, причем все вместе образует такое же единство, как и слово всякого другого языка. Говорящие, правда, сознают, что одна форма лужицкая, а другая немецкая, но они очень легко переходят от одной к другой, так что взаимные подстановки в тех случаях, когда одна из двух форм слабеет по какой-то причине, всегда остаются незамеченными. Быть может, даже было бы неточно сказать, что люди, о которых идет речь, знают два языка: они знают только один язык, но этот язык имеет два способа выражения, и употребляется то один, то другой» [Щерба, 1974(б). Электронный ресурс]. По мнению Л. Селинкер, число людей, владеющих двумя языками на уровне координативного билингвизма, не превышает 5% всего населения планеты [Selinker, 1972].

Мы перечислили лишь те из существующих типов классификаций билингвизма, которые имеют свое место и значение в нашем исследовании, однако в лингвистике существуют и другие критерии разграничения типов двуязычия. Так, выделяется симметричный и асимметричный билингвизм (по характеристике социально-ролевой и функциональной равноправности двух языков); контактный и неконтактный (по преобладающим ситуациям общения билингва); национальный и региональный (по этноязыковому признаку билингвов); функциональный и

этнический (по характеристике преобладающих сфер общения, в которых билингв употребляет второй язык); дополнительный и замещаемый билингвизм (по устойчивости языковой компетенции на Я1) и др.

Наиболее подробную классификацию типов билингвизма, в основе которой лежит междисциплинарный синтез различных наук в их тесной взаимосвязи, привел в своих научных трудах Н. Baetens Beardsmore, который выделил более 30 типов двуязычия [Baetens-Beardsmore, 1986]. Поскольку билингвизм представляет собой динамичное явление, постоянно развивающуюся под воздействием различных экстралингвистических факторов способность индивида либо социальной общности использовать два языка в целях коммуникации, то большинство описанных типов не имеют резкой границы, и в каждом конкретном случае возможен переход из одного типа билингвизма в другой. Например, из рецептивного в продуктивный, из субординативного в координативный и т.д.

Анализируя двуязычие русско-греческих билингвов школьного возраста и наблюдая за их коммуникативным поведением, мы можем сделать некоторые выводы об общих чертах исследуемого двуязычия: речь идет о естественном продуктивном билингвизме смешанного типа, для которого характерна относительная доминантность греческого языка, связанная с некоторым преобладанием сфер его употребления в лингвосоциальной жизни билингвов.

1.3. Особенности детского билингвизма при овладении языками в естественных условиях

Билингвизм каждого отдельного индивида представляет собой сплав различных характеристик, из которых одной из базовых является возраст начала усвоения второго языка. Поскольку в центре нашего исследования находятся естественные билингвы подросткового возраста, начавшие усваивать оба языка в

возрасте до 6 лет, мы считаем необходимым рассмотреть более подробно некоторые аспекты детского билингвизма, который, безусловно, обладает рядом специфических черт. Исследования детского двуязычия уже давно показали, что билингвы демонстрируют те же стадийные особенности грамматического развития, что и монолингвы. Однако до сих пор остается спорным вопрос о том, как именно два языка влияют друг на друга, если ребенок овладевает ими в дошкольном возрасте. Одним из первых о непосредственном влиянии возраста билингва в период усвоения второго языка на характер двуязычия заговорил немецкий лингвист и нейробиолог Эрик Леннеберг, разработавший гипотезу «критического периода», согласно которой способность индивида освоить второй язык естественным образом напрямую связана с определенным возрастом [Lenneberg, 1967]. Другим известным ученым, выдвинувшим большинство гипотез раннего периода, является С. Крашен. Согласно его теории, критический период усвоения языка длится до пяти лет [Krashen, 1973]. В дальнейшем эта теория была подвергнута критике со стороны многих исследователей, в частности, нейтивистов, среди которых Роберт Декайсер (University of Maryland) [Dekeyser, 2005], акцентирующий роль языковой способности в противопоставление гипотезе о критическом периоде; Б. Мак-Винни, утверждающий, что овладение речью – когнитивный процесс, для которого необходимо сочетание как биологических способностей так и факторов окружающей среды [MacWhinney, 2002. Электронный ресурс] и другие. Тем не менее сегодня мировое сообщество лингвистов, нейробиологов и психологов выражает единодушие относительно существования если и не жестких временных рамок, то по крайней мере предпочтительного возраста изучения языка, считая, что чем позже индивид начинает овладевать вторым языком, тем более сильным окажется интерферирующее влияние на него первого [Austin, Blume, Sánchez, 2015]. Возраст 8–11 лет считается критическим периодом в овладении вторым языком, так как впоследствии уменьшается вероятность качественного овладения его фонетической

системой, в частности, произношением и интонацией в связи с тем, что ответственные за реализацию данных аспектов языковой системы психомускульные механизмы активны лишь до 12 лет. При этом, как отмечает Е.Ю. Протасова, ситуация, касающаяся детей 8–16 лет, не поддается однозначному описанию, так как для многих детей этого возраста решающим оказывается воздействие школьного обучения. Шансы овладеть вторым языком на уровне носителя значительно возрастают, если на этом языке осуществляется обучение в школе и общение со сверстниками. При обучении языку после 16 лет обычно говорят только об усвоении второго языка [Протасова, 1998. Электронный ресурс].

У лингвистов также не вызывает сомнения тот факт, что одновременное раннее усвоение двух языков (*simultaneous acquisition*) разительно отличается от других форм формирования билингвизма, даже если это происходит в самом раннем детском возрасте (*early sequential acquisition*). При этом на развитие и характер двуязычия оказывают влияние такие факторы, как контекстуальный инпут языков, который может быть стихийным и направленным [Bialystok, 2001], частота и актуальность их использования, социально-экономический статус семьи. Очевидно, что наличие столь многочисленных аспектов, участвующих в формировании детского билингвизма, объясняет различие в результатах исследований ученых, пытающихся ответить на вопрос, является ли ранний билингвизм преимуществом или проблемой.

Эксперименты, направленные на выявление объема словарного запаса билингвов [Valdes, Figueroa, 1994; Pearson, Fernandez, Oller, 1993], свидетельствуют о том, что развитие вокабуляра билингвов младшего и среднего дошкольного возраста значительно отстает от подобных показателей монолингвов. Исследования П. Уцелли и М. Паез [Uccelli, Paez, 2007], касающиеся детей-билингвов предшкольного возраста, которые также демонстрируют низкие показатели в области способности формирования концептуальных связей, вызвало опасения

ученых относительно академических способностей этих детей в каком-либо из двух языков.

В 2007 году В. Гатерколем были проведены исследования в двух группах: испано-английских детей-билингвов, проживающих в Майами, Флорида, и англо-уэльских билингвов Северного Уэльса [Gathercole, 2007]. 55 участников эксперимента, дети от пяти до семи лет, выполняли одинаковые задания, направленные на выявление способностей к обобщению, категоризации, концептуализации, ассоциативному мышлению, и во всех случаях результаты билингвов в каждом из языков были ниже подобных показателей монолингвов.

Исследования по выявлению объема пассивного словарного запаса билингвов, проведенные на материале экспериментов с 28 англо-французскими билингвами возрастом от 2.5 до 3 лет, также дали неутешительные результаты – пассивный словарный состав билингвов значительно ниже монолингвальных норм этого возраста [Thordardottir, Rothenberg, Rivard, Naves, 2006]. В то же время другие экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что билингвы в возрасте от пяти до десяти лет, владеющие двумя языками на уровне от смешанного до координативного билингвизма, в среднем показывают более высокие результаты при выполнении когнитивных тестов, требующих концентрации внимания и умения сопротивляться отвлекающим факторам, чем их одноязычные сверстники [Bialystok, 2001; Morton, Harper, 2007].

В работах Виорики Мариан и Энтони Шука приводятся экспериментальные доказательства того, что билингвы, начиная с самого раннего возраста (7 месяцев) демонстрируют лучшие способности к переключениям с выполнения одной задачи на другую точно так же как к переходу с одного языка на другой [Marian, Shook, 2012. Электронный ресурс].

Очевидно, что подобные расхождения в результатах исследований детского билингвизма и его влияния на речевые и когнитивные способности двуязычного

ребенка имеют объективные причины, среди которых в первую очередь следует упомянуть различие в социально-экономическом статусе родителей билингва, которое долгое время не учитывалось в проводимых экспериментальных исследованиях. Тем не менее его роль в развитии сбалансированного билингвизма неоспорима – согласно статистике, дети до 3-х лет, воспитывающиеся в благополучных и стабильных в экономическом отношении семей получают на 30 миллионов больше слов из окружающего их инпута в сравнении с ранними билингвами из менее успешных семей [Hart, Risley, 2003]. Кроме того, существуют все основания считать, что отставание в объеме активного и пассивного словарей билингвов в сравнении с монолингвами – явление временное, вероятно, основной причиной столь значительной разницы является то простое обстоятельство, что временные рамки не позволяют уместить в языковой инпут двуязычного ребенка такое же количество слов на каждом языке, которое усваивает ребенок-монолингв. В сумме же словарный запас на двух языках может превосходить вокабуляр одноязычного ребенка, доказательством чего служат работы Б. Пеарсона [Pearson, Fernandez, Oller, 1993], сторонника холистического подхода к проблеме билингвизма. При этом следует признать, что само по себе количество лексических единиц, которыми способен оперировать в речевой деятельности билингв, не обеспечивает высокого уровня коммуникационных способностей индивида, в связи с чем учеными делаются попытки выявить зависимость лексического развития от качественных характеристик получаемого билингвом речевого опыта на каждом из языков [Barnes, Garcia, 2012].

Несмотря на то, что основная масса работ, посвященных изучению раннего детского билингвизма, принадлежит зарубежным исследователям, значительный вклад в развитие возрастной билингвологии внесли и многие отечественные ученые. Прежде всего стоит отметить Л.С. Выготского, который одним из первых в нашей стране осознал необходимость комплексного и детального изучения детского би- и

полилингвизма [Выготский. Электронный ресурс]. Достижения современных российских лингвистов в области исследования детского билингвизма, среди которых особая роль принадлежит Г.Н. Чиршевой, Е.Ю. Протасовой, Э.А. Салиховой и некоторым другим ученым, рассматривающим различные аспекты данного явления, подробно освещены в диссертации П.В. Коровушкина, посвященной изучению онтобилингвистического подхода к описанию лексикона индивида в условиях двуязычия. Мы согласны с определением раннего билингвизма, выведенного ученым на основании многолетнего наблюдения за детьми, усваивающими два языка одновременно: «Ранний детский билингвизм представляет собой овладение ребенком двумя языками в такой степени, которая обеспечивает коммуникацию на каждом из них в соответствии с его возрастными особенностями, в устной форме реализации, в одной или нескольких сферах общения» [Коровушкин, 2014: 56].

Несмотря на такое широкое трактование понятия «детский билингвизм», мы отрицаем однородность данного явления и считаем, что ранний билингвизм детей из моноэтнических семей имеет ряд отличительных характеристик в сравнении с билингвизмом детей из биэтнических семей, даже если возраст начала формирования двуязычия полностью совпадает. Кроме того, мы признаем необходимость разграничения статичных и динамичных критериев детского билингвизма, на которое указывала в своих трудах Г.Н. Чиршева, относя к статичным такие неизменные на протяжении всего периода формирования и развития билингвизма характеристики как этнолингвистический критерий, возрастные особенности, одновременность/разновременность формирования, степень родства языков и характер языковых контактов. К динамичным критериям ученый относит компетенцию, коммуникативную активность, способ и условия усвоения языков, характер связи с мышлением, сознательность формирования билингвизма и престижность языка. «Последние два критерия зависят не только от

внешних, социолингвистических условий, но и от психоллингвистических и лингводидактических особенностей речевого развития ребенка. Динамичные характеристики детского билингвизма соотносятся с билингвальностью ребенка, поэтому именно они находятся в фокусе внимания возрастной билингвологии» [Чиршева, 2012: 76].

К выводам относительно неоднородности раннего детского билингвизма нас подводит не только теоретический анализ литературы по данной теме, но и собственные наблюдения за детьми школьного возраста, с раннего детства владеющими русским и греческим языками. Данное исследование проводилось на базе русской общеобразовательной школы в республике Кипр. В первую смену школу посещают ребята, для которых русский язык является биологически родным и при этом основным языком обучения. Во вторую смену в школе обучаются двуязычные дети, билингвизм которых формировался по 1 и 3 типу классификации С. Ромейн (см. параграф 1.2) – («один язык – один родитель») «one-person-one-language» и («семейный язык – язык общества») «non-dominant home language without community support». Мы считаем, что в обоих случаях правомерно вести речь о раннем естественном билингвизме, подтверждение чему находим в работах многих ученых, например, Д. Хамер и М. Бланк, признают возможным вести речь о раннем естественном симультанном билингвизме, если ребенок освоил два языка до достижения им подросткового возраста (simultaneous early or infant bilinguality – when a child's acquisition of two languages occurs in the pre-adolescent phase of life or before adolescence) [Hamers, Blanc, 2000].

Основное образование ребята из обеих групп получают на греческом языке в государственных школах Кипра, однако билингвизм детей каждого типа обладает отличительными особенностями, при этом большее сходство в отношении взаимодействия языковых систем в речи и доминантности языка проявляют билингвы из моноэтнических семей. Уровень развития письменных и речевых

навыков в русском языке детей, воспитывающихся по принципу «один родитель – один язык», на момент поступления в школу может колебаться от самого низкого до совершенного (для каждого конкретного случая). Это обстоятельство лишний раз доказывает необходимость комплексного и многостороннего подхода к каждому отдельному варианту билингвизма.

Поскольку, согласно нашей гипотезе, показатели экспериментальных исследований, проводимых с билингвами 1-го и 3-го типа по типологии, разработанной С. Ромейн, должны различаться между собой, мы считаем необходимым рассмотреть каждую группу с присущими ей характерными чертами отдельно.

Первая группа – модель «один родитель – один язык» – дети из билингвальных семей, где в подавляющем большинстве папа является носителем греческого языка, а мама – русского, каждый из родителей соответственно общается с ребенком на своем родном языке. Возникающий в таких семьях билингвизм называется биэтническим, зачастую сопровождается бикультуральностью и считается наиболее благоприятным вариантом из всех 6 типов раннего двуязычия для формирования сбалансированного двуязычия.

Во вторую группу входят дети мигрантов из России и бывших союзных республик, говорящих между собой и с ребенком на русском языке. Во всех включенных в эксперимент случаях дети начали изучать греческий язык до того, как им исполнилось 6 лет, некоторые из них – с самого рождения. Поскольку доминантным в языковом окружении детей является греческий язык, большинство социальных ролей билингвов данной группы также реализуется на греческом языке. Следует отметить, что в научной литературе последних десятилетий естественных билингвов данного типа нередко называют херитажными, или эритажными (heritage bilinguals) [Polinsky, 2007; Марушкина, 2013], то есть носителями унаследованного языка, проживающими в ином языковом окружении. Занимаясь исследованиями

естественного детского билингвизма, Сильвина Монтруль, испанский лингвист, перечисляет ряд характеристик, свойственных эритажным билингвам:

- 1) высокий уровень владения двумя языками;
- 2) семейный язык не является доминантным в обществе, где живет билингв;
- 3) в большинстве случаев язык общества является доминантным для наследственного билингва;
- 4) семейный язык остается родным, даже в случае языковой аттриции [Montrul, 2015].

Однако мы отходим от употребления данного термина в нашей работе, поскольку считаем, что вести речь об унаследованном билингвизме возможно лишь в том случае, если уровень нормативного владения материнским языком остался на недостижимом для билингва уровне. В нашем же случае, во-первых, речь идет о билингвизме детей школьного возраста, что подразумевает динамичный, развивающийся характер двуязычия, и во-вторых, владение обоими языками билингвов, принимающих участие в описываемом в данной работе эксперименте, находится на приблизительно одинаковом уровне, что позволяет говорить о сбалансированном билингвизме (в то время, как термин «херитажный» подразумевает ярко выраженный доминантный характер языка окружения в речевой деятельности билингва, нередко приводящий к регрессии и даже утрате материнского языка).

Следует заметить, что вопрос о том, останется ли русский родным языком в рассматриваемой нами лингвистической паре для данного типа билингвов, полностью зависит от поведения родителей, поскольку нам известны случаи, когда после прибытия на Кипр родные ребенка 5–6 лет сознательно прекращали общение с ним на русском для облегчения адаптации в школе, в результате чего к 15–16 годам греческий полностью занимал позицию родного языка.

Еще более сложным является вопрос определения родного языка у билингов из смешанных семей. Несмотря на то, что некоторые исследователи предлагают рассматривать в качестве родного языка язык матери [Черничкина, 2013], мы считаем, что данный вопрос не может решаться таким однозначным образом. Многолетняя практика взаимодействия с детьми из биэтнических браков, проживающих на Кипре, показывает, что большинство ребят, чьи папы – киприоты, а мамы – носители русского языка, признают родным греческий язык. Некоторые из них владеют русским лишь на самом низком бытовом уровне, и вопрос этнической самоидентификации у них также решается в пользу греческого (даже национальность в паспорте у них определяется по линии отца). Другая часть билингов данной группы испытывает явные затруднения в определении их родного языка, поскольку, получая с рождения одинаковый инпут на обоих языках, равномерно распределяя социальные роли, выполняемые на русском и греческом, эти дети демонстрируют в равной степени принадлежность к обеим лингвокультурам. Поэтому мы считаем в данном случае вообще неправомерным ставить вопрос о первом и втором или родном и неродном языках учащихся. В подобных ситуациях мы склонны придерживаться позиции М. Свейн, которая впервые ввела понятие «билингвизм как первый язык» [Swain, 1972]. Такая терминология на первый взгляд кажется довольно противоречивой, и гораздо чаще о детях, выросших в билингвальном окружении, в зарубежной лингвистике говорят как о детях, одновременно усвоивших два языка (*children growing up with two languages*). Однако данный подход не отражает всей полноты мировидения индивидов, выросших в условиях сбалансированного естественного билингвизма, ограничивая данное явление лишь их языковой компетенцией. Что означает для детей-билингов принадлежность одновременно к двум этносам, двум культурным мирам – очередной вопрос, поднимающий массу разнообразных вариантов ответов; очевидно, что и здесь необходимо рассматривать каждый конкретный случай в

отдельности. Для одних это возможность, бывая в России, чувствовать себя так же комфортно, как и на Кипре, для других – шанс иметь больше друзей, завоевывая себе несомненный престиж среди сверстников; кто-то радуется возможности смотреть популярные среди подростков видеоблоги в интернете на русском языке, а кто-то с удивительной настойчивостью исследует свое генеалогическое древо, поражаясь тому, как совершенно разные миры его/ее дедушек и бабушек, живших по разные стороны Средиземного моря, соединились в нем самом. Однозначно в отношении каждого из этих детей можно сказать лишь то, что при любом уровне владения языками их взгляд на мир оказывается шире и богаче в сравнении с мировидением одноязычных сверстников, что неизбежно приводит к формированию таких качеств как толерантность и культурная эмпатия, а это зачастую оказывается важнее умения говорить на обоих языках, не допуская ошибок в речи.

1.4. Этноязыковая ситуация Кипра как условие развития билингвизма

Несмотря на то, что число двуязычных детей, проживающих на Кипре, постоянно растет, количество билингвов, посещающих две школы, меняется незначительно. Это говорит о том, что билингвизм большинства детей развивается стихийно, отличаясь по многим параметрам от осознанного двуязычия, направляемого родителями и педагогами. Будучи уверенными в том, что сбалансированного детского билингвизма, сочетающегося с одновременным развитием бикультуральности, в вышеописанных этноязыковых условиях можно добиться лишь с помощью целенаправленных занятий с детьми, мы считаем, что изучению особенностей его формирования необходимо уделить большее внимание. Несмотря на выход в свет многочисленных в последние два десятилетия работ, посвященных вопросам формирования идентичности молодежи в условиях миграции [Warriner, 2007; Rothman, 2005; Marrow, 2003] и еще более

многочисленных трудов лингвистов, посвященных явлению интерференции при естественном и искусственном билингвизме различных языковых пар [Cummins, 2000; Pavlenko, Blackledge, 2001], практически отсутствуют исследования, раскрывающие влияние одновременного усвоения языков на формирование картины мира билингвов и определение собственного места в этой системе взглядов на мир в каждом языке, что, на наш взгляд, является не менее важным.

Поскольку при изучении билингвизма детей в комплекс аспектов исследования включаются особенности двуязычия окружающих их взрослых и всего языкового общества, мы считаем правомерным включить в работу краткую характеристику языкового окружения детей-билингвов, участвующих в нашем исследовании. «Кроме элементов непосредственно культурной среды важен и другой фактор: наличие социума как такового. Ведь овладение языком, как родным, так и иностранным – это овладение средством общественной деятельности. Язык – не набор схем и правил, а средство общения. Язык нельзя выучить без употребления его в социальной среде» [Шепунова, 2008: 12]. Таким образом социальный контекст как определенное социальное окружение говорящего индивида является неотъемлемым элементом, обуславливающим характер формирования и развития билингвизма, поскольку напрямую влияет на коммуникативное поведение билингва.

Вопросы, имеющие непосредственное отношение к изучению особенностей языкового сообщества и языковой ситуации, необходимые для всестороннего рассмотрения билингвизма как социокультурного языкового явления, находятся в сфере интересов социолингвистики, науки, изучающей проблемы, связанные с социальной природой языка. В отечественной социолингвистике имеется множество определений термина «языковая ситуация», что объясняется разнообразием подходов, находящихся в тесной связи с лингвистической традицией. Так, на разных этапах развития социолингвистики вопросами языковой ситуации в нашей

стране занимались В.А. Аврорин, Ю.Д. Дешериев, А.Е. Карлинский, Б.А. Ларин, Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер, Л.В. Щерба, В.Н. Ярцева и др.

В качестве рабочего нами было выбрано определение «языковой ситуации» как взаимодействие разнообразных языковых форм и языков в процессе обслуживания ими всех сфер жизнедеятельности народа на определенной стадии его социально-экономического роста [Швейцер, 1990]. Согласно В.А. Аврорину, языковая ситуация является составной частью сложнейшей структуры социальных отношений в рамках того или иного сообщества людей. Вместе с тем, она представляет собой взаимодействие своих структурных компонентов (элементов и условий), располагающихся на разных уровнях. Важнейшими из этих компонентов являются социально-исторические условия [Аврорин, 1975].

Кипр, благодаря своему выгодному географическому положению, привлекающему представителей различных стран, на протяжении многих веков является островом совместного проживания многих народов. В разные исторические эпохи киприоты вынуждены были жить под господством своих завоевателей: персов, египтян, греков, фракийцев, венецианцев, турок и англичан, что неизменно приводило к возникновению феномена группового либо массового двуязычия, а также диглоссии, о которой упоминалось выше. Современная языковая ситуация диглоссии является результатом древнегреческой колонизации Кипра греками, после которого на острове остался доминировать аркадокиприотский диалект, принесенный выходцами из внутренних регионов Пелопонесса. После изоляции в конце XII века киприотский диалект испытал на себе большее влияние иноязычных систем, чем диалекты современной Греции. Наиболее значительное влияние на него оказали арабский, турецкий, французский, итальянский и английский языки. Семантическая близость между современным киприотским диалектом и новогреческим языком, или димотикой, варьируется в пределах 84–93%, что нередко затрудняет взаимопонимание киприотов с неподготовленными греками, поскольку

первые, будучи прекрасно знакомыми с нормами стандартного новогреческого языка на всех уровнях, в бытовом общении используют именно киприотский диалект.

В результате турецкой оккупации в 1974 году остров оказался разделен на две части: южную часть, которая осталась Кипрской Республикой, и северную (38% общей территории острова), которая в 1983 г. была провозглашена Турецкой Республикой Северного Кипра, хотя официально и не была признана другими странами.

На сегодняшний день Кипр представляет собой многонациональное общество. Несмотря на то, что официальными языками острова являются греческий и турецкий, по степени распространенности в южной части после греческого лидирует английский. Будучи колонией Великобритании на протяжении 82 лет, Кипр унаследовал от англичан всю систему государственной администрации и сохранил особый статус английского языка, который повсеместно изучается детьми в качестве первого иностранного с самого раннего возраста и имеет широкую сферу употребления: юриспруденция, система частного образования, здравоохранение и туризм. На Кипре насчитывается большое количество иммигрантов из других стран, приехавших либо на небольшой срок с целью заработка, либо иммигрировавших на остров с целью постоянного проживания. После распада СССР в 1990-х годах особый приток мигрантов составили жители бывшего Советского Союза, среди которых наибольшее число представляют выходцы из России и Украины. В качестве *lingua franca* все они используют русский язык.

Сегодня, как результат миграции и последующего мирного сосуществования представителей различных лингвокультур, в стране подрастает целое поколение детей, говорящих с разной степенью успешности на двух языках, т.е. билингвов, один из языков которых – русский.

Проблема сохранения родного языка в каждом отдельном случае решается по-своему, в зависимости от типа культурной адаптации, который выбирает семья.

Согласно принятой классификации канадского психолога Дж. Бэрри выделяют четыре типа культурной адаптации [Berry, 1989].

1. Ассимиляция, когда человек вливается в инородную среду, как языковую, так и социальную, полностью отказываясь от собственных культурных, социальных и языковых корней.

2. Сепарация – сохранение собственных культурных норм и ценностей как оппозиционных по отношению к культуре страны проживания.

3. Маргинализация – неприятие чужой культуры при нежелании сохранять и свою собственную.

4. Интеграция – желание совместить в своем поведении преимущества родной культуры и культуры страны проживания в определенной пропорции.

Согласно нашим исследованиям, среди русскоязычных мигрантов, прибывших на Кипр более 15 лет назад с целью постоянного проживания на острове, преобладает первый тип культурного и языкового поведения, когда родной язык и культура целенаправленно не поддерживаются, а главной задачей становится постижение языка и культуры принимающей страны. При воспитании детей (не только в смешанных, но даже в русских моноэтнических семьях) родители – представители ассимилянтского типа поведения, – используя греческий язык в повседневной жизни, в течение многих лет оставляли без внимания русский язык ребенка и даже гордились тем, что по-гречески или по-английски ребенок говорит лучше, чем по-русски.

Однако в последние 5 лет, когда между Россией и Кипром начали интенсивно развиваться политические и экономические связи, на основе ассимилянтского образовался новый тип языкового поведения русских людей, который мы определяем как «поворотный» или, согласно терминологии С.В. Сиваковой, «ревертсний», который характеризуется «интуитивным и несколько запоздалым стремлением русскоговорящих родителей предоставить своим детям возможность

изучения русского языка как родного» [Сивакова, 2012: 20]. Такие семьи, где греческий язык прочно укрепил свои позиции и продолжает доминировать, вдруг начали испытывать потребность в обращении к русским истокам (отсюда название: англ. reverse, лат. revertor – «поворачиваю назад», «возвращаюсь»). Однако следует отметить, что внезапное желание родителей вернуть детей к культурно-историческим истокам далеко не всегда сопровождается такой потребностью со стороны детей, что значительно усложняет учебный процесс.

Среди русскоязычных семей, прибывших на Кипр в последние 6–7 лет, доминирует сознательный тип языкового поведения, когда второй язык и культура осваиваются планомерно на фоне первых всеми членами семьи, что позволяет говорить о наиболее предпочтительном виде культурной адаптации – интеграции. Дети из таких семей либо учатся в русских школах-филиалах школы при посольстве РФ и параллельно изучают греческий язык и культуру, либо получают русское образование экстерном одновременно с основным дневным обучением в греческих / британских школах. Объектом нашего исследования явились дети, рожденные в биэтнических семьях, либо русскоязычных моноэтнических семьях, но прибывшие на остров в возрасте не старше 6 лет и посещающие в качестве основной кипрскую государственную школу. Поскольку количество таких детей в обеих из указанных групп неизменно увеличивается с каждым годом, что объясняется интенсивными процессами миграции и увеличивающимся числом межэтнических браков, мы причисляем билингвизм описанного выше языкового сообщества к групповому русско-греческому двуязычию, развивающемуся в естественных условиях.

1.5. Вопросы функционального соотношения билингвизма и бикультурализма

Как показал анализ теоретической научной литературы, результаты которого отражены в предыдущих параграфах, билингвизм, представляя собой сложное и

многогранное явление, формируется под влиянием многочисленных факторов, среди которых немаловажная роль принадлежит культурному аспекту. Освещение проблем данной области исследуемого явления представляется нам особенно важным в рамках тематики диссертационного исследования, затрагивающего значимый для любого этноса фрагмент лингвокультуры, представленный малыми фольклорными жанрами и народной фразеологией.

Соглашаясь с высказываниями ученых Х.Р. Маркуса и С. Китаюмы, которые пишут о том, что не существует личности вне культуры, только биологическая сущность [Markus, Kitayama, 1998], мы сталкиваемся с необходимостью рассмотрения вопросов, связанных с определением отношения билингвального индивида с культурами тех народов, языками которых он владеет.

Своеобразие проблематики билингвизма состоит не только в том, что билингвизм является границей этнических процессов, но и в том, что «он устраняет главный барьер, который прежде стоял между двумя этнически различными общностями, родственными или неродственными по происхождению, и в значительной мере препятствовал заимствованию культурных ценностей. Устранение этого препятствия значительно расширяет обмен культурными ценностями, способствуя сближению и взаимопониманию народов» [Пранда, 1972: 25]. Таким образом, возникая на стыке культур и социумов, билингвизм оказывается в неразрывной связи с таким явлением как бикультурализм (от лат. *bis* – два раза и *cultura* – образование, культура).

В данной работе мы придерживаемся традиционного определения культуры, предложенного Э. Тайлором: «Культура в своем целом – это система знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и любых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [Тайлор, 1989: 18]. Очевидно, что любой вид культуры, в том числе и языковой, оказывается в неразрывной связи с национальным менталитетом, который представляет собой

образ и способ мышления представителей единого этноса, его мироощущение и мировосприятие, отраженные в языке. Частью национальной культуры является национальное коммуникативное поведение, т.е. язык оказывается главнейшей формой выражения культуры, всего процесса освоения человеком действительности, а содержание языка неразрывно связано с культурой.

Работам, так или иначе затрагивающим диалектическое единство и взаимосвязь понятий язык-мышление-культура, в последние десятилетия, начиная с появления известной теории лингвистической относительности, принадлежит значительная часть всех теоретических исследований. Однако практически все они посвящены взаимодействию языков и культур в рамках межкультурной коммуникации, рассматривающей условия протекания и результат контактирования представителей различных лингвокультур. В нашем же исследовании в центре внимания находится двуязычный индивид и то, какое влияние способно оказать на его мышление и мировосприятие владение двумя языковыми, а следовательно, и культурными системами. О.М. Рябцева, цитируя Б. Дадье, пишет: «Когда два языка вступают в контакт... в одном индивиде, то это означает..., что в контакт или в конфликт приходят два видения мира...» [Рябцева, 2011: 121].

Изучение языка в ситуации взаимообусловленности культур – основание антропологической лингвистики американских ученых Ф.Боаса, Э.Сепира, Б.Уорфа, которые (вслед за В. фон Гумбольдтом) считали, что язык – это призма, определяющая видение мира человеком-носителем данного языка [Whorf, 1956]. Определить степень асимметричности представленных культур в национально-языковой картине мире билингов, с самого раннего возраста усваивающих два языка, входит в задачи нашего исследования.

Не вызывает сомнения, что взаимодействие языков и культур при межкультурной коммуникации существенно отличается от подобных процессов при двуязычии. При этом следует заметить, что если становление культурно-языковой

картины мира искусственного билингва поддается описанию и внешнему наблюдению, то изучение процессов взаимовлияния двух лингвокультур естественного билингва, с рождения владеющего двумя языками в равной степени, представляет значительные трудности. По мнению Е.Л. Кудрявцевой, одним из основных отличий естественных билингвов от искусственных является «биполярная национальная картина мира (они способны выстроить ”мостик” взаимопонимания между культурами, носителями коих они являются, и смежными культурами)» [Кудрявцева, 2014: 48. Электронный ресурс].

Говоря о приобретенном билингвизме, многие ученые сходятся во мнении, что формирование в инофоне «вторичной языковой личности», способности «видеть» мир так же, как и носители языка, воспринимать их ассоциации и метафоры как «свои» и активно производить их в качестве таковых оказывается невозможным. Даже если на поверхностном уровне адаптация к иноязычной культуре, включая овладение вторым языком, протекает достаточно успешно, базовые архетипы родной культуры, воспринятые с рождения модели отражения и классификации явлений окружающей действительности, продолжают играть ключевую роль в этноязыковом сознании индивида [Гудков, 2003]. Наши наблюдения за искусственными и естественными билингвами подтверждают данную точку зрения – приобретение даже глубоких знаний о другой культуре не способно сделать из индивида представителя этой культуры.

Действительно, как замечает Е. Кудрявцева, человек, изучивший язык как иностранный, всегда мысленно, сознательно или подсознательно, переводит все со своего родного или на свой родной язык, проигрывает ситуацию в рамках своей культуры, а затем «переводит» (а не автоматически без перерыва переключает) ее в культуру «чужую» [Кудрявцева, 2014. Электронный ресурс]. Совершенно иначе выглядит ситуация в случае с естественными билингвами, например, детьми, выросшими в биэтнических семьях, с рождения находящимися под влиянием двух

культурно-языковых систем. Принимая во внимание методологическое положение Е. Сепира, раскрывающее суть отношений между культурой и языком: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают... Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [Сепир, 1993: 223], мы вынуждены признать, что билингвы, для которых оба языка являются родными, уже не могут считаться монокультурными индивидами даже в том случае, если не владеют национально-специфичными реалиями одного из языков в полной мере.

Как показал анализ научной литературы, определение сущности и границ бикультурализма является такой же спорной темой, как и в случае с билингвизмом, несмотря на то, что количество научно-исследовательских трудов, посвященных последнему феномену значительно превосходит исследования в области бикультурализма. В самой общей формулировке «под термином “бикультурализм” понимается сосуществование в человеке тех или иных форм двух различных культур» [Арутюнов, 1989: 114]. Похожую трактовку дает А.А. Леонтьева, рассматривая бикультурализм как ситуацию включения индивидов в два этнокультурных контекста [Леонтьева, 2015. Электронный ресурс].

Конкретизируя данное определение, некоторые зарубежные исследователи [Luna, Ringberg, Peracchio, 2008] считают возможным вести речь о бикультурализме лишь в том случае, когда индивид, в совершенстве владеющий не только двумя языковыми, но и двумя культурно-страноведческими кодами, прибегает к их использованию с одинаковой частотой. Несколько иной точки зрения придерживается Ф. Гросжан, делая акцент именно на частоте использования культурного кода независимо от уровня владения им [Grosjean, 2008]. Ученый выделяет три основных признака бикультуральной личности. Во-первых, постоянное взаимодействие с представителями обеих культур. Во-вторых, присвоение определенных взглядов на мир, привычек, ценностей, характерных как для одной,

так и для другой культуры. В-третьих, присутствие обеих культур в сознании индивида в виде некоего сплава. При этом ученый отмечает, что случаи, когда обе культуры играли бы одинаковую роль в жизни билингва, чрезвычайно редки. Как правило, та или иная культура оказывается наиболее влиятельной для индивида, что позволяет говорить о присутствии не только языковой, но и культурной доминанты. В своих более поздних работах Ф. Гросжан добавляет, что бикультурализм может иметь место лишь в тех случаях, где индивид сам причисляет себя к представителям как одной, так и другой культуры. Иначе говоря, даже при условии наличия трех вышеперечисленных признаков, но при отсутствии внутреннего желания индивида быть причисленным к бикультуралам, он не может считаться таковым. Его идеи разделяет отечественный ученый Т.Г. Стефаненко, называя бикультурную идентичность одной из форм самоидентификации индивида с двумя этнокультурными группами одновременно, которая проявляется в менталитете, картине мира и поведении личности [Стефаненко, 2009].

Л. Кабасса рассматривает бикультуральность как экстралингвистическое понятие, предопределяющее особенности социокультурного поведения двуязычного индивида (выбор друзей, книг, телепередач, развлечений и др.) [Cabassa, 2003]. Таким образом, согласно концепции ученого, если русско-греческий билингв заказывает на обед борщ, заправленный греческим йогуртом, просматривает новости на обоих языках, переключая каналы с греческого на русский, читает в оригинале книги, газеты и журналы на русском и греческом и имеет друзей, принадлежащих обеим культурам, то его можно назвать бикультурным. Однако мы считаем, что бикультуральность должна рассматриваться не только в контексте внешнего поведения индивида, но и внутреннего самоощущения, его самоидентификации двумя культурами одновременно, принятия / неприятия им традиционных национальных ценностей и моральных установок.

Очевидность связи между билингвизмом и бикультурализмом, на которую указывают многие ученые, порождает вопрос, насколько взаимообусловлено развитие индивидуального билингвизма и бикультурализма и всегда ли становление и того, и другого явления отмечено взаимной симметрией? Попытки ответить на этот вопрос были предприняты многими учеными. Так, например, Р.Т. Белл, описывая различные уровни взаимоотношений между языком и культурой, допускает слияние двух культур в сознании билингва в единую интеркультуру. Ученый выделяет *монокультурно-координативный билингвизм*, который встречается в случае изучения второго языка в утилитарных целях; *бикультурно-координативный билингвизм*, возникающий в результате изучения языка в культурно-познавательных целях. Как отмечает ученый, некоторые представители этого типа могут даже демонстрировать «билингвальную шизофрению», что связано с ощущением смены своей личности при смене языка, что, однако, вызывает некоторые сомнения в случае, когда индивид не страдает психическими расстройствами изначально. И третий тип - *бикультурно-смешанный билингвизм*, который демонстрируют иммигранты, одновременно усвоившие два языка и две культуры – язык и культуру своей семьи и язык и культуру принимающей страны. «Разве невозможно, – пишет Р.Т. Белл, – чтобы такие индивиды обладали наряду со смешанным билингвизмом, также смешанной культурой, т.е. интеркультурой, составленной из элементов обеих культур, слитых в единое целое?» [Белл, 1980: 174] Свой ответ на поставленный ученым вопрос дает М. Хайдеггер: «Диалог между домами (т.е. языками) оказывается почти невозможным» [Хайдеггер, 1993: 275].

Р. Парк предложил идею о том, что те люди, которые живут «на стыке» двух культур и могут про себя сказать, что «они принадлежат к обеим культурам, или у них родители, представляющие разные культуры, или они родились в одной культуре, а воспитывались в другой, должны рассматриваться как маргинальные

люди» [Park, 1928: 892]. Р. Парк утверждал также, что подобная маргинальность ведет к внутреннему психологическому конфликту, к раздвоению сознания. Наши наблюдения и результаты исследования, однако, опровергают данное утверждение. Мы более склонны согласиться с мнением Е.Л. Кудрявцевой, которая считает, что в сознании билингов существует «биполярная национальная картина мира, они способны выстроить “мостик” взаимопонимания между культурами, носителями которых они являются, и смежными культурами. Две культуры образуют во внутреннем мире билинга некую общность — третью культуру (причём это не слияние, а создание нового из непрекращающегося анализа имеющихся элементов), две национальные картины мира сосуществуют в одном человеке, диалог культур идёт в “пределах” одной личности» [Кудрявцева, 2014: 43-44. Электронный ресурс]. Таким образом, согласно Р. Парку и его последователям [Stonequist, 1964], результатом билингвизма является маргинальный человек, несостоявшийся диалог культур внутри которого приводит к внутренним противоречиям, в то время как Е. Кудрявцева, точку зрения которой поддерживаем и мы в нашей работе, считает, что билингвизм способствует воспитанию «гражданина мира», обладающего чувством личной персональной ответственности, связи как с прошлым, так и с будущим не одного-единственного государства, а всех стран, через которые прошли дороги его предков и его собственная.

С. Беркс [Burks, 2005] подчеркивает, что билингом может называться лишь тот индивид, который не только способен осуществлять коммуникативные акты на двух языках, но и обладает достаточным знанием культурного кода (*not only do bilingual speakers have the ability to perfectly communicate in two languages, but the total knowledge and awareness of the cultural components of each language as well*). При этом он замечает, что не каждый билингв является в то же время бикультурной личностью.

Одним из первых, кто заговорил о корреляции понятий билингвизм и бикультурализм в лингвистике был Д. Соффьетти, который представил отношения между билингвизмом и культурной принадлежностью индивида следующими типами [Soffietti, 1960: 276]:

1. Бикультурный билингвизм.
2. Монокультурный билингвизм.
3. Бикультурный монолингвизм.
4. Монокультурный монолингвизм.

Представителей первого типа Д. Соффьетти причисляет к истинным билингуам (*the true bilingual speaker*), поскольку они обладают способностью осуществлять коммуникативные действия в пределах двух лингвокультур, демонстрируя абсолютное знание норм каждой из них.

Второй тип представлен билингуами, которые, владея двумя языками, остаются включенными лишь в один этнокультурный контекст. В качестве примера ученый приводит случаи семей, в которых родители-билингвы решают использовать в общении с ребенком два языка по принципу один родитель – один язык, придерживаясь во всех остальных аспектах норм монокультурного общества [Там же].

Бикультурный монолингвизм характеризует индивида, который отказался от своего родного языка в пользу второго, приобретенного, однако сохранил при этом свойственные родной культуре традиции и привычки. И последний тип, по мнению Д. Соффьетти, лучше всего может быть проиллюстрирован жителями Соединенных Штатов, которые владеют лишь одним языком, отражающим реалии того культурного сообщества, к которому они и принадлежат [Там же].

Как видим, мысль о том, что бикультурализм не является непременно следствием билингвизма, зародилась впервые более 50 лет назад и была подтверждена впоследствии многими примерами. Выводы, сделанные

отечественными лингвистами Е.М. Верещагиным, В.Г. Костомаровым в данной области, совпадают с высказанной ранее мыслью Д. Соффьетти: «Даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [Верещагин, Костомаров, 1990: 37].

Очевидно, что одновременное раннее усвоение двух языков само по себе не обеспечивает формирования сбалансированной бикультурной билингвальной личности. Становление билингвизма, так же как и бикультурализма, возможно на любом жизненном отрезке, причем оба процесса могут протекать независимо друг от друга. Данное утверждение можно проиллюстрировать примерами трудовых мигрантов Кипра, многие из которых, приезжая, например, из Польши или Болгарии с целью заработка, вынуждены овладевать греческим языком для того, чтобы получить желаемую работу. При этом культура острова с его традициями, ценностными установкам и особенностями менталитета жителей могут оставаться для этой группы населения совершенно чуждой. В случае же, если кто-то из них решает вступить в брак с представителем местного населения, то он/она с течением времени присваивает определенные черты культурного поведения супруга, превращаясь в бикультурного билингва. Нередко наблюдается и обратная ситуация, когда дети киприотов, уехавших на заработки в Европу или Америку десятки лет назад, решают вернуться на историческую родину. Как правило, они не владеют греческим языком, демонстрируя при этом прекрасное знание культур обеих стран.

Описывая бикультуральное поведение билингва, Ф. Гросжан представляет различные повседневные ситуации общения в виде отрезка, на одном из концов которого расположены ситуации, требующие монокультурального поведения, а на другом – бикультурального. То есть в начале континуума мы имеем дело с теми случаями, когда двуязычный индивид попадает в общество представителей одной из двух хорошо знакомых ему культур. Тогда он автоматически переключается на тот

тип культурного поведения, который будет понят и принят в данной группе. На другом же конце континуума расположены случаи коммуникативных актов индивида с такими же билингвами, как и он сам. Для данных ситуаций общения характерно переключение кодов и использование заимствований. Два крайних полюса отрезка Ф. Гросжан называет монолингвальным и билингвальным модусами, между которыми расположены и другие более сложные типы речевых взаимодействий. Каждый из модусов требует также включения соответствующего моно/бикультурального поведения, то есть принятие определенных социально-психологических ролей. Однако следует иметь в виду, что немаловажным отличием между билингвизмом и бикультурализмом является то, что билингв может выбирать язык общения в зависимости от требований коммуникативной ситуации, в то время как бикультурность – это феномен, который, сформировавшись однажды, будет проявляться в любых сферах жизнедеятельности личности вне зависимости от языковой среды. Таким образом, «отключить» один из языков при необходимости не представляет для билингва никаких трудностей, тогда как полностью «деактивировать» одну из культур не представляется возможным [Grosjean, 2008].

На основании рассмотренных выше проблем соотношения понятий «билингвизм» и «бикультурализм» мы считаем, что фольклорно-языковая картина мира, входящая в ядро национально-культурного компонента любой языковой личности, имеет самое непосредственное отношение к изучению билингвальной личности как носителя двух лингвокультур.

Выводы к главе 1

Глава 1 посвящена рассмотрению теоретических аспектов изучения явления двуязычия. На основе содержательно-функционального анализа концепций билингвизма были сделаны следующие выводы.

Билингвизм является многоаспектным и междисциплинарным феноменом, всевозрастающая актуальность которого породила разногласия лингвистов в сфере терминологии и содержания данного понятия. Несмотря на обширный список работ по изучению данного явления, многие вопросы, относящиеся к рассматриваемой проблеме, до сих пор не имеют однозначного решения или недостаточно изучены (таково, например, само определение билингвизма и его критериев). Тем не менее ученые едины в том, что билингвизм предполагает способность индивида использовать в общении две или более языковые системы, степень владения которыми исследователи двуязычия определяют по-разному – от совершенного владения обоими языками до необходимого уровня владения вторым языком для осуществления коммуникативных актов.

Нами были изучены различные аспекты билингвизма с позиций целого ряда областей науки: социолингвистикой, где первостепенное значение имеют социальные источники двуязычия и проблемы, связанные с поведением или местом двуязычного человека или группы людей в обществе; психолингвистикой, которая рассматривает билингвизм в тесной связи с когнитивными процессами и с позиций механизмов производства речи; лингвистикой, которая рассматривает данное явление в отношении взаимосвязи двух языковых систем; педагогикой, разрабатывающей наиболее эффективные методы формирования билингвальной языковой и речевой личности, и лингвокультурологией, рассматривающей обе языковые системы билингва в тесной связи с этнокультурной картиной, и другими областями науки. Важным аспектом билингвизма выступает отношение языка к культуре у двуязычных индивидов, поскольку наряду с вопросом об отношении одного языкового кода к другому существует отношение одной культуры к другой. Отношения между двумя культурами у билингвальных индивидов, по мнению многих исследователей, образуют также диапазон от смешанного до координативного типов.

Многоаспектность рассматриваемого явления обусловила многообразие и разнообразие типологий билингвизма в рамках каждого из вышеописанных подходов. При этом социолингвистическая, психологическая и лингвистическая типологии не исключают друг друга, а скорее дополняют. В русле нашего исследования, объектом которого является русско-греческий детский билингвизм, особый интерес представляет разграничение типов детского билингвизма, предложенное С. Ромейн, основываясь на котором мы проводим дальнейшее разделение участников эксперимента на моноэтнических и биэтнических билингвов. Члены обеих групп при этом обладают рядом идентичных характеристик, которые позволяют описать билингвизм всех информантов как *ранний* – в обоих случаях овладение детьми, принявшими участие в эксперименте, двумя языками происходило до достижения критического, как считают многие ученые, возраста 6 лет; *естественный* – доминантным для языкового окружения детей-билингвов является греческий язык, при этом часть их социальных ролей осуществляется на русском языке; *продуктивный, с уравновешенным речевым механизмом* – все участники исследования способны не только воспринимать, но и самостоятельно строить устную и письменную речь на обоих языках; *смешанный* – билингвы проявляют способность к различным видам кодового переключения, степень использования которых в речи зависит от модели формирования двуязычия; *синтезированный* – русский язык, являющийся недоминантным для этноязыковой ситуации Кипра, изучается ребятами не только в бытовых условиях посредством общения с одним либо обоими родителями, но и путем целенаправленных учебных действий.

Рассматриваемый нами билингвизм также можно назвать *групповым*, поскольку его носителями являются двуязычные дети, входящие в одну социальную группу, – все ребята посещают в качестве дополнительной Русскую школу Пафоса, на базе которой и было осуществлено данное исследование. Описывая билингвизм

данной группы, мы сознательно уходим от терминов «первый язык» и «второй язык» билингва, считая в подобных нашему случаях усвоения двух языков в естественных условиях с самого раннего возраста (в особенности в биэтнических семьях) более правильным использование понятия «билингвизм как первый язык», предложенного М.Свейн.

Проведенный нами логико-теоретический анализ научной литературы, посвященной особенностям развития билингвизма в естественных условиях, позволил нам прийти к определенным выводам относительно взаимодействия этнокультурной и этнолингвистической составляющих двуязычия. Опираясь обоими языками в повседневном общении, представители описываемого нами вида билингвизма оказываются под воздействием различных факторов, влияющих на дальнейшее развитие их билингвальности, среди которых немаловажная роль принадлежит культурному аспекту. Мы считаем, что билингвизм в любой своей форме находится в неразрывной связи с таким явлением как бикультурализм, поскольку язык сам по себе уже является частью культуры любого народа, а индивид, владеющий двумя языками, оказывается включенным в два этнокультурных контекста. В связи с этим особый интерес представляет степень присутствия представленных культур в национально-языковой картине мире билингвов, с самого раннего возраста усваивающих два языка.

ГЛАВА 2. КАРТИНА МИРА И ЕЁ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ПРИЗМЕ БИЛИНГВИЗМА

2.1. Актуальные проблемы изучения языковой картины мира

В данной главе обсуждаются вопросы, связанные с основными теоретическими понятиями, входящими в круг проблем, необходимых для реконструкции фольклорной картины мира билингва. Базовые задачи диссертационной работы, направленные на выявление особенностей репрезентации ФЯКМ билингвов, ставят нас перед необходимостью определить главные содержательные признаки таких понятий как *языковая картина мира* и *картина мира (КМ)*, последнее из которых достаточно широко используется сегодня как в различных научных областях, так и в разговорной речи, обозначая сложившуюся в человеческом сознании совокупность представлений и идей об окружающем нас мире. Одним из первых в области гуманитарных наук данный термин использовал австрийский философ Людвиг Витгенштейн (1889-1951). По мнению ученого, «мир вокруг нас – это совокупность фактов, а не вещей, и определяется он исключительно фактами, образы которых человеческое сознание создает для себя, воспроизводя определенную модель действительности» [Витгенштейн, 1994: 56]. В дальнейшем понятие КМ было подвергнуто переосмыслению многими учеными, претерпев значительные изменения в трактовке самого термина.

В нашем исследовании мы опираемся на определение КМ как «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [Серебренников, 1988: 21]. Очевидно, что КМ, существуя в сознании индивида как образ объективной реальности, с неизбежностью содержит черты человеческой субъективности,

специфичности. Этим объясняется ее постоянная изменчивость, эволюция. Первой попыткой создать достоверную картину мира можно считать представленную древнегреческими философами Анаксимандром, Анаксименом и Фалесом модель Вселенной, которую сегодня ученые относят к картине мира древних. Претерпев существенные изменения в процессе развития научной мысли, КМ продолжает эволюционировать, и воспринимаемая в нашем сознании сегодняшняя реальность завтра может оказаться всего лишь очередным мифом.

Солидаризируясь с Г.В. Колшанским, который допускает существование двух миров, первичного (объективного) и вторичного (субъективного) [Колшанский, 1990], мы приходим к выводу о том, что каждому индивиду присуща собственная модель мировосприятия, и, следовательно, картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, во многом основанное на его чувственном восприятии, закрепленное и реализованное в материальной форме – естественном языке. Из всего вышесказанного следует, что сведения и представления о мире вербализуются в ЯКМ, отличной для каждого отдельного случая языкового воплощения одного и того же явления.

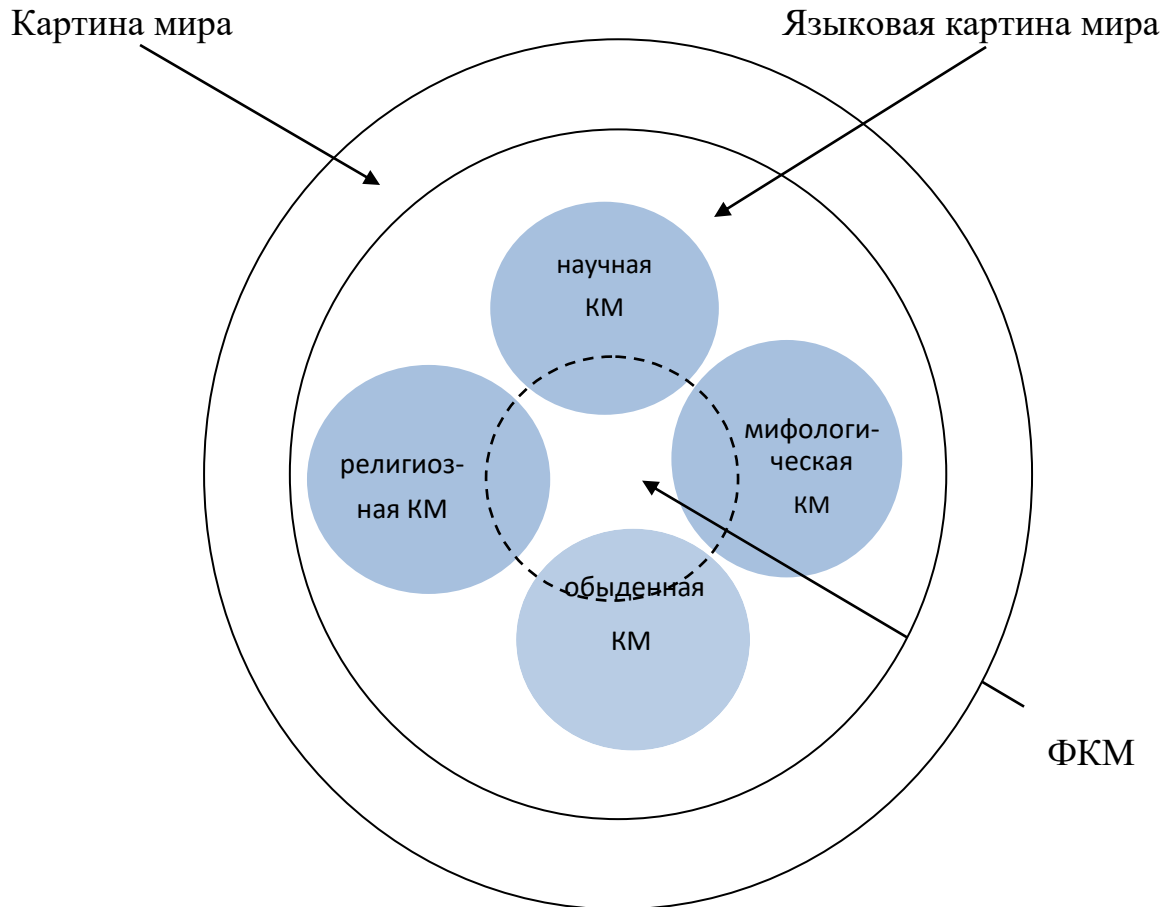
Созвучную мысль мы находим также в трудах М. Планка, который считает, что, несмотря на существование единого и объективного мира вещей (предметов), чувственные ощущения, которые возникают при восприятии этих предметов разными людьми, как правило не совпадают, и «переход от чувственного мира к созданию его научной картины наступает тогда, когда вместо пестрого субъективного разнообразия выступает устойчивый объективный порядок, вместо случая — закон!» [цит. по: Корнилов, 2003: 4].

Противопоставляя таким образом научную картину мира, стремящуюся к объективизму, наивной или обыденной картине мире, формирование которой происходит в процессе практического освоения действительности посредством чувственного восприятия и подвержено субъективной оценочности, многие ученые

отождествляет последнюю с ЯКМ. Соглашаясь с тем, что ЯКМ принципиально нетождественна НКМ, мы также считаем ошибочным применение в отношении к ней термина «наивная картина мира». Признавая важность роли ЯКМ в хранении системы «наивных» взглядов этноса на мир, сформировавшихся на этапе донаучного познания мира, мы в то же время не можем игнорировать тот факт, что любое знание, включая научное, религиозное, обыденное, обладает языковой формой выражения, любая научная мысль нуждается в вербальном выражении. Эти же положения отстаивает в своем исследовании О.А. Корнилов, утверждая при этом, что «НКМ в языковой оболочке любого национального языка так же как и ЯКМ этого языка, дает пищу для размышления о национальном образе мышления» [Там же: 8].

Таким образом, ЯКМ в нашем понимании оказывается шире понятий «наивная картина мира» и «научная картина мира». Ошибочным нам кажется также ставить ЯКМ в один ряд со специальными картинами мира, например, физической или химической, либо, выражающими определенное мировоззрение философской, мифологической и др., поскольку ЯКМ предшествует каждой из них и является обязательным условием их функционирования и сосуществования как в коллективном сознании, так и в индивидуальном. Можно сказать, что все они имеют в своем основании ФКМ, проистекая из нее, поскольку именно в ней находят отражение первые попытки человечества осмыслить окружающую реальность. Все фрагменты картины мира носят знаковый характер, при этом общим для всех знаком является язык, который представляет собой и форму выражения, и способ обозначения, и инструмент познания и регулирования, образуя ЯКМ, что отражено на Рисунке 3. В связи с этим мы считаем, что более логичным было бы провести дифференциацию между языковой научной картиной мира и языковой обыденной картиной мира. Именно последняя, а точнее, ее фрагмент, представленный малыми

фольклорными жанрами и народной фразеологией, и является объектом нашего исследования.

Рисунок 3 – Соотношение структурных компонентов КМ, формирующейся в пределах единого языкового сообщества

Исходя из вышесказанного, мы считаем правомерным дать следующее определение ЯКМ, которого и будем придерживаться в дальнейшей работе: языковая картина мира – это зафиксированный в языке и специфичный для каждого народа способ познания и осмысления окружающего мира в различных его аспектах, реализация которого в каждом отдельном случае обладает рядом отличительных черт. Таким образом, мы отделяем коллективную ЯКМ от индивидуальной ЯКМ, признавая отношения первой ко второй как общего к частному.

Мысль о том, что язык является важнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире, явилась отправной точкой многочисленных исследований ученых самых различных отраслей науки. В лингвистике подавляющее большинство работ опирается в первую очередь на достижения немецкого языкознания XIX-XX веков и, в частности, на работы Вильгельма фон Гумбольдта, которого вполне заслуженно относят сегодня к «отцам современной философии языка» [Радченко, 2001: 96]. Идеи В. Гумбольдта в свою очередь базируются на культурологической концепции философа Иоганна Гердера, составной частью которой является его учение о языке. И. Гердер считается основоположником теории лингвистической относительности или лингвистического релятивизма, впервые озвучившим мысль о том, что язык выполняет роль средства познания окружающего мира и формирования национальной картины мира. Ученый сравнивал язык с формой, в которой отливаются, сохраняются и передаются идеи и представления народа [Foster, 2002. Электронный ресурс]. Развивая данные идеи, В. Гумбольдт обосновал мысль о том, что языки разных народов предопределяют разное видение мира их носителями. Исследователь полагал, что язык есть не продукт деятельности, а сама «бесперывная деятельность духа народа, стремящаяся превратить звук в выражение мысли» [Гумбольдт, 1964: 87].

Разделяя взгляд В. Гумбольдта на язык как на уникальный способ познания мира, ряд ученых, среди которых следует особо отметить имена Йоханна Лео Вайсгербера, Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа – представителей немецкой и американской ветви неогумбольдтианства, – заложили основы лингвофилософского направления в языкознании. Теория лингвистической относительности положила начало субъективистскому (этноцентристскому) направлению в языкознании, сторонники которого провозглашают множественность языковых вселенных. Язык в их понимании подобен телескопу, с помощью которого мы познаем мир. Сколько языков, столько и ЯКМ, а миропонимание каждого народа определяется родным для

него языком. В современном языкознании эту традицию продолжают многие ученые; среди них, например, отечественный лингвист Г.Д. Гачев, который считает, что национальная картина мира недоступна иноязычному сознанию, поскольку познать национальную языковую картину мира носителя другого языка можно лишь путем сознательного отстранения от эквивалентов собственной картины мира [Гачев, 1988].

Неоспоримым является тот факт, что в различных языках используется свой набор синтаксических и семантических средств для описания одного и того же явления окружающей действительности. Так, Лера Бородитски приводит следующий пример [Boroditsky, 2003. Электронный ресурс]. Произнося фразу “the elephant ate the peanuts” на английском, мы невольно указываем на время произошедшего события, в то время как в пекинском диалекте китайского существует выбор, позволяющий произнести предложение без отсылки ко времени действия. В русском же языке через данную фразу мы передаем информацию о времени события, о том, были ли съедены все орехи или только их часть и о том, к какому роду принадлежит актер действия. Эту же фразу невозможно произнести на турецком, не указав при этом, являлся ли говорящий участником данного происшествия или нет. Таким образом, исходя из теории лингвистической относительности, следует сделать вывод о том, что русские, англичане, турки и китайцы воспринимают одно и то же событие по-разному.

Однако не все ученые разделяют подобный взгляд на проблему и формируют противоположное данному, объективистское, или универсалистское, направление, согласно которому язык отображает мир объективно и адекватно (Р. Браун и Э. Леннеберг, С. Пинкер, Н. Хомский и др.). Признавая факт различного представления объективной реальности в языках, эти ученые считают, что «подобные различия не являются выражением какого-то особого национального духа, якобы присущего каждому народу в отдельности» [Серебренников, 1988: 139]. «Вся практика

человеческого общения, обмена мыслями представителей самых разных национальностей доказывает общечеловеческий характер субстанциональных понятий, понятий времени, пространства и прочих логических категорий. Если бы эти понятия, категории были обусловлены структурными особенностями языка и в этом смысле являлись относительными, как заявляют сторонники принципа лингвистической относительности, то невозможен был бы обмен мыслями, мыслительное общение между людьми, принадлежащими к разным языковым коллективам» [Брутян, 1979: 178].

Среди наиболее известных ученых второй половины XX века, придерживающихся универалистского подхода, – Ноам Хомский, автор лингвистической теории, в основе которой лежит идея существования у людей генетически заложенных глубинных языковых структур, – универсальной грамматики, благодаря которой ребенок оказывается способным овладеть любым естественным языком [Chomsky, 1965]. Данная гипотеза предполагает, что языки не имеют каких-либо кардинальных отличий между собой; а если языки имеют больше сходств, чем различий, то и вопрос о влиянии языка на мышление и о правомерности существования теории лингвистической относительности является безосновательным. Гипотеза Н. Хомского неоднократно подвергалась экспериментальной проверке, однако так и не нашла однозначного подтверждения либо опровержения. Так, в своих исследованиях Р. Браун и Э. Леннеберг в 1954 г. пришли к выводу о независимости способности распознавания и запоминания цветов от наличия их обозначений в языке среди носителей английского и зуни [Brown, Lenneberg, 1954]. В то же время психолингвистические эксперименты Д. Роберсон [Roberson, Davidoff, Davies, Shapiro, 2005] выявили отличия в скорости выполнения заданий по разграничению предложенных цветов носителями английского и беринмо, в котором имеется отдельное слово для обозначения зеленовато-желтого оттенка, но нет различия между зеленым и синим.

В начале XXI века ряд важных экспериментов был проведен американским когнитивным психологом Л. Бородитски [Boroditsky, 2001], целью которых было проследить степень влияния языка испытуемого на восприятие им временных и пространственных отношений. Все эксперименты подтвердили предположение исследователя о том, что язык играет важную роль в формировании бытового мышления и представлений людей об абстрактном. Например, когда представителям одного из племени Австралии пормпураав предлагали разложить по порядку фотографии одного и того же человека, изображенного в разные периоды жизни, от молодого до пожилого, они делали это в направлении движения солнца – с востока на запад, так как ориентация этих людей определяется исключительно сторонами света, в языке племени отсутствуют понятия «право» и «лево».

Таким образом, проблема взаимоотношений языка и мышления, а следовательно, и вопросы влияния ЯКМ на восприятие реальности носителями той или иной лингвокультуры до сих пор остаются открытыми, и, принимая во внимание сильные стороны как первой (субъективистской), так и второй (объективистской) теории, наиболее правильным нам кажется признать, что истина лежит именно между двумя крайними полюсами. Бесспорным нам представляется тот факт, что в языке находят отражение определенные свойства внеязыковой действительности, которые актуальны для носителей данной лингвокультуры, при этом мы ставим под сомнение утверждения, согласно которым образ мышления, менталитет и мировоззрение представителей того или иного этноса формируются исключительно под влиянием их языка.

Признавая за любым языком наличие концептуально-мировоззренческой функции, мы принимаем гипотезу отечественного ученого Н. И. Жинкина, разработавшего теорию универсально-предметного кода (УПК), существующего в сознании каждого человека, – своего рода особого языка интеллекта, имеющего принципиально невербальную природу и представляющего собой систему знаков,

отражающих в сознании чувственное восприятие действительности [Жинкин, 1964]. Исследования, проводимые некоторыми западными учеными, подтверждают данные выводы. Например, С. Гоулдин-Медоу, основываясь на результаты работы с глухими детьми, доказала, что дети способны осуществлять мыслительные операции, не прибегая к лингвистическим средствам [Goldin-Meadow, 2003. Электронный ресурс]. Это может означать, что язык, кодируя ментальные состояния и процессы, зачастую подвергает их субъективным интерпретациям и искажениям, поэтому «мысль, существуя в пределах возможностей универсально-предметного кода, в ходе ее вербализации способна трансформироваться, обрести значения, которые несут в себе единицы конкретного национального языка» [Горелов, Седов, 1997: 75].

Из этого мы можем заключить, что любой естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Однако его влияние на мышление и на формирование глобального образа мира представляется нам весьма ограниченным. Характерный для каждого языка набор способов концептуализации действительности обладает как универсальными, так и уникальными чертами, что приводит к некоторым отличиям в видении и интерпретации реальной действительности представителями различных этнокультур. Под концептуализацией мы, вслед за Л.А. Исаевой понимаем процесс структурирования знаний в сознании носителей языка и его результат, характеризующийся возникновением дополнительных, приращенных смыслов [Исаева, 2012: 59]. Похожее определение данного термина мы находим и у западных ученых, которые, однако, подчеркивают роль языка в вышеописанных мыслительных процессах, определяя концептуализацию как процесс конструирования смысла, протекающий с участием языка, единицы которого, такие как слова, выполняют роль формирования значения на концептуальном уровне (“The process of meaning construction to which language contributes... linguistic units such as words do not ‘carry’ meaning(s), but contribute to the

process of meaning construction which takes place at the conceptual level”) [Evans, 2007: 38]. Мы же считаем нужным признать, что не всегда формирование мысли осуществляется с помощью языковых структур. Первые концепты, возникающие еще в младенческом возрасте, носят невербальный характер, поскольку познавательные способности ребенка опережают его речевое развитие. Невербальный тип мышления сохраняется на протяжении всей жизни человека как самостоятельная внутренняя мыслительная деятельность, отличная от «мышления для говорения» [Slobin, 1996].

Итак, суммируя вышеизложенные факты, представляется возможным констатировать, что картина мира отражает в сознании индивида образ объективной реальности, членение которой осуществляется языком в процессе номинативной деятельности человека. Результатом подобной деятельности является ЯКМ, которая с неизбежностью содержит черты субъективности и специфичности для каждого народа. Однако ее роль в восприятии и осмыслении реального мира носителями того или иного языка в нашем понимании не является первостепенной.

2.2. Фольклорная картина мира как источник этнокультурной информации

Многочисленные исследования российских и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и этнолингвистики подтверждают тот факт, что лексический фонд любого языка наиболее ярко отражает национальную картину мира носителей этого языка (В.В. Виноградов, В.В. Катермина, Л.Ю. Буянова, В.Н. Телия, Е.А. Пименов и др.). Сопоставление русской и греческой ЯКМ дает нам основание утверждать, что в различных языках могут иметь место идентичные интерпретации окружающей действительности, что объясняется существованием объективного природного мира и общих ценностных установок и ориентиров (в нашем случае в качестве такового можно считать общую

религию – Православие). Этот вывод находит подтверждение в трудах отечественного лингвиста Е.А. Пименова, который также утверждает, что в ЯКМ каждого народа отражена значительно большая доля общего, чем уникального для каждой культуры, опыта, благодаря чему и оказывается возможным взаимопонимание представителей различных культур [Пименов, 2004].

Однако мы не можем отрицать и факта присутствия в каждом естественном языке уникальных элементов, обусловленных национально-культурным своеобразием этнического сознания, особенностями социально-исторического развития, воздействием природно-ландшафтных факторов. Национальная ЯКМ, отражающая самобытность этнического коллектива, является результатом процессов языковой категоризации со свойственными им национально-культурными особенностями, которые обусловлены не только спецификой национального склада мышления, но и объективно существующей уникальностью природной среды, территориальными факторами и рукотворной материальной культурой этноса. Некоторые специфические для определенной этнической общности реалии природного мира, обладающие ценностью в рамках данной культуры, сразу получают словесное выражение, которое изначально «обречено быть национально-языковым маркером» [Корнилов, 2003: 147].

Современные процессы всеобщей глобализации и интеграции, актуальные практически для всех сфер жизнедеятельности человека, среди которых следует в первую очередь отметить информационное пространство, в значительной мере повлияли на происходящие внутри многих лингвокультур языковые процессы, следствием чего стали структурно-содержательные преобразования национальных ЯКМ. Эти преобразования коснулись не только обыденных ЯКМ, но вторглись и в научный мир, заменяя существовавшую десятилетиями русскую научную терминологию труднопроизносимыми и зачастую малопонятными эквивалентами иностранного происхождения. Примеры, подтверждающие данное утверждение,

можно найти даже в работах филологов, ратующих за чистоту русского слова, которые все чаще употребляют в своих научных трудах без очевидной на то необходимости такие лексические единицы, как «билатеральное единство», «номинирование», «вокабуларии», «транспарентность» и т.д.

Кроме того, происходит быстрая замена одних ценностных ориентиров другими, стремительно сменяют друг друга новые открытия и изобретения, научные гипотезы и теории, обуславливая изменчивость научной и обыденной картин мира и, как следствие, – соответствующих им семантических систем [Логутенкова, 2018: 162]. Конечно, язык, благодаря своей кумулятивной функции и консерватизму, способен долго хранить в своем семантическом пространстве «следы исчезнувших представлений» [Черванева, Артеменко, 2004:7]. Однако, очевидно, что пространство это сегодня сузилось до минимальных пределов, оставив «нетронутым» культурное ядро национальной КМ, ту область ЯКМ, которая представлена классическими фольклорными текстами.

Как отмечал Н.И. Толстой, «принципу сменяемости в материальной культуре противостоит принцип наслоения в культуре духовной...», что во многом объясняет «многослойность» фольклорных произведений [Толстой, 1995: 46].

Через анализ и осмысление фольклорных текстов возможна реконструкция репрезентируемой ими фольклорной картины мира, которая традиционно рассматривается лингвистами как «одна из ипостасей, одно из воплощений картины мира народной культуры» [Логутенкова, 2018: 162].

Как этнолингвистический термин «фольклор» не имеет в научной литературе однозначного определения, многие отечественные и зарубежные ученые, рассматривая данное явление, вкладывают в него свое понимание. Одним из первых, кто попытался определить объемы и границы фольклора, был В. Лесевич, который понимал фольклор как «древнейший фазис» культуры, не утрачивающий свое влияние и в современности, включающий в себя «исторические основы всего

того, из чего складывается наша духовная жизнь... но в то же время... что бесчисленными нитями пронизает жизнь окружающего нас большинства и властвует над его умами» [цит. по: Путилов, 1994: 4]. Отождествляя предметное поле фольклора с общей совокупностью народного знания, которое передается из поколения к поколению, ученый включал в него все разнообразие устного народно-поэтического творчества: басни, сказки, легенды, сказания, песни, загадки, детские игры и присказки, знахарство, ворожба, свадебные и иные обряды, метеорологические и иные приметы, пословицы, поговорки, присловья и т. д.

Бесспорным является тот факт, что фольклор как явление актуальной культуры народа отличается способностью чутко реагировать на изменения в обществе. При этом в большинстве случаев новые формы современного фольклора так или иначе опираются на прецедентные феномены, содержащиеся в традиционных фольклорных текстах. Кроме того, фольклорный текст нередко используется в художественной и публицистической литературе в качестве интертекстуального средства создания новых художественных образов. Фольклорные архетипы активно привлекаются в рекламных текстах, газетных заголовках и даже нередко встречаются в официальных выступлениях общественных деятелей. Нередкостью является также бытование фольклорных прецедентных имен и трансформированных фольклорных текстов в пространстве современных интернет-коммуникаций.

Обладая высоким языкотворческим потенциалом, пословицы, поговорки, загадки, приметы и другие малые фольклорные жанры характеризуются «устойчивостью, воспроизводимостью, прецедентностью формы и содержания, вариативностью в пределах сформировавшейся структурной константы, определённой жанровой «переходностью» и синкретизмом формы» [Семененко, 2011: 8-9]. Данные свойства народной афористики позволяют нам, нисколько не оспаривая мудрость, богатство содержания и красоту устного народного творчества, в нашем исследовании делать акцент на прагматической функции фольклорных

текстов, описанной К.А. Богдановым: «Социальное значение фольклора заключается не столько в его содержательно-эвристическом, сколько именно в операциональном характере в функции набора средств, позволяющих предвосхищать и контролировать коммуникативные реакции внутри коллектива, а тем самым предоставляющих индивиду и коллективу возможность определиться и “сориентироваться” в границах “своей” идеологической территории» [Богданов. Электронный ресурс].

В связи с этим изучение роли фольклорных прецедентных текстов в речевой деятельности билингов представляется нам весьма важным, так как владение универсальными и национально-прецедентными феноменами является показателем принадлежности к определенной лингвокультуре. Прецедентные феномены входят в коллективные фоновые знания лингвокультурного сообщества и являются существенным элементом культурной грамотности языковой личности.

Очевидно, что использование фольклора как источника прецедентных текстов может быть эффективно в рамках той лингвокультуры, которой и были созданы эти тексты. Не случайно в процессе обучения иностранному языку большое внимание уделяется проблеме приобщения иноязычных учащихся к различным формам национальной культуры, среди которых особая роль принадлежит фольклору. Вопросы формирования билингвальной языковой личности в учебных условиях, обладающей межкультурной компетенцией, нашли отражение в многочисленных педагогических исследованиях, посвященных выявлению условий, методов и средств формирования отдельных компонентов билингвальной культуры личности (У. Вайнрайх, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, М. Сигуан, С.Г. Тер-Минасова, Л.В. Щерба и др.), однако остаются неисследованными механизм и условия формирования бикультурного билингвизма в условиях естественной двуязычной коммуникации.

Мы согласны с мнением отечественного лингвиста Д.Б. Гудкова относительно того, что изучение второго языка в учебной аудитории, как бы успешно оно не проходило, никогда не приведет к формированию такого уровня бикультурализма, при котором индивид, владея двумя языками, был бы способен воспринимать все коннотативные смыслы, являющиеся отражением исторического, духовного и социального развития этноса и проявлением его национально-культурного своеобразия, как свои родные. Национально-языковые картины искусственного билингва и билингва, овладевшего двумя языками стихийно, в естественных условиях путем погружения в язык и культуру обоих народов, всегда будут обладать рядом отличительных свойств. Вслед за ученым мы допускаем, что «на поверхностном уровне адаптация к иноязычной культуре может происходить достаточно успешно, но при обращении к более глубоким слоям сознания основные “архетипы” родной культуры, воспринятые с рождения модели остаются без существенных изменений» [Гудков, 2003: 37]. Тем не менее отечественными лингвистами активно продолжают разрабатываться модели формирования вторичной языковой личности в рамках формирования искусственного или учебного билингвизма.

При этом в научной литературе остается практически нераскрытым вопрос о том, способны ли дети-билингвы, с рождения овладевающие двумя языковыми системами в естественных условиях, воспринимать в равной степени национально-прецедентные феномены и этнокультурные стереотипы обеих лингвокультур. На основании многолетнего опыта в билингвальной и иноязычной аудитории мы считаем, что наибольшую трудность при реализации языковых и коммуникативных навыков у обучающихся вызывает именно фольклорная лексика в нефольклорном контексте. Разумеется, определенные сложности, помимо слов фольклора, вызывают и другие типы лексики с культурным компонентом значения, среди которых Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [Верещагин, 1990] выделяют следующие:

1. Советизмы, т.е. слова, выражающие те понятия, которые появились в результате коренной перестройки общественной жизни в нашей стране после Октябрьской революции (*Верховный совет, райсовет, исполком, дом отдыха, передовик, коллективизация* и др.).

2. Слова нового быта, которые тесно примыкают к советизмам и могут быть отнесены к обеим группам сразу (*рабфак, многотиражка, пятилетка, общественник, товарищ, хозрасчёт, редколлегия* и др.)

3. Наименование предметов и явлений традиционного быта: (*косоворотка, валенки, каравай, гусли, сноп* и др.).

4. Историзмы, т.е. слова, обозначающие исчезнувшие предметы и явления, которые существовали в различные исторические эпохи: (*кафтан, губерния, помещик, большевик* и др.).

5. Слова иностранного происхождения – тюркизмы, монголизмы, украинизмы и т.д. (*ятаган, чадра, табун* и др.).

Однако следует признать, что все вышеописанные категории лексики требуют особого пояснения и при обучении учащихся-монолингвов, в то время как фразеологические и паремиологические элементы, как правило, усваиваются носителями языка стихийно, образуя важную часть этнолингвокультурного сознания, понимаемого И.В. Приваловой как «инвариантный образ мира, соотнесенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии и существующий как в общественной, так и индивидуальной формах» [Привалова, 2005: 8].

В связи с этим возникает вопрос о принадлежности билингвальной личности определенной этнолингвокультуре и о возможности ее принадлежности двум этнолингвокультурам в равной степени. Мы считаем, что одним из наиболее эффективных способов приблизиться к ответу на данный вопрос является изучение ФЯКМ билингвов конкретной группы, поскольку именно в фольклорных текстах

каждого народа общечеловеческие темы и идеи получают своеобразное национальное воплощение. Обобщая имеющиеся в лингвистике представления о роли и месте различных фольклорных жанров и народной фразеологии в общенациональной картине мира, мы предлагаем следующее определение ФЯКМ, которое и будем использовать в рамках нашего исследования: ФЯКМ – это фрагмент ЯКМ, репрезентирующий совокупность восходящих к различным историческим эпохам коллективных представлений о мире и о месте человека в нем, который находит отражение в фольклорных текстах средствами народно-поэтической лексики.

В основе фольклорных текстов лежат традиционные идеи, отражающие эстетические и мировоззренческие представления народа, возникающие в результате освоения им окружающего мира. К числу фундаментальных относят идеи о происхождении Вселенной и человека; о мире божественных сил и отношениях человека с ним; о мудрости и способах ее достижения; о силе и красоте, добре и зле [Путилов, 1994].

В число задач нашего исследования входит определение общих и специфических черт в реализации данных идей в текстах русского и греческого фольклора, однако все вопросы, связанные с попытками обнаружения признаков национального характера или менталитета в языке мы оставляем вне сферы наших интересов. Заметим, между тем, что в когнитивных исследованиях обращение к фольклору как отражению народного менталитета наблюдается достаточно часто, однако не всегда подобные исследования выдерживают критику. Достаточно спорными нам представляются такие суждения, как: «...будучи отражением опыта народа, паремии, паремические выражения, народные суждения, пословицы и поговорки могут давать *полную* характеристику менталитета, описывать и регулировать речевое поведение» [Курбатова, 2002: 7-8].

По нашему мнению, сравнивая способы вербализации схожих явлений в разных языковых системах, более уместно говорить об особенностях речевого выражения, нежели о специфике национального характера. Мы разделяем позицию А.Б. Бушева, который отмечает, что представления современного россиянина далеки от национальной картины мира, представленной средствами фольклорной формульной лексики (красна девица, добрый молодец) кочующей из исследования в исследование о русской языковой картине. «Все вышеуказанное – лишь часть национального сознания современного россиянина, порой фрагментарная» [Бушев, 2010: 97].

При этом мы считаем, что традиционный фольклор является универсальной и важнейшей формой бытования ценностей, норм, идеалов народа, и несмотря на то, что эти ценности и идеалы претерпели существенные изменения в современной картине мира любого этноса, фольклор остается существенным смыслообразующим элементом современной культуры. Этим и объясняется наш исследовательский интерес к тому, в каком соотношении находятся ФКМ русского и греческого языков в речемыслительной деятельности билингвов. Подразумевая под фольклором в первую очередь устную народную словесность, мы рассматриваем фольклорные тексты, формирующие национальную ФКМ, как способ вербализации путем семантической перекодировки контекстных данных, включающих мифологический и этнографический материал. Такой подход предполагает существование общих структурно-семантических элементов, объединяющих мифологию и фольклор, также как присущий им коллективный характер. В основе фольклорно-мифологической культуры лежат мифологемы (типичные персонажи или ситуации) и архетипы, которые составляют культурно-языковое ядро национальной картины мира. По мнению С.Ю. Аншаковой, с их помощью находят отражение наиболее важные отношения внутри культурно-языкового единства, представленные

бинарными оппозициями с постоянным положительным / отрицательным ценностным маркированием их полюсов [Аншакова, 2004].

Для фольклора миф служит базовой когнитивной системой, в которой отражаются первые впечатления людей об окружающем мире, первые попытки упорядочивания социальной реальности, прослеживаются следы языческих верований и обрядности. Однако даже общие для описываемых нами лингвокультур мифологические элементы и признаки первобытной культуры в фольклорных текстах неизменно приобретают национальный колорит, который проявляется в особой фольклорной образности, прослеживаемой, в первую очередь, на семантическом уровне. Первые способы метафоризации действительности являются творческим способом переосмысления действительности, который выражается в определенных языковых единицах. «Фольклорная символика чрезвычайно разнообразна, для выражения одного глубинного фольклорного смысла может использоваться множество слов-символов, и наоборот – одно и то же слово может быть выразителем разных символических смыслов» [Никитина, 1993: 66-67]. В результате метафорического моделирования пространственных и социальных явлений лексика фольклорного текста получает «дополнительный семантический груз», определяемый структурными свойствами ФКМ и выходящий за ее пределы [Хроленко, 1992: 19]. Как отмечает П.П. Червинский, слова в фольклоре отличаются от других слов языка тем, что «содержат смыслы, зависящие от отношений и свойств традиции» [Червинский, 2011: 6].

Считая вслед за А.А. Потемной и его последователями, что при изучении мифа (а следовательно, и ФКМ) следует опираться прежде всего на семантику слова, в нашем исследовании мы исходим из необходимости выявления специфики фольклорного слова, особенностей его семантической структуры.

В.А. Черванева и Е.Б. Артеменко подчеркивают, что «отношения, которые установились между составляющей ФКМ системой традиционных культурных

смыслов и репрезентирующими ее языковыми средствами, во многом отличаются от аналогичных в нефольклорной сфере» [Черванева, Артеменко, 2004: 11]. При этом к уникальным свойствам ФЯКМ они относят:

- 1) формульность фольклорной лексики;
- 2) семиотичность слова в фольклоре;
- 3) широкую парадигматичность, под которой подразумевается способность слова образовывать более широкий, чем в языке не-фольклора, синонимический ряд, члены которого могут заменять друг друга в одном контексте. В результате наблюдается «смысловая эквивалентность и обобщенность семантики парадигматических синонимов, что связано с нацеленностью фольклорной лексики на выражение родового, а не видового понятия» [Хроленко, 1992: 64]. А.Т. Хроленко отмечает также тот факт, что для фольклорного слова характерна коннотативность – так называемый ассоциативный тезаурус, обусловленный всей системой фольклорного мира и его языка [Там же].

С.А. Аншакова рассматривает фольклорную картину мира как устойчивую семантическую систему, основными элементами которой являются опорные однозначные слова с их семантической информацией. К базовым свойствам народно-поэтического слова ученый относит символику, метафоризм, родовую обобщенность и оценочность [Аншакова, 2004]. Говоря об оценочности как характерной особенности фольклорного слова, С.Ю. Аншакова считает, что его ценностная доминанта возникла в результате стабильного и длительного употребления конкретного слова с другими словами. Кроме того, исследователь указывает на наличие в структуре фольклорного слова особого оценочного компонента, который часто превалирует над номинативным и даже нейтрализует его [Там же]. Никитина замечает, что для героя в фольклоре, как правило, нет альтернатив в оценках, они уже заданы заранее [Никитина, 1993].

Оценочные характеристики фольклорной картины мира позволяют судить об отношении народа к объектам окружающей действительности, лицам и событиям, о существовавших ценностях, о системах поощрения и наказания.

Соглашаясь с Ю.А. Эмер, которая утверждает, что целью фольклорного дискурса является «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [Эмер, 2011: 52], мы считаем особенно важными вопросы изучения ФКМ билингвов, содержание которой имеет несомненное значение для формирования этнической самоидентичности двуязычного индивида. Поскольку, по словам ученого, «язык фольклора – эта особая форма общенационального языка, сродни художественному языку» [Там же: 58], билингвы, в равной степени владеющие двумя языками, должны также демонстрировать одинаковое владение языками фольклора. Однако данное положение вызывает сомнение; непосредственные наблюдения автора работы за речевым поведением билингвов доказывают, что в потоке речевого взаимодействия с монолингвами, владеющими только русским языком, определенные фрагменты ФКМ представителей русскоязычной культуры остаются непонятыми билингвами. Приведем пример подобного диалога 10-летнего билингва со взрослым носителем русского языка:

- *У Сережи же получилось, и у тебя получится.*

- *Так то у Сережи... А я не смогу.*

- *Ну почему ты так думаешь?! Ты ничем не хуже. Он, между прочим, тоже звезд с неба не хватает.*

- *(Длинная пауза) А причем тут звезды?*

Недоумение билингвов также зачастую вызывают фразеологизмы, с которыми они сталкиваются при прочтении художественной литературы. Кроме того, носители русского языка нередко употребляют в разговорной речи пословицы в усеченном

виде: *яблоня от яблони....., что посеешь ....* и др. Будучи прочно закрепленными в сознании представителей той или иной лингвокультуры, данные фольклорные единицы являются маркерами определенных типовых ситуаций и поэтому способны транслировать смыслы путем их лаконичного описания, однако это происходит лишь в том случае, если собеседнику также известны их значения, в противном случае мы имеем дело с коммуникативной неудачей. Это объясняется тем, что при расшифровке фольклорного текста восприятие той действительности, которая в них описана, нередко происходит буквально, ввиду отсутствия у билингва достаточного языкового и речевого опыта. Разумеется, те же трудности испытывают и монолингвы, впервые столкнувшиеся с незнакомым фольклорным текстом, однако тот паремиологический и фразеологический минимум, который составил материал нашего исследования, как правило, оказывается усвоен школьниками-монолингвами в достаточной степени к моменту перехода в среднюю школу.

С.Е. Никитина пишет, что понимание фольклорного текста осуществляется на нескольких уровнях. «Первый уровень предполагает знание языка, то есть этот уровень предполагает прямое прочтение текста; непонимание, возникающее на этом уровне, частично устраняется с помощью диалектных и исторических словарей. Однако остаются необъяснимыми разного рода алогизмы в фольклорных текстах. Их осознание и раскодировка возможны лишь при переходе от непосредственного прочтения текстов в мир смыслов, который предполагает знание фольклорной картины мира, его законов и существенных свойств его семантической структуры» [Никитина, 1993: 66]. Разумеется, эти законы и свойства варьируются в зависимости от жанровой принадлежности текста, в каждом из которых представлена своя «картинка» мира, при этом «каждый жанр потенциально стремится охватить все сферы художественного осмысления мира. В этом и особая форма фольклорного синкретизма» [Земцовский, 1990: 205].

Фольклор каждого языка жанрово многообразен, и каждый фольклорный жанр представляет то или иное знание, особый способ его структурирования и средства представления, т.е. предлагает собственную интерпретацию мира, обусловленную эстетическими, коммуникативными установками жанра. Невозможность осветить в одной работе особенности восприятия билингвами всех фольклорных жанров в их многообразии объясняет наш выбор малых паремиологических жанров и народной фразеологии в качестве материала для экспериментального исследования, которому посвящена данная диссертационная работа. В рамках антропологического направления лингвистики, в русле которого лежит наше исследование, одним из приоритетных является вопрос о соотношении культурного содержания, отображенного в значении фольклорных языковых единиц каждого языка, в составе языковой картины мира билингвов. Поскольку описание и анализ рассматриваемых в данной работе пословиц, поговорок, примет, загадок и фразеологизмов как стереотипов народного сознания с лингвокультурологических позиций позволяет выявить их национально-культурную специфику, мы считаем необходимым для дальнейшего исследования дать краткий обзор основных теоретических положений, выработанных лингвистами по отношению к каждому из указанных выше малых фольклорных жанров и ФЕ.

Здесь следует отметить, что в трудах современных лингвистов наблюдается две основные тенденции в трактовке термина «паремия». Согласно первой, его определяют как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение дидактического характера, включающее в себя пословицы, поговорки и идиоматические выражения» [Мокиенко, 2007: 12]. Сторонники данного подхода склонны рассматривать «пословицы и поговорки как особый вид фразеологизмов» [Сиглюк, 2005: 354].

Второй, более узкий, подход к содержанию данного термина, которого мы и будем придерживаться в нашем исследовании, мы находим у Г.Л. Пермякова,

который не включает в паремии фразеологизмы, отмечая при этом сходство между фразеологическими оборотами и пословицами и поговорками, которое проявляется в клишированности, сходстве внешней синтаксической формы, наличии трех планов, наличии образной или прямой мотивировки общего значения и т.д. По Г.Л. Пермякову, «паремиологическое пространство включает в себя народное изречение, выраженное предложением (например, пословицы, поговорки, приметы) или короткой цепочкой предложений (например, побасенки, «одномоментные» анекдоты, загадки)» [Пермяков, 1970: 33]. Несмотря на имеющиеся в лингвистике разногласия по поводу определения объема и границ паремиологии, в отношении лингвокультурологического потенциала паремиологических единиц ученые проявляют единодушие, признавая их способность репродуцировать этнокультурную категоризацию мира, что имеет непосредственное значение для нашего диссертационного исследования.

2.3. Лингвокультурный аспект народной паремиологии как фрагмента фольклорной картины мира

2.3.1. Функционально-смысловые и этносемантические аспекты пословиц и поговорок

Выбор предмета исследования данного параграфа продиктован важной ролью, принадлежащей пословично-поговорочным изречениям в различных современных видах дискурса, и выполняемым ими многообразием функций, благодаря заключенному в них богатому семантическому и прагматическому потенциалу. Не случайно их относят к числу «ключевых текстов фольклора, содержащих все основные мотивы устного народного творчества» [Рождественский, 1999: 406].

По мнению В.Н. Телия, паремии представляют собой один из основных «кодов» культуры, «язык веками сформировавшейся обыденной культуры»,

передающейся «из поколения в поколение и отражающей все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка» [Телия, 1996: 219]. Таким образом, можно заключить, что паремиологическая картина является фрагментом общеязыковой национальной картины мира, описанным посредством особых устойчивых языковых единиц и закрепившим коллективный опыт жизни народов в образной и лаконичной форме. В то же время мы не считаем национально-культурный компонент, в той или иной степени присутствующий в каждом из паремиологических жанров, достаточным основанием для того, чтобы однозначно трактовать особенности национального менталитета. Достаточно сравнить такие пословицы и поговорки русского языка, как *работа дураков любит, от работы кони дохнут, работа не волк – в лес не убежит* с одной стороны и противоположные им *без труда не вытащишь и рыбку из пруда, терпение и труд все перетрут* – с другой, чтобы прийти к определенному противоречию в данном отношении.

В нашем исследовании мы рассматриваем такие фольклорные паремиологические жанры, как пословицы и поговорки, приметы и загадки с точки зрения соотношения их состава в ФЯКМ русско-греческих билингвов. Руководствуясь целью и задачами нашей работы, мы считаем целесообразным рассмотреть терминологические особенности данных понятий и дать краткое описание жанровых характеристик каждого из них до того, как мы перейдем к непосредственному описанию эксперимента.

Как отмечает В.П. Жуков, очень трудно определить сегодня с точностью время появления первых устных изречений на самые разные темы, способные в разговоре выразительно и точно охарактеризовать события и явления без помощи утомительных и сложных пояснений [Жуков, 1978], однако принято считать, что изучение европейских паремий, как и происхождение самого термина, берёт начало в классической античности, в трудах Аристотеля, определявшего пословицы (*παροιμίαις*) как «метафоры от одного рода вещей к другому».

В современном языкознании на сегодняшний день не выработано единого взгляда на лингвистический статус пословично-поговорочных текстов, и данный вопрос, несмотря на длительную историю его изучения, до сих пор остается дискуссионным. Существует два основных подхода, рассматривающих пословицы и поговорки либо в составе фразеологизмов, либо изолированно от них. Например, в работе В.Л. Архангельского пословицы и поговорки рассматриваются как особый тип вторичных языковых знаков, включаемых в круг фразеологических единиц, поскольку «они обладают основными свойствами фразеологизмов: устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, образностью, семантической целостностью, экспрессивно-эмоциональной окрашенностью» [Архангельский, 1964: 56].

В данной работе мы придерживаемся противоположного подхода, среди сторонников которого наиболее аргументированно отстаивает свою позицию В.П. Жуков, утверждая, что пословицы и поговорки не являются фразеологическими единицами, однако могут служить источниками фразеологизмов [Жуков, 1978]. В качестве аргументов они приводят следующие положения: пословицы являются цельными предложениями, а не сочетаниями слов, в то время как к объекту фразеологии относят только устойчивые сочетания, эквивалентные словам; в основе содержания высказывания, передаваемого предложением-пословицей, лежит суждение, тогда как в основе лексического значения фразеологизма – то или иное понятие; пословицы как законченные предложения не нуждаются в синтаксическом окружении в отличие от фразеологизмов: «Пословицы и поговорки имеют структуру предложения и не являются семантическими эквивалентами слов» [Виноградов, 1977: 22].

Не имеется в лингвистике и единого взгляда на разграничение жанров пословицы и поговорки, несмотря на многочисленные попытки ученых установить для этого определенные критерии. При этом нередко в работах лингвистов наблюдается сближение данных фольклорных жанров и объединение их в единую

сигнификативную область под общими терминами «паремии», «паремиологические единицы», «паремиологический фонд». Данный подход является характерным для греческого языкознания, в котором практически отсутствует терминологическое разделение внутри единого жанра «*παροιμίες*», в связи с чем мы также рассматриваем данные фольклорные единицы в единстве. Согласно Словарю современного греческого языка Э. Криара [Κριάρης, 2007], паремия – это народное изречение, выражающее в лаконичной форме аллегорически, метафорически либо буквально важные жизненные истины. Выделяемые некоторыми греческими исследователями в отдельный класс *παροιμακές (παροιμώδεις) φράσεις* близки по структурно-семантическим характеристикам жанру поговорок в русском языке, однако отличаются тем, что зачастую реализуют в речи регулятивную функцию (*Στο σπίτι του κρεμασμένου δε μιλάνε για σχοινί* – перевод: В доме повешенного не говорят о веревке). При всей очевидности близости пословиц и поговорок как фольклорных жанров в обоих языках, по нашему мнению, неоспоримым является тот факт, что данные паремиологические единицы не являются тождественными лингвистическими объектами и обладают существенными различиями как в плане содержания, так и в плане выражения. Подтверждение этому мы находим в исследованиях Г.Л. Пермякова [Пермяков, 1988: 18], в которых отграничение пословицы от поговорки осуществляется путем анализа грамматической и семантической структуры рассматриваемых языковых единиц по трем основаниям:

замкнутость (пословицы) – незамкнутость (поговорки);

обобщенность (пословицы) – частность (поговорки);

образная мотивированность (пословицы) – прямая мотивированность (поговорки).

Несмотря на различия в определении лингвистического статуса пословиц и поговорок и сложности, связанные с их жанровой классификацией, в рамках когнитивного и культурологического подходов выработался единый взгляд на

вышеописанные фольклорные единицы как на часть единого паремиологического фонда языка, представляющего собой единицы вторичной номинации и обладающего специфическими способами языковой репрезентации представления этноса об окружающем мире [Логутенкова, 2017: 655]. Сопоставление структурно-семантических особенностей паремий разных языков позволяет определить некоторые особенности менталитета носителей языка, его мировосприятия, в то время, как подробное исследование их семантики, по мнению многих ученых, проливает свет на процессы объективации национальных черт характера, жизненных основ народа.

Несмотря на то, что, как замечают некоторые современные исследователи [Абдрашитова, 2012; Абрамова, 2006], в настоящее время наблюдается утрата фольклорной кодовой системы и постепенное свертывание общепаремийной языковой картины мира, отражающей внутреннюю гармонию жанра: тесную взаимосвязь природы, человека и его хозяйства, благодаря взаимному влиянию фольклора и письменной литературы в современном сознании все же присутствуют фрагментарные знания фольклорного кода. Большинство народных пословиц и поговорок остаются включенными в актуальную сферу сознания носителя современной культуры, являясь одним из основных компонентов фольклорной картины мира. В фольклорной картине мира каждого народа отражена система определенных представлений человека о мире, понятий, универсальных для человеческого мышления и служащих главными элементами мировосприятия, осмысления, оценки и классификации реалий объективной действительности, их связей и отношений, в том числе и самих людей. Однако наряду с универсальными, в паремиологической картине представлены репрезентанты концептов, которые воспроизводят национально-специфические особенности мировидения и менталитета представителей отдельной лингвокультуры. Среди паремий любого языка встречаются такие, в основе которых лежат образы, метафорическое

переосмысление которых напрямую связано с национально-культурной спецификой, и отдельные из этих пословиц могут быть непонятны носителям языка без дополнительного историко-этимологического комментария (например, *ехать в Тулу со своим самоваром*).

Но даже те паремии, в основе которых заложены общечеловеческие идеи, могут отличаться оценкой и эмотивной коннотацией, которая выражает субъективное отношение говорящего к предмету мысли. Являясь культурными знаками языка, наделенными этнокультурным своеобразием, пословицы и поговорки неизбежно эксплицируют аксиологическое содержание сознания, национальное понимание добродетелей и пороков, транслируя сформировавшееся в культуре отношение человека к действительности. При этом они не создаются, а воспроизводятся в речи в результате их осознанного выбора носителем языка на основе уже сформировавшихся в культуре нравственных установок в соответствующих контекстуальных условиях. Нередко паремии употребляются в усеченном либо измененном виде, оставаясь при этом узнаваемыми носителями языка, поскольку являются частью их фоновых языковых знаний, и сохраняя информативно-смысловую и прагматическую значимость. Пародированные, искажённые или исковерканные пословицы с целью произведения юмористического эффекта американский паремиолог В. Мидер называет «антипословицами» [Mieder, 2004]. При всей новизне современных антипословиц они создаются по моделям, свойственным традиционным паремиям, и прототип сразу узнаётся носителями языка, например: *Деньги до Канар доведут; Деньги вокруг всё перетрут*. Другой американский исследователь Ч. Дойл предложил для отдельного вида трансформаций пословиц термин контрпословица, под которой он понимает «содержащее намёк искажение, неправильное использование или неожиданная контекстуализация пословицы, обычно ради комического эффекта» [Бредис, 2017:121]. Наличие в современном дискурсе трансформированных антипословиц и

контрпословиц при параллельном употреблении в речи традиционных пословиц и поговорок свидетельствует об актуальности рассматриваемого фольклорного жанра в современном мире, о коммуникативной востребованности паремий, а следовательно, о необходимости изучения особенностей их функционирования в речи билингвов и разработки основных приемов обучения речевому использованию пословиц и поговорок и их семантикостилистического эффекта в билингвальной аудитории.

2.3.2. Функционально-смысловые и этносемантические аспекты приметы

В современной лингвистике является общепризнанным тот факт, что приметы как произведения народного творчества обладают мощным лингвокультурологическим потенциалом, представляя собой лингвокультурологические тексты, которые в виде клишированных словесных формул выражают определенные верования народа, раскрывают особенности жизнедеятельности носителей лингвокультуры, их представления об устройстве мира, о взаимодействии человека и природы [Логутенкова, 2018]. При этом основным отличием приметы от других видов паремий является ее прогностическая функция, которая определяет структуру данного вида фольклорных текстов. Вера в приметы, вероятно, возникла в результате того, что человек в ходе своей жизнедеятельности все больше убеждался в том, что достижение желаемого результата не всегда зависело исключительно от его собственных усилий, но также от каких-то внешних, неподвластных ему обстоятельств. Кроме того, человеку, как правило, всегда удобнее приписывать свои неудачи происходящим независимо от него событиям либо высшим силам. Закрепляя в вербализованной форме основанную на наблюдении причинно-следственную связь на уровне житейского опыта, приметы, таким образом, играют важную роль в формировании национально-

языковой картины мира любого народа. Мы полностью солидарны с М.А. Кульковой, которая утверждает, что приметы выступают в качестве одной из вербализованных форм национальной концептуальной картины мира и содержат важную информацию о когнитивной деятельности народа, его аксиологических установках и о национально-языковых особенностях структурирования накопленного опыта [Кулькова, 2011].

Являясь одной из древнейших форм народных верований, приметы демонстрируют теснейшую связь фольклора с мифологией и первобытной культурой, переплетаясь при этом с некоторыми религиозными представлениями о мире и о месте человека в нем. Удивительно, что даже в наш рациональный век приметы не утрачивают своей актуальности и продолжают сопровождать человека всю его жизнь, порою не только прогнозируя события, но и моделируя поведение индивида, несмотря на то, что соблюдение примет нередко связывают с суеверностью и необразованностью. Трудно не согласиться со Спинозой, который видит причину суеверия людей в их неспособности полностью контролировать ход собственной жизни: “If men were always able to regulate their affairs with sure judgment, or if fortune always smiled upon them, they would not get caught up in any superstition” (Люди бы были далеки от суеверия, если бы могли управлять событиями собственной жизни с помощью определенного набора правил или если бы судьба всегда проявляла к ним благосклонность) [Spinoza, 2007: 5]. Как показывает житейский опыт, даже те из нас, кто считает приметы пустой выдумкой, временами демонстрируют признаки суеверия в большей или меньшей степени, например, перенося дату операции с пятницы 13-го (а на Кипре – со вторника 13-го) на другой день или обходя стороной черную кошку из-за боязни попасть в неприятную ситуацию.

Тематика прогноза, отображенного данными паремиологическими единицами, помогает определить приоритетные сферы жизни народа, поскольку человек всегда

пытается предопределить ход событий, представляющих для него наибольшее значение. Кроме того, в той части примет, которая отражает наблюдение, также проявляется национальная специфика интерпретации языковыми субъектами окружающего мира. Естественно предположить, что подобные приоритеты не могут быть одинаковыми для представителей разных культур; каждый этнос обладает определенными особенностями труда и быта, восприятия объективного окружающего и субъективного духовного мира, которые находят отражение в фольклорной картине мира его представителей. Различия эти в особенности проявляются в природных приметах, которые играли немаловажную роль в жизни любого народа на протяжении многих веков до появления современных средств прогнозирования погоды. Так, сравнивая приметы данной группы в русском и греческом языках, несложно заметить количественное превосходство примет, связанных с холодной и ненастной погодой, в русском языке, проследить расхождения в датах проводимых крестьянами сельскохозяйственных работ в приметах календарного цикла. Очевидно, что в приметах отображаются устойчивые ассоциативные связи, актуальные для той или иной культуры.

Лингвисты и фольклористы, занимающиеся изучением примет, признают этнографическую, языкотворческую и художественную ценность данных фольклорных текстов. Самым непосредственным образом связанные с первыми представлениями человека об окружающем мире, приметы отражают соседство тонких наблюдений, точных знаний и безосновательных суеверий. В этом жанре концентрировались дошедшие из глубины столетий, проверенные жизненным опытом точные и верные наблюдения, которые не только не утрачивали своего содержания, но часто подтверждали его или частично переосмысливали [Тонкова, 2007].

Как и в случае с пословицами и поговорками, единого научного определения приметам в научной литературе не имеется. У А.Н. Афанасьева мы находим:

«Примета указывает всегда на какое-нибудь соотношение... между двумя явлениями мира физического и нравственного, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего, долженствующего сбыться в скором времени» [Афанасьев, 1988: 63]. По словам Е.Г. Павловой, примета — «паремия (предельно простой и легкий для восприятия текст) с доминантной прогностической функцией» [Павлова, 1984: 259]. С.А. Токарев акцентирует внимание на то, что в приметах «человек вообще не действует, а только наблюдает происходящее вокруг него или в нем самом и делает из этого суеверные выводы о будущем» [Токарев, 1990: 417]. В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова под приметами понимают «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни» [Харченко, Тонкова, 2008: 14].

Многие отечественные ученые под понятием «примета» подразумевают лишь явления природы: устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание [Фаттахова, 2005: 6]; «устойчивые конструкции, как правило, выражающие прогноз в отношении метеорологических явлений либо сельского хозяйства на основе эмпирического опыта этноса в результате длительного взаимодействия с окружающей средой» [Кулькова, 2005: 28]; «устойчивые и проверенные временем конструкции, которые на основе длительной связи определенного этноса с явлениями природы выражают прогноз-предсказание в отношении метеорологических либо сельскохозяйственных явлений» [Закиров, 2009: 35]. В нашей работе мы будем придерживаться широкого определения: примета – это малый фольклорный жанр, раскрывающий соотношение между происходящими в жизни человека явлениями и будущими событиями на основе опытных представлений членов этнокультурного сообщества об окружающей действительности. Само слово «примета» произошло от глагола «примечать» –

замечать, стараться что-то приметить, обращать на что-либо внимание, чтобы помнить, удержать в памяти признаки» [Даль, 2004], что говорит о том, что примета явилась результатом многовекового наблюдения человека за повторяющимися событиями и явлениями.

Трудностью исследования явилось отсутствие семантического эквивалента русскому слову «примета» в греческом языке. Так, календарно-погодные приметы, которые иногда называют *λαϊκή μετεωρολογία* (*народная метеорология или этнометеорология*) образуют единый паремиологический фонд с пословицами и поговорками, объединяясь в отдельный жанр фольклора под названием *παροιμίες* («паремии»); бытовые же приметы делятся на две основные группы. Для первой, которая включает исключительно приметы-предостережения, существуют два равносильных термина: *δεισιδαιμονίες*, что переводится дословно как страх перед демоническими силами, и *προλήψεις* – предупреждение, профилактика. Во вторую группу – *λαϊκές δοξασίες* (*народные поверья*) – входят приметы-описания (дескриптивные) и поверья. Вопросы, связанные с определением параметров выделения примет из сходных по семантической структуре других паремиологических единиц, в первую очередь поверий, также являются актуальными и для отечественной лингвистики [Жуков, 2002]. Исходя из предложенных российскими учеными критериев разграничения примет и поверий, мы не рассматривали паремии, представляющие собой свободный пересказ приметы или описание обряда, сосредоточив свое внимание на четких, двучастных структурах, выраженных двумя пропозициями, из которых одна поставлена в зависимость от другой (первая часть – событие, вторая – прогноз) со своей когнитивной и этнокультурологической составляющей, обладающих такими характеристиками как стереотипность и устойчивость формы выражения, которая обеспечивается регулярностью использования данного вида фольклорных текстов в бытовом и художественном дискурсах.

Социально-культурная значимость приметы не вызывает сомнения; являясь достаточно древним языковым образованием, нередко обладающим глубоким мифологическим подтекстом, она активно развивается и в современных условиях, что объясняет наш исследовательский интерес к выполняемой ей ролию в формировании фольклорной картины мира, а следовательно, и национальной картины мира билингва. В этом отношении в первую очередь следует отметить тексты художественной литературы, в которых довольно часто встречается отсылка к данному типу фольклорных единиц: *«Когда уходили из-за стола, кто-то, дыша взваром и сытой окисью пшеничного хлеба, нагнулся над ним, всыпал за голенище сапога горсть пшена: для того, чтобы не сделалось чего с женихом с дурного глаза»* (М.А.Шолохов. Тихий Дон).

«Глядя на дым, можно определенно сказать, будет ли завтра дождь, ветер или снова, как сегодня, солнце подыметя в глубокой тишине, в синих прохладных туманах» (К.Г. Паустовский. Мещерская сторона).

«Όταν σπάσεις, λέει, καθρέφτη, περίμενε επτά χρόνια γρουσουζιάς. Γι πρέπει να κάνεις για να φέρεις επτά χρόνια χαράς και ευδαιμονίας; Να σας το πω εγώ. Ν' ανοίξεις νηπιαγωγείο στην αυλή σου». (Говорят, что разбитое зеркало сулит 7 лет несчастий. А что же нужно сделать, чтобы обеспечить себе 7 счастливых лет жизни? Я скажу вам. Устройте у себя во дворе детский сад. – Перевод наш. – О. Л.) (Μαρία Ιορδανίδου. Η αυλή μας).

Помимо художественной литературы, народные приметы нередко подвергаются трансформации в бытовом дискурсе с целью формирования и выражения иронического смысла, для понимания которого обязательно знание текста, являющегося базой для создания новой шуточной приметы. Например: *Если дым стелется по земле - вернитесь и выключите утюг, если поднимается столбом - можете уже не возвращаться; Если на небе яркая молния. а грома не слышно - к приобретению слухового аппарата; Низколетающие над головой голуби - к стирке.*

Όταν μια μαύρη γάτα περάσει από μπροστά σου, σημαίνει ότι το ζώο πάει κάπου (Если вам встретилась черная кошка, значит животное куда-то идет). Первая часть текстов, вполне узнаваемая и прогнозирующая содержание народной приметы, возникнув в сознании, сталкивается со второй, неожиданно вводящей в иную тематику, в результате чего возникает эффект комизма. Подобный эффект может быть достигнут лишь тогда, когда все члены коммуникации обладают общими фоновыми языковыми знаниями, что происходит в случае их принадлежности единой лингвокультуре. Схожие по своим содержательным признакам, приметы, описывая общие для разных народов жизненные ситуации, могут иметь значительные расхождения в форме выражения, провоцируя коммуникативные неудачи.

Знание народных примет (без обязательного следования им), закрепленных в языковых системах, которыми владеет билингв, также способствует развитию межкультурного понимания, укреплению эмоциональных связей с представителями обеих культур, формированию сбалансированного бикультурализма и биэтнической идентичности двуязычного индивида.

2.3.3. Функционально-смысловые и этносемантические аспекты загадки

Народные загадки, наряду с рассмотренными выше малыми фольклорными жанрами, являются важной паремиологической областью языка, в которой сконцентрирована многовековая народная мудрость. Так же как и в остальных паремиях, в них можно найти отражение существенных черт менталитета народа, особенностей его мышления и мировоззрения, национального характера; изучение загадок как фольклорного жанра помогает определить этнокультурную специфику языковой картины мира, в которой зафиксированы те предметные и признаковые ассоциации, сквозь призму которых воспринимались денотаты окружающего мира. При этом загадка занимает особое место в ряду прочих фольклорных текстов,

благодаря своей способности не только развлекать слушателя, но и стимулировать умственную деятельность: отгадывание загадок хорошо развивает творческое и логическое мышление, тренирует память, активизирует внимание. Что касается остальных функций загадки, среди которых выделяют в первую очередь развлекательную, орнаментальную, поучительную и познавательную, то они являются характерными и для других видов паремий.

В работах отечественных и зарубежных ученых, посвященных исследованию жанра загадки, имеется огромное количество его определений: энигматический текст понимается как «замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки загадываемого предмета даны в зашифрованном, уводящем в сторону виде» [Круглов, 1990: 10]; «иносказательное изображение какого-либо предмета или явления на основании сходства между скрытым предметом и тем, который его заменяет в загадке» [Богатырёв, 1971: 207]; «построенное в виде иносказания небольшое фольклорное произведение, содержащее замысловатый вопрос, на который необходимо дать исчерпывающий ответ» [Кравцов, 1983: 83] и др. Алан Дандес (Alan Dundes) понимает загадку как вопрос, цель которого сбить собеседника с толку или проверить, насколько он сообразителен. (“questions that are framed with the purpose of confusing or testing the wit of those who do not know the answer”) [Dundes, 1965: 130]. Один из известных исследователей греческого фольклора, С. Кириакидис, определяет загадку как двупланное описание предмета, события или явления, воспринимаемое как вопрос и требующее ответа, который раскрывает скрытый смысл высказывания [Κυριακίδης, 1965: 332].

Несмотря на некоторые отличия в формулировке, в качестве основных признаков загадки, как правило, выделяются иносказательность и поэтичность, что позволяет говорить о данном фольклорном жанре как одном из способов мироосмысления и постижения окружающей действительности. Об этом же свидетельствуют и многочисленные теории происхождения загадки как

фольклорного жанра, среди которых наибольшую популярность получила гипотеза В.П. Аникина, утверждающая наличие тесной связи загадок с условной иносказательной речью прошлого, а также указывающая на непосредственное влияние словесных запретов на формирование жанра [Аникин, 1957]. Ученый полагает, что загадки развивают первичный образ-сопоставление, данный в подставном слове, где «умалчиваемый предмет подают описательно посредством указания на один, реже – два его признака, образ строится на основе выделения какой-либо бросающейся в глаза черты» [Там же: 65]. Условные обозначения, пришедшие из тайной речи и представляющие собой метафоры, впоследствии обрастают поэтическими подробностями.

Благодаря присутствию в традиционных текстах фольклорного кода, загадки содержат в себе особую «ценностную» информацию, что находит выражение в описании и соотношении ключевых для культуры реалий. Особенно ярко это проявляется в загадках-иносказаниях, где используется образ, замещающий объект в отгадке, т.е. основным средством является метафора, поскольку именно метафора в большинстве случаев позволяет представить многоплановость образов, отбор которых осуществлялся на протяжении длительного времени несколькими поколениями, и, отражая многие стороны исторического развития народа, его быт, культуру, традиции, стереотипы мышления, дает достаточно глубокое представление о языковой личности представителя того или иного этноса. По ставшему в последние несколько лет крылатым замечанию В.В. Красных, в языке с помощью метафор формируется «культурный код» – «сеть», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002: 232].

Тесная связь метафоры и загадки была описана еще Аристотелем в его работах: «Если кто-нибудь сделает такую [метафорической] всю речь, то получится

загадка. В самом деле, идея загадки та, что, говоря о действительно существующем, соединяют вместе с тем совершенно невозможное» [цит. по: Журинский, 1989: 3-4].

Многие исследователи выделяют метафорические загадки как единственно истинные, рассматривая их как базовую форму концептуализации действительности, т.е. как определенный способ восприятия и организации мира, отраженный в языке. Выражаемые в языке значения складываются при этом в некую единую систему взглядов, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [Апресян, 1995: 350].

Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, в современных условиях фольклор существенно изменился по содержанию и выполняет сегодня главным образом эстетические функции, т.к. многие традиции народа стёрлись из исторической памяти народа и потому не соблюдаются или модернизовались, стилизовались в новые [Абрамова, 2006], благодаря взаимному влиянию фольклора и письменной литературы в современном сознании все же присутствуют фрагментарные знания фольклорного кода. Представляется совершенно естественным тот факт, что загадки о вышедших из употребления предметах крестьянского быта либо видах крестьянских работ, которые сегодня оказались заменены машинными, утрачивают былую актуальность (например: *Рогат да не бык, хватает да не сыт, людям отдаёт, а сам на отдых идет (ухват); Бегут бегунчики, за ними катунчики, несут рогатинку, колоть мохнатинку (едут за сеном, везут вилы); Пять овечек стог подъедают, пять овечек прочь отбегают (лен прядут)*). Утратой былой актуальности объясняется и тот факт, что просторечные и диалектные особенности плана выражения загаданного денотата исчезают в процессе адаптации загадок для современной аудитории. Тем не менее многие традиционные загадки остаются включенными в актуальную сферу языкового сознания носителя современной культуры, являясь одним из основных компонентов фольклорной картины мира – «особой фольклорной реальности, выраженной с

помощью языка традиционного народного творчества» [Петренко, 1996: 2]. В основе картины мира, представленной в загадке, лежит когнитивная структура самой загадки, как правило, построенная на развернутой метафоре, в которой сосредоточены ассоциативные знания народа об окружающей реальности.

Несомненно, национальная культурная картина мира отражает видение мира отдельного этноса гораздо полнее и шире, чем языковая, но язык вербализует, хранит ее и передает из поколения в поколение. Загадка, наряду со сказкой, является одним из первых фольклорных жанров, с которым знакомится ребенок, закладывая основы культурно-языковой компетенции индивида. Как отмечает В.В. Катермина, «система языковых значений соотносится в интерпретативном режиме с культурной компетенцией носителей языка. Концептуальное наполнение этой компетенции – одна из характерных черт менталитета народа» [Катермина, 2014: 75]. Сохраняясь в языке на протяжении многих веков, загадка как один из древнейших фольклорных жанров способна дать ценную информацию в отношении национальной языковой картины мира, поскольку и выбор тематики загадок, и лингвистические особенности репрезентации загаданного денотата оказываются напрямую связанными с этнокультурными особенностями мировосприятия, обусловленными социально-историческими факторами. В связи с этим процесс отгадывания включает не только работу психокогнитивных механизмов, но также использование метафорических фоновых знаний участников диалога с учетом культурно-национальных стереотипов и архетипов.

Этим объясняется тот факт, что загаданный денотат довольно легко распознается носителями родного языка, зачастую представляя определенные трудности для изучающих данный язык как иностранный вне зависимости от их общего уровня владения языком.

2.4. Лингвокультурный аспект фразеологии как фрагмента фольклорной картины мира

Фразеология – от греческого *phrasis* – «выражение» и *logos* – «учение» – это наиболее культурно детерминированный раздел языка, который в своеобразной образной форме способен «концентрированно выразить не только особенности данного языка, но и мироощущение его носителей» [Рябцева, 1999: 133]. Лингвокультурология, возникшая в русле антропологической тенденции развития в гуманитарных науках на рубеже XX-XI веков, обусловила повышенный интерес лингвистов современности к фразеологическим единицам языка, который объясняется важной ролью последних в концептуализации национально-культурного фрагмента КМ любого этноса. Отличительной чертой лингвокультурологического подхода к исследованию фразеологизмов, по мнению И.В. Зыковой, является то, что оно осуществляется на базе основополагающего постулата о «синергетической корреляции», «интеракции» культуры и языка как двух разных семиотических систем, в результате которой происходит формирование культурно обусловленной фразеологической подсистемы естественного языка, в которой любой фразеологизм обретает статус знака «языка» культуры и начинает играть в последней особую роль» [Зыкова, 2014: 121]. Это объясняется тем, что фразеологический фрагмент ЯКМ неизменно включает компоненты, обладающие ярко выраженной культурной семантикой и имеющие непосредственное отношение к культурному коду носителей лингвокультуры; изучение и анализ фразеологического фонда языка является ценным источником сведений о культуре и истории народа, особенностях его мышления и мировидения, ценностных установках. Подобный подход к фразеологизмам, которые В.Н. Телия определила как «наиболее самобытную в культурно-языковом плане часть номинативного запаса языка» [Телия, 1999: 13], подробно описанный в работах ученого, позволяет выявить

закодированные в них культурные смыслы, связи «с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами» [Телия, 1996: 233]. Рассматривая в первую очередь народную фразеологию, отличную от авторской, библейской или античной, можно заметить, что в языке фразеологизируются именно те образные выражения, которые имеют непосредственную связь с этноспецифическими особенностями жизни нации, демонстрируя типичные ассоциации представителей той или иной культуры. Например, большое количество фразеологизмов греческого языка, содержащих семантический компонент «море» («θάλασσα»), можно легко объяснить географическим положением государства: *παλεύω με τη θάλασσα, έχω φάει τη θάλασσα με το κουτάλι, τα κάνω θάλασσα, έπεσαν έξω τα καράβια (κάποιου)*, либо историческим развитием нации. Так, фразеологизм *περνώ από σαράντα κύματα*, который дословно переводится как «прохожу сквозь сорок волн» и обозначает сложную и длительную процедуру достижения поставленной цели или задачи, исторически восходит к тому периоду, когда греки, празднуя Вознесение Господне на 40-й день после Пасхи, собирались у моря для того, чтобы набрать в принесенную с собой посуду воду из сорока волн. Этой водой они освящали свои жилища в надежде избежать сглаза, болезней и неудач.

Православная вера явилась источником многих других фразеологизмов христианского содержания; помимо ФЕ, имеющих в своей основе библейское происхождение, как в русском, так и греческом языках насчитывается большое количество фразеологизмов, содержащих религиозную коннотацию: *κοντός ψαλμός αλληλούια, μου έψαλλε τον εζάψαλμο/ αναβαλλόμενο, σιγά τον πολυέλαιο, φωνή λαού οργή Θεού, αλλάζω τροπάριο, подвести под монастырь, одним миром мазаны, со своей колокольни* и т.д. Кроме того, исторические и культурные события, обычаи и традиции народа, фольклор служат богатейшими источниками народной исконнорусской и исконногреческой фразеологии.

Исследованиям фразеологизмов в лингвокультурологическом аспекте посвящены работы многих отечественных и зарубежных лингвистов, каждый из которых дает собственное толкование фразеологическим единицам. В. М. Мокиенко, обобщая имеющиеся в научной литературе подходы к определению термина «фразеологизм», делит их на три группы:

1) фразеологизмы – это сочетания слов, которые имеют обобщенно-переносное значение, неразложимое на части;

2) это все словосочетания, воспроизводимые в готовом виде, то есть и словосочетания типа: *добро пожаловать, уважаемые дамы и господа и др.*

3) это все сочетания слов, которые в процессе коммуникации не создаются, а извлекаются из памяти целиком [Мокиенко, 2007: 4].

В нашем диссертационном исследовании мы будем придерживаться определения, данного самим ученым, который рассматривает фразеологизм как «сочетание слов, которое может воспроизводиться в готовом виде, обладает слитностью значения составляющих его слов и экспрессивностью» [Там же: 4]. Подобное определение мы встречаем у греческих лингвистов: «Ο ιδιωτισμός είναι έκφραση της οποίας η σημασία δεν προκύπτει από τον συνδυασμό των σημασιών των λέξεων που την αποτελούν, π.χ. *σιγά τα λάχανα!*, *μου πήρες τ' αφτιά!*, *μου έκανες την καρδιά περιβόλι!*» [Μπαμπινιώτη, 2002] При этом в понимании границ фразеологии мы придерживаемся так называемого «узкого» подхода, в соответствии с концепциями В.П. Жукова, Б.А. Ларина, А.И. Молоткова и др., исключая выражения, состоящие целиком из слов со свободным значением (пословицы, поговорки, присловия, крылатые слова, афоризмы, составные термины, сложные союзы, сложные предлоги). Наша позиция основана на аргументах таких исследователей фразеологии, как В.Н. Телия, которая считает, что предметом фразеологии должны быть такие единицы языка, которые входят в его номинативный инвентарь (куда нельзя отнести выражения приравняемые к

предложению) [Телия, 1996], а также Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, которые подчеркивают, что паремии нельзя рассматривать в рамках фразеологии, поскольку пословицы и поговорки являются не эквивалентом слова, а эквивалентом целого рассказа, и представляют собой законченную фразу с прямым значением. Фразеологизм же, как и слово, означает отдельный предмет или отдельное явление [Верещагин, Костомаров, 1990]. Таким образом, фразеологизмами или фразеологическими единицами в данной работе мы будем называть значимые единицы языка, входящие в его номинативный инвентарь, которые характеризуются устойчивостью, воспроизводимостью, семантической целостностью, идиоматичностью и образностью.

Уделяя особое внимание фразеологизмам как уникальным единицам языка, «фиксирующим и передающим от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы», В.А.Маслова [Маслова, 2004: 82] отстаивает следующие положения:

- 1) большая часть ФЕ любого языка содержит «следы» национальной культуры, которые могут и должны быть выявлены;
- 2) культурная информация сосредоточена во внутренней форме ФЕ, которая отображает образно-ассоциативное представление о мире носителей языка и придает фразеологизму культурно-национальный колорит;
- 3) главное при исследовании специфики ФЕ – раскрыть их культурно-национальную коннотацию.

Соглашаясь с данными положениями, мы считаем нужным акцентировать внимание на том, что далеко не все фразеологизмы обладают культурно-национальной спецификой и выражаем полную солидарность с точкой зрения Д.О. Добровольского, который не считает обоснованным априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально специфических черт либо свидетельств определенных характеристик менталитета народа и выдвигает против

такого подхода возражения как интуитивного, так и теоретического характера. «С интуитивной точки зрения не вполне ясно, почему мы должны усматривать некую национальную или культурную специфичность в таких идиомах, как *лезть на стену*, *качать права*, *не моргнуть глазом*. С теоретической точки зрения затруднительным и нецелесообразным представляется включение в инструментарий научного описания понятий, не имеющих операциональных определений» [Добровольский, 1997: 37]. Здесь же следует еще раз подчеркнуть нашу позицию, выражающую несостоятельность попыток дать исчерпывающую характеристику ментальности народа, основываясь на материале народной фразеологии и паремиологии. Привлечение же вышеуказанных языковых пластов в исследование объясняется тем, что, по нашему мнению, невозможно вести речь о сформированной речезыковой компетенции индивида, не владеющего вербализованным фольклорным кодом определенного языка хотя бы на минимальном уровне, в связи с чем возникает необходимость изучения структуры и параметров формирования ФЯКМ билингвального индивида в процессе ее становления.

Поскольку исследование национально-культурной специфики языковых единиц, составляющих фольклорную картину мира и использованных нами в качестве экспериментального материала, входило в число задач нашей работы, мы отталкивались от позиции Д.О. Добровольского, который выделяет два подхода к данной проблеме: сравнительный, предполагающий рассмотрение национально-культурной специфики одного языка по отношению к другому, и интроспективный, который основан на представлении о наличии «имманентных» национально-культурных характеристик безотносительно к специфике других языков и культур и при котором национальная специфика языка рассматривается глазами его носителей [Добровольский, 1997: 6-7]. Несмотря на то, что мы опирались в большей степени на сопоставительный подход при анализе предлагаемого для экспериментальных процедур материала, следует отметить, что изучение ФЯКМ двуязычного индивида

необходимым образом предполагает взаимодействие обоих подходов в той или иной степени, поскольку владение двумя языками само по себе исключает «безотносительность» специфики одного из них относительно другого.

Как правило, в основе фразеологических единиц лежит образность, метафора, а образное видение аналогичных объектов, понятий и явлений у носителей разных языков не бывает абсолютно идентичным. Мировидение, общее для членов одной лингвокультурной общности, делает возможным понимание метафорических лингвистических значений, заложенных во ФЕ. Поскольку в разных языках в основу метафоры или сравнения одного и того же явления заложены разные признаки, предопределенные социально-историческими и климатическими условиями развития нации, представляет интерес то, каким образом данное явление отражается на языковой личности естественного билингва и в каком соотношении присутствуют в его речемыслительной деятельности русские и греческие ФЕ.

Соглашаясь с С.Г. Тер-Минасовой, которая воспринимает язык как «орудие культуры» [Тер-Минасова, 2000: 147], мы считаем особенно важным изучение фрагмента ФКМ билингвов, представленного фразеологизмами и поговорками, поскольку в их составе вербализуются и интерпретируются специфические национальные концепты. Умение использовать данные единицы обоих языков в речи свидетельствует не только о сбалансированном уровне владения двумя языковыми системами индивида, но и об успешно протекающем внутреннем диалоге культур билингва, о важности которого замечательно высказался современный ученый А.П. Давыдов: «Диалог культур — вот та середина, та вечно новая целостность, в которой переплавляется непродуктивное в продуктивное, одно неравенство в другое, статика в динамику, традиция в инновацию, переосмысливается старое и новое в третьих смыслах, происходит формирование уникального особенного, через которое только и возникает новое видение всеобщего» [цит. по: Бахтикиреева, 2009: 162. Электронный ресурс].

Несформированность необходимого уровня владения паремиологическими и фразеологическими единицами языка нередко становится причиной коммуникативных неудач в процессе межкультурного взаимодействия билингвов вне зависимости от их речезыковой компетенции на бытовом уровне общения. Понимание смысла ФЕ и даже способность находить соответствующие фразеологические эквиваленты в обоих языках, как показывает наблюдение, еще не гарантирует успешного употребления данных единиц в речи. Недостаточный речевой опыт билингвов зачастую приводит к неуместному использованию стилистически сниженных фразеологизмов просторечного характера в неподходящих для этого ситуациях общения. Например, описание своего дня двуязычный школьник может начать фразой: *В 6 утра я продираю свои глаза и иду умываться*; а в адрес одноклассника, который затрудняется дать ответ на вопрос, может прозвучать комментарий: *Он сегодня лыка не вяжет*. Таким образом, необходимость учитывать стилистическую отнесенность ФЕ в работе с билингвами представляется нам неоспоримой. При этом очевидным кажется тот факт, что способность билингвов соотносить определенные фразеологизмы с той или иной сферой общения так же как их количественное накопление в пассивном словаре, может возрастать за счет расширения социально-ролевого репертуара, осуществляемого школьником на каждом из языков.

Выводы к главе 2

Рассмотренные во второй главе вопросы, связанные с основными теоретическими понятиями, необходимыми для реконструкции ФЯКМ билингва: картина мира и место языковой картины мира в ней – базируются на понимании КМ как «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании её носителей и

являющегося результатом всей духовной активности человека» [Серебренников, 1988: 21]. Поскольку описание модели действительности осуществляется с помощью языковых средств, ЯКМ может быть рассмотрена как частное проявление всеобщей КМ. При этом мы не считаем правомерной позицию, согласно которой ЯКМ может быть поставлена в один ряд со специальными картинами мира, например, физической или химической, либо, выражающими определенное мировоззрение философской, мифологической и др., поскольку ЯКМ предшествует каждой из них и является обязательным условием их функционирования и сосуществования как в коллективном сознании, так и в индивидуальном. Исторически в основе ЯКМ любого народа лежит ФКМ и составляющие ее элементы.

Различные фольклорные жанры, так же как и народная фразеология, сохраняя, накапливая и передавая последующим поколениям знание о мире, которое формируется на протяжении исторического развития народа, образуют особый языковой пласт и отражают этнокультурное сознание, под которым понимается культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотнесенный с особенностями национальной культуры, истории и национального мировосприятия. В основе мировидения каждого народа лежит своя система когнитивных схем и социальных стереотипов, определяющих этничность национального сознания как общества в целом, так и отдельного индивида, и способом описания этого мировидения окружающей действительности и самого человека в ней является языковая картина мира. Мощным средством формирования и описания национальной картины мира являются фразеологический и паремиологический фрагменты, содержание которых определяет границы фольклорно-языковой картины мира представителей конкретной лингвокультуры.

Под фольклорно-языковой картиной мы понимаем фрагмент ЯКМ, репрезентирующий совокупность восходящих к различным историческим эпохам коллективных представлений о мире и о месте человека в нем, который находит

отражение в фольклорных текстах средствами народно-поэтической лексики. Фольклорная картина мира, отражая прежде всего опыт архетипического и мифологического осмысления действительности и религиозного познания мира, является особым фрагментом общей картины мира, который создавался в результате семантической перекодировки мифологического и этнографического материала через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики. Рассматриваемые в диссертационном исследовании малые фольклорные жанры, а также народная фразеология оптимально сочетают лаконичность форм с емкостью содержания и экспрессивностью плана выражения, что обуславливает их широкое бытование в современном речевом дискурсе и объясняет наш исследовательский интерес к данным языковым единицам как наиболее самобытной части языка и культуры.

Во второй главе были рассмотрены вопросы статуса и терминологических особенностей каждого из представленных в исследовании жанров и определена авторская позиция по отношению к дискуссионной на сегодняшний день проблеме разграничения паремиологических единиц от фразеологических с одной стороны и пословиц от поговорок – с другой. В нашей работе мы придерживаемся узкого подхода к понятию «паремия», которое рассматриваем в качестве родового к таким фольклорным жанрам как пословица, поговорка, примета и загадка, отграничивая его от фразеологических единиц. При этом мы не считаем критически важными для данного диссертационного исследования вопросы, связанные с определением объема и границ паремиологии и фразеологии, поскольку в любом случае общепризнанным остается факт способности составляющих вышеуказанные фрагменты ФКМ единиц репродуцировать этнокультурную категоризацию мира.

Поскольку пословицы, поговорки, приметы, загадки и народная фразеология оказываются включены в тот фрагмент национальной языковой картины мира, который является непосредственным отражением этнических ценностей, и обладают

важным лингвокультурологическим потенциалом, им принадлежит значительная роль в процессе формирования ФЯКМ индивида. В случае, когда речь идет о ФЯКМ билингва, в действие вступают различные факторы, среди которых решающую роль, по нашему мнению, играет объем получаемого языкового и речевого материала и направленный характер формирования билингвизма (в противовес стихийному). Из сказанного выше вытекает логичный вывод о том, что ФЯКМ ранних естественных билингвов из моноэтнических и биэтнических семей обладают рядом различительных характеристик, которые мы намерены выявить и проанализировать в следующей главе.

Подчеркивая в своем исследовании тесную взаимосвязь билингвальности и бикультуральности индивида, мы считаем, что умение правильно пользоваться фольклорным богатством каждого из языков характеризует степень владения языком билингва. Таким образом, вести речь о сбалансированном двуязычии, согласно нашей позиции, возможно лишь в том случае, если индивид владеет фольклорными кодами обоих языков в большей или меньшей степени.

ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ БИЛИНГВОВ

3.1. Методика проведения эксперимента

Третья глава диссертационного исследования связана с выявлением лингвистических и экстралингвистических параметров формирования фольклорно-языковой картины мира билингва на основе эмпирических данных, полученных в результате проведения серии психолингвистических экспериментов. Согласно концепции Ю.Н. Караулова, с которой мы выражаем полное согласие, познать язык, а следовательно, определенный фрагмент языковой картины мира невозможно, если не обратиться к конкретной языковой личности – творцу, носителю, пользователю языка [Караулов, 1976]. Этим объясняется особая значимость психолингвистических исследований, ведь предметом психолингвистики является «соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой» [Леонтьев, 1997: 12]. Задачи, связанные с реконструкцией фольклорной части языковой картины мира билингвов, предпринятой в данной работе, обусловили обращение к фрагменту ФКМ, представленной паремиологическими и фразеологическими единицами как культурно-специфическими сентенциями этноса, объективирующими его ментальные установки, особенности мышления и поведения. С целью решения задач исследования нами была разработана серия направленных лингвопсихологических экспериментов, проводившихся на базе Русской Школы г. Пафоса в несколько этапов в период с 2015 по 2018 годы.

Количество принявших в эксперименте участие школьников – 114 русско-греческих билингвов в возрасте от 11 до 16 лет, из которых первую группу

(*билингвы 1*) составили 57 билингвов 1 типа по классификации раннего двуязычия С. Ромейн (модель формирования билингвизма «один родитель – один язык») и вторую (*билингвы 2*) – 57 билингвов 3 типа (модель формирования билингвизма «язык семьи – язык общества»). Поскольку очевидной является зависимость адекватного понимания фразеологических и паремиологических единиц от возраста ребенка, в ходе исследования соблюдалась дифференциация по возрастной категории. Непосредственному экспериментальному исследованию предшествовал предварительный этап объективного наблюдения и исследовательского анализа, во время которого была обоснована собственная исследовательская позиция и сформулирована основная гипотеза диссертационной работы: коммуникативное владение русскими паремиологическими и фразеологическими единицами, входящими в состав ФКМ, выше у билингвов 1 типа (*билингвы 1*) в сравнении с билингвами 3 типа (*билингвы 2*) при общей доминантности элементов греческой ФКМ у представителей обеих групп. Предэкспериментальный этап, целью которого была выборка фактического материала для проведения эксперимента, включал проведение сопоставительного лингвокультурологического анализа входящих в эксперимент паремиологических и фразеологических фольклорных единиц и их классификацию по признаку эквивалентности в языках, которыми владеют билингвы. Ответы билингвов в диссертации приведены в неотредактированном виде, стилистические и орфографические ошибки не исправлялись.

Материалом исследования послужили паремиологические и фразеологические единицы из лексикографических источников русского и греческого языков, общим объемом 1280 единиц.

Методика, посредством которой было осуществлено исследование, включает в себя лингвокультурологический сопоставительный анализ паремиологических и фразеологических единиц, обоснованием которого служат теоретические выводы ко

второй главе работы, психолингвистический эксперимент и аналитический алгоритм обработки и анализа данных эксперимента.

В рамках поставленной цели исследования и обозначенных во введении задач психолингвистический ракурс изучения ФЯКМ билингов представляется нам одним из наиболее актуальных в контексте проблем антропоцентрической лингвистики, так как психолингвистические методы предполагают активную позицию носителя языка как субъекта, рефлексия которого становится материалом для лингвистического исследования. Достаточно информативным и объективно достоверным в этом отношении является экспериментальный метод, заключающийся в организации целенаправленного исследования каких-либо сторон речевой деятельности и знаков языка. Как указывает А.А. Леонтьев [Леонтьев, 1997], любой эксперимент направлен на то, чтобы поставить испытуемого в ситуацию «управляемого выбора», хотя выбор и решение могут быть и неосознаваемы. В данном исследовании мы используем приём анкетирования, включая в анкеты различные экспериментальные методики.

Психолингвистический эксперимент, легший в основу получения данных для подтверждения выдвинутой гипотезы, проводился в несколько этапов на каждой стадии исследования и включал метод направленного ассоциативного эксперимента, метод дополнения / завершения без заданного набора реакций, метод субъективной дефиниции. На этапе анализа полученных данных нами была проведена постэкспериментальная беседа с билингвами-участниками эксперимента для уточнения выведенных положений.

Алгоритм включает в себя серию шагов: обработка анкет, количественный подсчет полученных ответов в зависимости от типа билингвизма и языка исследования, приведение данных в единообразии, присвоение балла адекватности интерпретации паремий, составление сводных таблиц и диаграмм полученных данных.

Комплексный интегративный методологический подход к исследованию определяется междисциплинарным характером настоящей работы. Включение нескольких видов эксперимента обусловлено необходимостью взаимной верификации их результатов для обеспечения надежности сделанных выводов, на что указывают в своих работах многие ученые: «...для повышения эвристической значимости психолингвистических экспериментов целесообразно «...использовать разные экспериментальные методики и затем сопоставлять полученные данные» [Сахарный, 1989: 89], т.е. применять «батарею» методик, проводить комплексные исследования формирования языковой способности и ее функционирования в речевой деятельности» [Глазанова, 2004: 47].

3.2. Пословицы и поговорки как культурно-языковые компоненты в составе фольклорно-языковой картины мира билингва

3.2.1. Этносемантический анализ пословиц и поговорок тематических групп «Время» и «Деньги»

Прежде чем перейти к непосредственному описанию экспериментальной части исследования, необходимо описать процедуру отбора фактического материала, на основании которого были получены эмпирические данные. Поскольку формирование личности осуществляется на базе таких культурных концептов как «добро», «счастье», «семья», «любовь», «человек», «дружба» и др., то изучение способов репрезентации данных концептов в языке того или иного этноса способствует выявлению особенностей национальной картины мира. Особое место принадлежит универсальным, общечеловеческим концептам, в которых заложены основные представления общества о мире и человеке, отражены ценностные ориентиры и культурные традиции. В их число входят актуальные во все времена и практически в любом обществе концепты «время» (в греческом языке – «χρόνος») и

«деньги» («λεφτά»). По словам А.Я. Гуревича, понятие «время» принадлежит наряду с понятиями «пространство», «измерение», «причина», «судьба», «число» к определяющим категориям человеческого сознания. Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [Гуревич, 1984]. Действительно, категория времени является одним из центральных объектов для философской мысли любой эпохи. Возникнув несколько позже, денежная категория прочно заняла свои позиции не только как реальный материальный предмет обмена, но и как предмет рефлексии, что естественным образом нашло отражение в ЯКМ каждого этноса. Согласно Е.В. Ничипорчик, понятие «деньги» входит в число десяти доминантных ценностных понятий в поговорках, по частоте занимая в русских пословицах седьмое место [Ничипорчик, 2016: 28]. Концепт «деньги» является фрагментом картины мира любого этноса и занимает одну из основных позиций в системе национальных ценностей. Его исследованию за два последних десятилетия посвятили свои работы Н.Э. Агаркова (2001), М.А. Бредис (2012), И.В. Ерофеева (2010), Е.А. Камышанченко (2012), Е.В. Палеева (2010) и др. Повышенный интерес лингвистов к данному концепту в настоящее время является вполне объяснимым – деньги, безусловно, представляют собой немаловажную составляющую нашей жизни, вызывая к себе неоднозначное отношение представителей различных культур, а следовательно, обуславливая различия в способах и путях вербализации исследуемого концепта средствами различных языков, что выявляется методом сопоставительного лингвокультурологического анализа.

Лингвокультурологический анализ пословиц и поговорок, принадлежащих тематическим группам «Время» и «Деньги», позволил нам выделить универсальное и этноспецифическое в семантике и структуре данных фольклорных текстов в языках сравнения. В первую очередь следует упомянуть об идентичности

корреляций вышеуказанных понятий в обеих лингвокультурах. Русская поговорка *Время – деньги* имеет полное соответствие в греческом языке *Ο χρόνος είναι χρήμα*, что уже свидетельствует о некоей части совпадений национальной русской и греческой языковых картин мира. Одним из самых очевидных объяснений этому может служить тот факт, что изначально источниками и образцами для письменных сборников русских пословиц и поговорок были греческие, самый первый из которых известен под названием «Пчела» («Μέλισσα»). Однако мы считаем, что в большей степени наличие эквивалентов в пословично-поговорочных фондах русского и греческого языков объясняется сходным взглядом на мироздание и общими духовными ценностями, лежащими в основе единой для этих народов религии. В пословицах и поговорках обоих языков о времени провозглашается ценность и необходимость использовать настоящий момент времени, подчеркивается его быстротечность и необратимость, порицается бесцельное времяпровождение и потеря времени с одной стороны и поспешность и опрометчивость – с другой: рус. *Время деньги дает, а на деньги время не купишь; Крупицу золота можно найти, крупницу времени никогда; Деньги потерял — ничего не потерял, время потерял — все потерял*; греч. *Ο χρόνος που περνάει πίσω δεν γυρνάει* (Время проходит безвозвратно); *Κάθε στιγμή που χάνεται πίσω δεν ξαναπιάνεται* (Ни один из потерянных моментов вернуть невозможно); *Υπάρχει πάντα αρκετός χρόνος αλλά λιγότερος από χθες* (Всегда можно найти достаточно времени, но уже меньше, чем его было вчера).

Русские паремии, в которых мы зачастую находим оправдание своей медлительности и неспешности (*Тише едешь – дальше будешь; Поспеишь – людей насмеишь*), имеют аналоги и в греческом языке: *Πάω αργά γιατί βιάζομαι* (Иду не спеша, потому что тороплюсь); *Όποιος βιάζεται σκοντάφτει* (Тот, кто спешит, спотыкается). Практически отсутствуют в сравниваемых нами языках пословицы о пунктуальности, свойственные, например, английскому языку, так же как и в культурах рассматриваемых нами народов этому качеству не уделяется должного

внимания; более того, греки и киприоты хорошо известны тем, что всегда выполняют свои обязательства с некоторой задержкой во времени. Греческие пословицы *Το καλό πράγμα αργεί να γίνει* (Ничего хорошего не происходит вовремя); *Το γρήγορον και το καλόν δεν παν μαζί τα δύο τους* (Быстро и хорошо – вещи несовместимые), не имеющие эквивалентов в русском языке, являются прямым подтверждением такой национальной черты греков, как непунктуальность.

Другим полем совпадения семантики темпоральных пословиц и поговорок русского и греческого языков является мысль о смирении и бессилии человека перед ходом времени, на которое никто из смертных повлиять не в силах. Безусловно, подобная установка, сформировавшаяся в обеих культурах под влиянием христианского мировоззрения, не могла не закрепиться в фольклоре: рус. *Все, что сделает время, не придумает разум; Всякое семя знает свое время; Время покажет*; греч. *Ο χρόνος πάντα έρχεται. Ποτέ δε σταματά* (Время всегда приходит. Никогда не задерживается); *Χρόνω πίστευε* (Доверяй времени); *Ο καιρός θα δείξει* (Время покажет).

Как отмечает Ж.А. Сулаева, при отборе пословиц и поговорок, образующих группу пословиц и поговорок о времени, непросто провести разграничение между ними и пословицами, входящими в группу пословиц о судьбе, надежде, удаче, случае, терпении. Эти пословично-поговорочные группы очень тесно переплетены между собой, им свойственно взаимное проникновение [Сулаева, 2010: 296]. Данное утверждение справедливо относится как к русскому, так и греческому паремиологическому фонду, что в очередной раз демонстрирует наличие универсально-предметного кода в сознании представителей различных этноязыковых культур.

Также немало доказательств наличия идентичных фрагментов в языковом сознании носителей русского и греческого языков мы находим в результате анализа пословично-поговорочного фонда семантического поля «Деньги», которое может

быть представлено в виде антонимической оппозиции двух микрополей: «иметь деньги» и «не иметь денег», в обоих из которых прослеживается амбивалентное аксиологическое отношение к вышеуказанному феномену, поскольку большинство паремиологических единиц дают представление не только о сигнификативной и образной, но и о ценностной составляющей концепта. Сравнивая оба микрополя в рассматриваемых языках, можно отметить количественное превосходство в русском языке пословиц и поговорок группы, выражающей «отсутствие денег», в то время как в греческом языке наблюдается количественный баланс составляющих обеих групп. Рассмотрим первое микрополе «наличие денег» в русском и греческом языках.

Несмотря на то, что в целом в русских паремиях отслеживается более прагматичное отношение к деньгам (*Деньги правят миром*), в обеих лингвокультурах находятся свидетельства того, что, по общенародному мнению, богатство можно нажить только нечестным путем: *От трудов праведных не наживешь палат каменных; Богатый совесть погубит, Δούλευε να φας και κλέψε να 'χεις* (Дословно: работай, чтоб хватало на хлеб, кради, чтобы жить в достатке). При этом в русской культуре наличие денег зачастую ассоциируется с несправедливой жизнью их обладателя (*Грехов много, где денег вволю; В богатстве голодна душа*), свидетельства чему мы обнаруживаем и в греческом языке. Данный пример является доказательством двойственного отношения носителей русского и греческого языков к деньгам, поскольку мы также находим в народных паремиях подтверждение тому, что честно нажитые материальные средства не считаются чем-то предосудительным: *Θέλεις πλούτη και τιμή μην κοιμάσαι την αυγή* (Хочешь денег и почестей, вставай до восхода солнца).

Также в обоих языках нами были зафиксированы народные изречения, провозглашающие второстепенное отношение к богатству в сравнении с такими жизненными ценностями как здоровье, дружба, благородство: *Бедность не порок;*

Деньги дело наживное, одежда тоже, а любовь всего дороже; Доброе имя денег дороже; Η φτώχεια δε χαλάει την ευγένεια (Бедность не противоречит воспитанность), Κι οι πλούσιοι και οι φτωχοί στο ίδιο χώμα μπαίνουν (Богач будет лежать в той же земле, что и бедняк). При этом бережливость считается скорее достоинством и ни в коем случае не отождествляется с жадностью: Копейка рубль бережет; Без копейки рубля не бывает; Без запаса не станет припасу; Кто копейки не бережет, тот сам гроша не стоит; Όποιος δεν οικονομεί τις πεντάρες, ποτέ του δεν θα φτιάξει λίρες (Кто не экономит центы, никогда не накопит фунтов); Λίγα και συχνά γεμίζουν τα πουγκιά (Часто и понемногу – и наберешь полный карман); Μαζευε οταν μπορεις για να έχεις όταν πρέπει (Откладывай, когда можешь, и будешь иметь, когда надо).

В обоих рассматриваемых языках имеется группа паремий, связанная со свойством денег находиться рядом с деньгами: *Денежки, что голуби – где обживутся, там и поведутся. Деньга на деньгу набегает. Деньги к деньгам идут (льнут), Деньга деньгу наживает; Είπαν στον πλούτο, “πού θά πάς;” και ειπε “στόν πλούτο” (Спросили у денег, куда они пойдут, и они ответили: «К деньгам»).*

Пословицы и поговорки, принадлежащие микрополю «отсутствие денег», преобладают количественно в русском языке, отличаясь большим разнообразием в наборе образно-экспрессивных средств. Кроме того, они нередко выражают позитивное отношение к бедности: *Денег ни гроша, да слава хороша; Без денег сон крепче; Нищета прочней богатства; Нужда всему научит; Голь на выдумку хитра; Бедный хозяин, чистая совесть.* Несмотря на наличие подобных коннотаций и в греческих паремиях, они не являются столь многочисленными, как в русском языке *Απ’ όλα τα κακά η φτώχεια ζυγίζει ελαφρότερα (Из всех бед – бедность самая безобидная).* При этом и в выражении сочувственного отношения к бедности русская паремиология является более богатой и разнообразной: *Бедному жениться – и ночь коротка; Бедному зятю и тесть не рад; Богатый бедного не понимает; Богаты, так здравствуйте, а убоги, так прощайте; На бедняка и кадило чадит; Богатый и*

в будни пирует, а бедный и в праздник горюет; *Ο φτωχός ότι μπορεί κι ο πλούσιος ότι θέλει* (Бедняк – что сможет, а богач – что захочет). Однако в греческом языке нами была выделена значительная часть пословиц микрополя «отсутствие денег», в которых прослеживается негативное отношение к бедности и отмечаются ее недостатки и последствия: *Η φτώχεια φέρνει γκρίνια* (Бедность приводит к недовольству); *Η φτώχεια είναι μαλώστρα* (Бедность – причина ссор); *Ανάθεμα δυο πράγματα, φτώχεια και γεράματα* (Будь прокляты две вещи: старость и бедность); *Σε πλούσιο μη χρωστάς και σε φτωχό μη δανείζεις* (У богатого не бери в долг, а бедному не давай); *Έχεις πλούτη; Έχεις γνώση* (Богатый ума купит, убогий и свой бы продал, да не берет); *Βόηθα με φτωχέ μου, μη σου μοιάσω* (Помоги мне, бедняк, чтоб мне не стать похожим на тебя) и др.

Еще одной отличительной особенностью русских пословиц обозначенных тематических групп является наличие в них имен собственных в противоположность греческим: *Федюшке дали денежку, а он и алтын просит. По бедному Захару всякая щепка бьет. При деньгах Памфил всем людям мил, а без денег Памфил и людям скучен, и сам уныл. Не ждет Мартын чужих полтин, стоит Мартын за свой алтын.*

В целом анализ пословиц и поговорок тематической группы «Деньги» показал, что при некоторых отличиях в наборе концептуализаций в оценочно-экспрессивном аспекте и в русском, и в греческом паремиологическом фонде количество ПЕ, в которых отражено положительное отношение к деньгам, преобладает над ПЕ с отрицательными коннотациями.

Таким образом, мы можем отметить значительное сходство в идейной составляющей пословиц и поговорок тематических групп «Время» и «Деньги», что объясняется прежде всего универсальным характером данных понятий и нередко выражается амбивалентностью пословичных значений общего сигнификативного поля. В то же время рассмотренные паремии доказывают наличие некоторых

расхождений в шкале ценностных доминант русской и греческой лингвокультур, например, по отношению к бедности, а также различия в образной составляющей изученных пословиц и поговорок.

В результате проведенного сопоставительного лингвокультурологического анализа отобранного корпуса пословично-поговорочных паремий, состоящего из 390 фольклорных единиц тематических групп «Деньги» и «Время», нами были выделены следующие три группы паремий:

1. Абсолютные эквиваленты (АЭ): пословицы и поговорки, аналогичные по значению, употреблению и лексическому составу в обоих языках. Единицы данной группы связаны с древними культурными архетипами, общими для многих народов, поэтому их анализ помогает выделить общечеловеческие универсалии. Например: *Время – деньги / Ο χρόνος είναι χρήμα; Время – лекарь / Ο καιρός είναι γιατρός; Время покажет / Ο καιρός θα δείξει; Рука руку моет / Το 'να χέρι νίβει το άλλο; Не все, что блестит, - золото / Ο'τι λάμπει δεν είναι χρυσός.*

2. Семантические (или частичные) эквиваленты (СЭ): паремии, обладающие семантическим сходством при полном либо частичном несовпадении компонентного состава. Асимметричность в плане выражения объясняется наличием либо отсутствием тех или иных культурных смыслов, аккумулированных в пословицах и поговорках данной группы. Такие единицы проявляют национальное своеобразие и особенности, характерные именно для жизни определенного народа. Например, русская пословица *Пушинка к пушинке – и выйдет перинка* имеет следующий аналог в греческом языке *Φασούλι - φαρούλι γεμίζει το σακούλι* (перевод: Фасолинка к фасолинке – и наберется полный мешок). Очевидно, что единый семантический смысл обеих пословиц находит отражение через наиболее значимые для каждой культуры образы. Среди прочих паремий данной группы можно отметить следующие: *Всякое семя знает свое время / Καιρός φέρνει τα λάχανα, καιρός τα παραπούλια* (перевод: В свое время созревает кочан, в свое – капуста); *Кто не успел,*

тот опоздал / Οπιος πρόλαβε τον Κύριο είδε (перевод: Кто успел, тот увидел Господа); *Вспомнил прошлогодний снег / Περισνά ξινά σταφίλια* (перевод: Прошлогодний кислый виноград); *Голодной куме все хлеб на уме / Ο πεινασμένος καρβέλια ονειρεύεται* (перевод: Голодный видит сны о каравае); *И волки сыты, и овцы целы / Και την πίτα ολάκερη και τον σκύλο χορτάτο* (перевод: И пита (греческий хлеб) цела, и собака сыта) и др.

3. Нулевые эквиваленты (НЭ): семантически уникальные паремии, не имеющие эквивалентов в одном из сравниваемых языков. В данной группе пословиц и поговорок зафиксированы характерные для жизни и деятельности русских и киприотов реалии, особенности быта, национально-специфических условий проживания, социальных отношений, исторических событий: *Ума палата, да денег ни гроша; Богатому душа дешевле гроша; Мал золотник, да дорог* и др.

Кроме того, наименьшей эквивалентностью характеризуются паремии, содержащие в качестве компонента антропонимы, топонимы, гидронимы и другие имена собственные, для которых О.В. Ломакина вводит термин «этнолингвомаркеры»: «Особая роль в реализации познавательной функции паремий принадлежит национальным лингвомаркерам (resp. этнолингвомаркерам) – таким компонентам паремии (включая фразеологизмы и крылатые выражения), которые запечатлевают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [Ломакина, 2016: 94]. Например, поговорка *Τι είχες Γιάννη, τι είχα πάντα*, которая используется для описания неприятной ситуации, не улучшающейся со временем, не имеет аналога в русском языке, так же как и многие другие, включающие наиболее распространенные греческие имена: *Σέρνει ο Γιάννης το Γιαννάκη, κι η Γιαννάκαινα το Γιάννη; Γιάννης κερνάει και Γιάννης πίνει*; и др.

Для эксперимента №1, направленного на выявление особенностей фрагмента ФКМ русско-греческих билингов, представленного пословицами и поговорками,

нами были отобраны методами сплошной выборки из лексикографических источников, указанных в библиографическом списке, фольклорные единицы второго и третьего типов, составившие около 57% от общего числа исследуемых пословиц и поговорок (220).

3.2.2. Эксперимент №1. Описание и интерпретация результатов

На первом этапе эксперимента №1, посвященного выявлению особенностей пословично-поговорочного фрагмента ФКМ билингвов, информантам было предложено записать любые пословицы и поговорки, имеющие отношение к понятиям «время» и «деньги», на греческом и русском языках. В эксперименте №1 приняло участие 36 русско-греческих билингвов (18 человек – билингвы 1 и 18 человек – билингвы 2) возрастом 12–14 лет. На выполнение задания было отведено 20 минут, чему предшествовало прочтение инструкции учителем и заполнение графы личных данных каждым испытуемым. В течение первых 10 минут, согласно инструкции, учащимся было необходимо вспомнить и записать пословицы и поговорки на греческом языке. Далее, после соответствующей команды перейти на другую страницу и выполнить то же задание на русском языке. На этом этапе был выявлен низкий уровень владения как греческим, так и русским фольклорным пословичным кодом. Треть респондентов не справилась с заданием, вернув пустые бланки опроса, оставшиеся 24 участника эксперимента вспомнили от 1 до 7 пословиц и поговорок о времени и деньгах на русском языке и от 2 до 9 паремий на греческом языке. Всего было получено 107 ответов на русском языке, среди которых 18 повторяющихся более двух раз единиц (11%), и 154 – на греческом, где доля повторов составила 36%. Подавляющее большинство указанных в анкете русских пословиц и поговорок было знакомо ребятам из пройденного ранее материала на уроках русского языка, посещаемых билингвами. Сюда относятся следующие

паремии: *Время – деньги; Тише едешь – дальше будешь; Поспешишь – людей насмешишь; Делу время, потехе час; Лучше поздно, чем никогда; Не имей сто рублей, а имей сто друзей* и их эквиваленты *Ο χρόνος είναι χρήμα; Κάλλιο αργά παρά ποτέ; Κάλλιο ένα φίλο παρά χίλια γρόσια; Όποιος βιάζεται σκοντάφτει*. На наш взгляд, заслуживают внимания случаи совпадений вариаций укрепившихся в греческой и русской культуре пословиц и поговорок, представленных билингвами. Так, вместо греческой пословицы *Κάλλιο ένα φίλο παρά χίλια γρόσια* (Дословно: лучше один друг, чем тысяча грош), трое респондентов указали в качестве денежной единицы евро. Вместо традиционной русской пословицы *Время – лучший лекарь*, пятеро билингвов написали *Время – лучший врач*. Кроме того, особый интерес представляют окказиональные паремии, образованные билингвами на русском языке по структурно-семантическим моделям синонимичных паремий греческого языка. Например, поговорка *Всему свой час* или ее вариант *У всего есть свой час* (вместо *Всему свое время*), очевидно, является калькой греческой пословицы *Όλα έχουν την ώρα του*, также как образованный от греческой пословицы *Όποιος θέλει τα πολλά, χάνει και τα λίγα* русский инвариант *Кто хочет многого, потеряет и малое*. Мы считаем, что имеющая в подобных случаях место интерференция, характерная в большей степени биэтническим билингвам, не выходит за рамки языковой и не влияет на восприятие данных языковых единиц на уровне культуры.

Ответы билингвов, не содержащие ни одного свободного изречения, показали, что в языковом сознании учащихся существует вполне сложившееся опытное знание о содержании терминов «пословица» и «поговорка», однако некоторые из указанных билингвами ПЕ на русском языке вообще не соответствовали заявленным темам («Деньги» и «Время»). К ним относятся, например, паремии *Глаза боятся, а руки делают; Мал, да удал*.

Второй этап эксперимента включал анкетирование с пропуском лексических единиц, т.е. направленный ассоциативный эксперимент с

ограничением в реакции. Отобранные нами пословицы и поговорки в количестве 30 единиц были разделены на 2 равные группы – паремии русского и греческого языков, работа с которыми проводилась в разные дни. В первый день испытуемым были предложены русские пословицы и поговорки второй и третьей групп эквивалентности, которые требовалось дополнить, вставляя пропущенные слова. Например, *Каждому ... своё время; .... едешь – .... будешь; Дорога ложка к обеду, а красное яичко ....; Поспешишь – ...; Упустишь минутку – ...; Мал золотник, да ...; Не имей сто рублей, а имей ....; На деньги ума не...: Долг платежом... ; Сделал дело – ...; Цыплят ... считают; Не говори..., пока не перепрыгнешь.*

Во второй день билингвам требовалось выполнить такое же задание на греческом языке, восполняя пропущенные лексемы греческих паремий:

Κατά τον καιρό και ... ; Στη βράση κολλάει ...; Κάθε πράγμα στον καιρό του, κι ο ...; Οποιος βιάζεται ... (Полный список см. в Приложении А).

Большинство предложенных паремий отличалось различным лексическим составом, обладая схожей семантикой (ЧЭ), что в некоторых случаях (примерно 25%) обусловило возникновение лексической интерференции, когда дословный перевод правильно выбранного слова для пословицы одного языка использовался и для аналогичной пословицы другого. Так, в греческом аналоге пословицы *Каждому овощу свое время*, лексеме *овоц* соответствует слово *танец*, которое, однако, правильно употребили лишь 16 из 36 опрошенных учеников, среди прочих вариантов встречаются лексемы *овоц, фрукт, дело, занятие*; словосочетание *Христов день* в паремии *Дорого яичко к ....* было в большинстве анкет заменено словом *Пасха* по аналогии с греческой поговоркой. Среди пропущенных лексем в пословице *Вода по капле и ....точит* восемь ответов включали слово «мрамор», что очевидно, объясняется интерференцией греческого языка: *Στάλα τη στάλα το νερό το μάρμαρο τρυπά* (дословно: Капля по капле вода и мрамор продырявит).

Около половины полученных реакций включала речевые варианты, максимально приближенные к языковой форме паремии; варьируемые компоненты в этом случае входят в одно семантическое поле (зона нормального варьирования), например: *Каждому овощу (вариация – фрукту) свое время; На деньги ума не купишь* (вариации – *не получишь, не приобретешь, не поменяешь*).

Однако немалый процент (12%) составила вариантность, выходящая за пределы зоны нормального варьирования, которая видоизменяет не только форму паремий, но и их общее значение, например, *Дорога ложка к обеду, а красное яичко к ужину; Цыплят с курами считают; Упустишь минутку – все пропадет*.

Подобная вариантность вне зоны допустимого варьирования в большей степени характерна для ответов на русском языке, предложенных билингвами обоих типов; в греческих паремиях билингвы 3 типа чаще всего оставляли ПЕ без продолжения в случаях, когда были не уверены в правильности ответа. Результаты данного этапа эксперимента отражены в Таблице 1, иллюстрирующей соотношение правильно продолженных паремий в пределах рассмотренных групп.

Группа испытуемых	Правильно продолженные паремии греческого языка (общее количество реакций N=540)	Правильно продолженные паремии русского языка (общее количество реакций N=540)
Билингвы 1	233 (43%)	186 (35%)
Билингвы 2	156 (29%)	226 (42%)

Таблица 1 – Количественное соотношение правильных ответов, данных разными типами билингвов по итогам второго этапа Эксперимента №1

Из итогов второго этапа эксперимента мы можем заключить, что количество пословиц и поговорок, хранящихся в пассивном паремиологическом словаре билингвов, значительно превосходит их активный запас; в зависимости от условий коммуникации необходимые единицы могут извлекаться непосредственно из памяти или порождаться (однако не всегда правильно). Знание русских фольклорных единиц пословично-поговорочного жанра находится примерно на одном уровне со знанием греческих паремий, однако различия в процентном соотношении наблюдаются в пределах каждой из рассматриваемых групп. Так, билингвы, чье двуязычие формировалось по принципу «язык общества – семейный язык» (билингвы 2), продемонстрировали лучшее знание русских ПЕ в сравнении с билингвами 1. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что дети, чьим «семейным» языком является русский, имеют значительно больше возможности овладеть русским паремиологическим кодом через пословицы и поговорки, употребление которых особенно активно проявляется в бытовом дискурсе. Знание же греческих паремий оказывается несколько лучше у представителей 1 группы. Поскольку все опрошенные билингвы посещают греческую школу в качестве основной, можно допустить, что лучшее знание греческих пословиц и поговорок ребятами, один из родителей которых киприот, в значительной степени предопределяется языковым окружением дома.

На третьем этапе эксперимента мы воспользовались методикой субъективной дефиниции (эта же методика будет использована нами в отношении ФЕ), которая находит широкое применение в психолингвистических исследованиях последних лет [Атланова, 2009; Бубнова, 2008; Стешина, 2008]. Билингвам были предложены русские, а затем греческие паремии тематических групп «Деньги» и «Время» – по 15 единиц каждой группы в каждом из языков, – которым требовалось дать краткое описательное объяснение в абстрактной (отвлеченной от буквального значения) форме (данный вид работы учащимся был знаком по предыдущим занятиям в школе

на отличном от настоящего паремиологическом материале). Несмотря на то, что нами были исключены из эксперимента устаревшие пословицы и поговорки и отобраны лишь паремии, находящиеся в активном употреблении (согласно корпусу НКРЯ и лексикографическим источникам), около 27% (294 ПЕ) русских и 25.6% (277 ПЕ) греческих единиц из общего объема ответов объяснения не получили. Несмотря на небольшую разницу в процентном соотношении между верными интерпретациями паремий русского и греческого языков в целом, очевидными оказались различия в ответах билингвов 1-й и 2-й групп, что явилось подтверждением нашей гипотезы: пословично-поговорочный фрагмент фольклорной картины мира естественных билингвов имеет прямую корреляцию с типом формирования раннего двуязычия. Так, учащиеся, билингвизм которых развивался по модели «один родитель – один язык», продемонстрировали более высокий уровень владения пословично-поговорочным кодом греческого языка, в сравнении с билингвами модели «язык семьи – язык общества». Каждый полученный в результате письменного опроса ответ нами был оценен по четырехбалльной шкале:

0 баллов – за неверный ответ или отсутствие ответа (отказы или «ноль-реакция»);

1 балл получали верные ответы, фактически представляющие перефразированную паремию, не содержащие никакой доли абстракции;

2 балла – ответы, иллюстрирующие другой конкретный пример с тем же значением;

от 3 до 4 баллов получало объяснение, релевантное семантическому значению, вербализованному в пословице или поговорке, и отличающееся некоторой степенью абстракции (4 балла за наиболее обобщенный ответ, содержащий верное объяснение пословицы или поговорки). Правильное объяснение пословиц и поговорок свидетельствует о высоком уровне владения переносным значением слов и понимания возможности их приложения к разным ситуациям.

Пример оценивания интерпретаций поговорки *Тише едешь – дальше будешь*:

1 балл – Если ехать медленно, то не попадешь в аварию и приедешь вовремя.

2 балла – Когда делаешь что-то быстро, например, уроки, можно сделать много ошибок.

3 балла – Если делать дела наспех, то потом придется переделывать, т.к. это будет сделано некачественно.

4 балла – Если изначально уделить больше времени и внимания деталям, то дальше дела пойдут гораздо быстрее.

Подавляющее большинство ответов было оценено 1 и 2 баллами. Приведем некоторые примеры таких интерпретаций пословиц и поговорок русского языка:

Делу время – потехе час. – Дело важнее, чем потеха.

Не спеши языком, спеши делом. – Не болтай, а делай.

Упустишь минутку – потеряешь час. – Упустишь минутку, потом час будешь все учить.

Скупой платит дважды. – Жадный платит 2 раза. (Интересно одно из объяснений данной поговорки, которое привела девочка из моноэтнической русскоязычной семьи, посещающая греческую школу: *Есть вещь за 5 евро и есть за 10 евро, но человек из-за жадности покупает вещь за 5 евро и вскоре эта вещь ломается, и человек едет снова и покупает за 10 евро хорошую вещь, но потратил то он 15 евро!*) Подобная ситуативная обусловленность паремий, отмеченная в ответах, на наш взгляд, свидетельствует об их активности в языковом сознании билингвов.

0 баллов получили следующие интерпретации:

Уговор дороже денег. – Деньги не все решают.

Искру туши до пожара, беду отводи до удара. – Заканчивай дело до конца.

Каждому овощу свое время. – Чтобы было что кушать.

После драки кулаками не машут. – Не повторяй своих ошибок.

Летом неделя год кормит. – Занимаешься неделю – ешь год.

Бедность не порок. – Если ты беден, то это не значит, что жизнь не удалась. Бедность ничему не помешает. Не надо печалиться.

Уговор дороже денег. – Если с кем-то договорился, то деньгами не раздоговоришься.

Счет дружбы не портит. – Деньги настоящую дружбу не испортят и др.

Также совершенно неверно истолкованы были следующие греческие паремии:

Εχεις γρόσια, έχεις γλώσσα (русский эквивалент: Кто платит, тот и заказывает музыку). – Когда тебя ничего не волнует.

Όπου είναι τα πολλά, εκεί πάνε και τα λίγα (русский эквивалент: Деньги к деньгам). – У кого много денег, скоро ничего не останется.

Νηστικό αρκούδι δεν χορέωει (русский эквивалент: Голодное брюхо к ученью глухо). – Надо беречь силы.

Заслуживают отдельного внимания немногочисленные случаи кодового переключения, зафиксированные нами в ходе анализа ответов. Поскольку перед выполнением задания билингвам была дана инструкция, согласно которой они могли давать интерпретацию предложенных пословиц и поговорок на любом предпочтительном для них языке, в анкетах многих респондентов (в подавляющем большинстве – билингвов 1) содержались чередования ответов на разных языках, несколько реже, и исключительно в ответах биэтнических билингвов, переключение кодов наблюдалось в пределах одного ответа, что определяется в лингвистике как внутривопросительный (интрасентенциональный) вид кодового переключения, описанный нами в первой главе. Приведем дословные примеры: *Кто до денег охоч, тот не спит день и ночь.* – *У него психологика (это по гречески).* Пометка в скобках сделана учащимся, указанное греческое слово обозначает наличие психологических проблем. *Поздному гостю – кости.* – *Опоздаешь – останешься νηστικός* (голодный – пер. авт.). *Много воды утекло (с тех пор).* – *Много чего πέρασε* (произошло – пер.

авт.). *Στάλα τη στάλα το νερό το μάρμαρο τρυπά.* – *Σιγά-σιγά* (потихоньку – пер. авт.) *все выйдет. Φυλάτε τον άσπρο παρά για την μαύρη μέρα.* – *Φυλάτε πράγματα* (на всякий случай). *Τα πολλά και τα περίσσια μας χαλάσανε τα ίσια.* – *Μного проблем у людей из-за того, что они аχώρταγοι* (ненасытные – пер. авт.).

Из данных примеров можно заключить, что основная функция зафиксированных нами кодовых переключений – экономия речевых усилий и языковых средств, что в целом характеризует двуязычную коммуникацию билингвов, находящихся в центре нашего исследования и является свидетельством того, что билингвизм в обоих рассматриваемых нами группах является сбалансированным. Наш вывод подтверждается исследованиями многих зарубежных исследователей, которые считают, что речь сбалансированного билингва характеризуется способностью к интрасентенциональному виду кодовых переключений [Poplack, 1980; Nortier, 2009].

Результаты оценивания интерпретаций отражены в Таблице 2:

Участники эксперимента в зависимости от типа двуязычия	Оценка ответа	Интерпретация русских паремий в количественном измерении (общее количество реакций N= 1080)	Интерпретация греческих паремий в количественном измерении (общее количество реакций N= 1080)
Билингвы 1	0 баллов	155 ПЕ	128 ПЕ
	1 балл	107 ПЕ	96 ПЕ
	2 балла	110 ПЕ	160 ПЕ
	3 балла	77 ПЕ	114 ПЕ
	4 балла	65 ПЕ	75 ПЕ

Продолжение Таблицы 2

Участники эксперимента в зависимости от типа двуязычия	Оценка ответа	Интерпретация русских паремий в количественном измерении (общее количество реакций N= 1080)	Интерпретация греческих паремий в количественном измерении (общее количество реакций N= 1080)
Билингвы 2	0 балл	139 ПЕ	149 ПЕ
	1 балл	112 ПЕ	130 ПЕ
	2 балла	143 ПЕ	144 ПЕ
	3 балла	96 ПЕ	53 ПЕ
	4 балла	76 ПЕ	31 ПЕ

Таблица 2 – Итоги третьего этапа Эксперимента №1 (оценка интерпретаций паремий предложенных билингвами)

Результаты данного этапа эксперимента показали, что 38% детей отличается низким уровнем понимания смысла паремиологических выражений обоих языков. При этом полученный за интерпретацию ПЕ балл имел непосредственную корреляцию с общим уровнем когнитивно-речевого развития детей. Анализируя ответы билингвов в процессе совместного обсуждения в постэкспериментальной беседе, мы пришли к выводу о том, что незнание слов и словосочетаний в составе ПЕ явилось главной причиной непонимания многих пословиц и поговорок детьми с высоким уровнем когнитивно-речевого развития. В остальных случаях неправильная интерпретация являлась следствием недостаточно развитой способности ребенка к обобщению слова и овладению многозначностью слов и не имела прямой зависимости от социально-лингвистического опыта билингва, поскольку нами было отмечено, что учащиеся, получившие наиболее высокий балл за интерпретацию

пословиц и поговорок русского языка, также отличались лучшим пониманием данных фольклорных единиц греческого языка. Среди русских пословиц и поговорок тематической группы «Деньги» наибольшее затруднение вызвала интерпретация следующих паремий: *Копейка рубль бережет* (не ответили 24 человека), *Из дешевой рыбы дешева и уха* (не ответили 20 человек), *Кто до денег охоч, тот не спит день и ночь* (не ответили 17 человек), *Долго спать – с долгом вставать* (не ответили 15 человек). В тематической группе «Время» в большинстве случаев без верного объяснения остались следующие ПЕ: *Искру туши до пожара, беду отводи до удара; Летом неделя год кормит; Дважды в год лето не бывает*. Примечательно, что количество греческих пословиц и поговорок, не получивших толкования, превышает число русских паремий. Мы склонны приписывать этот факт тому обстоятельству, что подобная работа, требующая объяснения семантического значения тех или иных языковых единиц, проводится с билингвами регулярно на занятиях по русскому языку, то есть является для них более привычным действием, чем работа с греческими паремиями. Во многих греческих ПЕ, согласно условию эксперимента, предполагающего любой язык толкования по выбору респондента, была использована стратегия интерпретации через перевод, т.е. вместо развернутого объяснения греческой ПЕ предлагали ее перевод на русский язык: *То σήμερα είναι νωρίς, τ' αύριο αργά θα είναι. – Сегодня рано, завтра поздно будет; Ο καιρός είναι γιατρός. – Время – врач* и др. К данной тактике прибегали все, без исключения, билингвы, большинство билингвов из моноэтнических семей пользовались ей в каждом ответе. Однако подобная стратегия не была использована ни в одном случае из общей выборки интерпретаций русских паремий, что, вероятно, объясняется местом проведения эксперимента. Наиболее низкие результаты в заданиях на понимание греческих пословиц и поговорок продемонстрировали дети из моноэтнических семей.

Результаты количественного и качественного анализа ответов респондентов на всех трех этапах эксперимента, направленного на реконструкцию пословично-поговорочного фрагмента ЯКМ русско-греческих билингвов школьного возраста, позволили нам прийти к следующим выводам:

1. Двухязычные школьники испытывают значительные трудности при восприятии и использовании в речи пословиц и поговорок рассматриваемых нами тематических групп как русского, так и греческого языков, при этом пассивное владение единицами рассматриваемого фольклорного жанра значительно превосходит активное;

2. Состав и структура пословично-поговорочного фрагмента ФКМ билингвов, представленного тематическими группами «Время» и «Деньги», различается в зависимости от типа раннего билингвизма. Билингвы, двухязычие которых формировалось по принципу «язык общества – семейный язык» (билингвы 2), демонстрируют более высокий уровень владения ПЕ русского языка при значительно более низком уровне владения греческими ПЕ в сравнении с билингвами 1 («один родитель – один язык»).

3. Ответы второго задания эксперимента, предполагающего свободное толкование паремий, отличаются большей вариативностью у представителей 1 типа двухязычия, что может свидетельствовать как о более развитом творческом мышлении билингвов данной группы, так и об отсутствии страха ошибиться, который присущ билингвам 2 в отношении греческого языка.

4. Зафиксированные случаи кодового переключения в пределах одного предложения в большей степени характерны для билингвов из биэтнических семей (12 из 18 случаев) и, по нашему мнению, являются признаком сбалансированного двухязычия; стратегия перевода, используемая билингвами из моноэтнических семей при дефинировании ПЕ греческого языка, свидетельствует об интерферирующей и стимулирующей роли русского языка в речевой деятельности билингвов 2.

5. Уровень паремиологической компетенции билингвов зависит не только от количества языкового материала (инпута), получаемого в учебном и бытовом дискурсе, но и от общего уровня когнитивно-речевого развития ребенка, его способности соотносить общее и частное, внешний образ и внутреннее содержание пословиц и поговорок.

3.3. Народные приметы как культурно-языковые компоненты в составе фольклорно-языковой картины мира билингва

3.3.1. Этносемантический анализ греческих и русских народных примет

Народные приметы, будучи многообразны по содержанию и языковой форме выражения, включаются лингвистами в различные виды классификаций: по календарному принципу, по объекту наблюдения (небо, солнце, луна, птицы и т.д.), по виду деятельности (охотничьи, рыболовецкие, земледельческие, скотоводческие, ремесленные) [Назарова, 2007; Щепанская, 2010] и др. Результаты анализа и систематизации различных классификаций народных примет приводит в своей статье «Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации» Е.Е. Завьялова [Завьялова, 2013. Электронный ресурс]. Согласно исследованию ученого, В.И. Чичеров распределяет все приметы «на бытовые обрядовые и трудовые календарные» [Чичеров, 1957: 235]. Приняв за основу классификации достоверность описываемых фактов, А.Н. Афанасьев подразделяет приметы на две группы: «выведенные из действительных наблюдений и суеверные, в основе которых лежит не опыт, а мифическое представление» [Афанасьев, 1988: 63]. Продолжая данную классификацию, некоторые ученые выделяют «достоверные» приметы, правдивость которых подтверждается наблюдением и практическим опытом, и «колдовские», которые являются абсолютно иррациональными, базирующимися на вере в существование сверхъестественных сил. Иногда указывают и на функционирование

в национальной картине мире так называемых «ошибочных» примет, которые появляются в результате поверхностных, неверных наблюдений, не прошедших проверку опытом [Шахнович, 1984: 150].

По функциональному признаку, т.е. в зависимости от своей основной коммуникативной функции, приметы делятся на три основные группы: «deskриптивные, или описывающие; оценочные, или аксиологические, и прескриптивные, или предписывающие» [Кулькова, 2011: 13]. Deskриптивные приметы выполняют репрезентативную функцию, как правило, представляя собой описания окружающей действительности: *По зиме ложится лето; Κόκκορας που λαλεί παράκαιρα (πρόωρα) προλέγει αλλαγή καιρού* (Петух, кричащий раньше времени, предсказывает перемену погоды). Приметы аксиологического типа выражают оценочное отношение к предмету либо явлению окружающего мира, отмечая его положительные либо отрицательные качества: *Гром на юге – урожай хороший, на западе – средний, на востоке или севере – плохой; Ο ήλιος όταν ανατέλλει καθαρός σημαίνει καλοκαιριά* (Солнце на рассвете ясное – будет хорошая погода).

Целью прескриптивных примет как побудительных высказываний является стимулирование либо подавление деятельности адресата в соответствии с установкой говорящего. В зависимости от интенционального побуждения прескриптивные приметы могут содержать совет или инструкцию (*Когда курица теряет свой хвост – смело начинай сев; Άμα δεις λαγόν εμπρός σου, τρεις φορές καν' το σταυρό σου – Если увидишь перед собой зайца, перекрестись 3 раза*) либо запрет и предостережение (*В новолуние не сей хлеба, тощ будет всходом, молодой месяц вытянет из семян сил; Το μαχαίρι δεν πρέπει να δίνεται από χέρι σε χέρι γιατί είναι υρουσουζιά – Нельзя передавать нож из рук в руки, иначе жди неудач; Αν βρείτε στο δρόμο σας βελόνι μην το περιφρονήσετε. Μαζέψτε το από χάμω γιατί θα σας φέρει τύχη – Если найдете на земле иголку, не пренебрегайте ей, поднимите ее с земли, т.к. она принесет удачу*).

В нашем исследовании мы будем исходить из классификации примет, предложенной Е.Е. Завьяловой, которая выделяет 4 типа примет с их дальнейшим членением на менее объемные, узкие по значению подгруппы [Завьялова, 2013. Электронный ресурс]:

1. Природное явление ==> природное явление (*Луна покраснела — жди ветра-пострела; Του ήλιου κύκλος άνεμος, του φεγγαριού χειμώνας* – Дымка вокруг солнца – к ветру, вокруг луны – к похолоданию).

2. Природное явление ==> бытовое происшествие (*Снег на Покров выпал — много свадеб в этом году будет; Αν νίβεται η γάτα σου θα σου έρθουν ζένοι* – Если умывается кошка – придут гости).

3. Бытовое происшествие ==> бытовое происшествие (*Соль просыпать — к ссоре; Αν σπάσει καθρέφτης, θ' ακολουθήσουν επτά χρόνια με συμφορές και δυστυχίες* – Если разобьешь зеркало, последуют семь лет несчастий и неудач).

4. Бытовое происшествие ==> природное явление (*Свеча угасла — к перемене погоды; Όταν γυρίζει ο καπνός μέσα στο σπίτι, θα αλλάξει ο καιρός* – Если дымит камин – поменяется погода).

При этом в экспериментальной части работы мы, принимая в качестве основополагающего принципа разграничения примет область прогнозируемого события, будем относить приметы 1 и 4 типа к природно-календарным, а 2 и 3 – к бытовым. Руководствуясь необходимостью выявления языковой и этнокультурной специфики примет, для дальнейшего анализа результатов исследования все отобранные нами методом сплошной выборки приметы в количестве 450 единиц были проанализированы с точки зрения их эквивалентности в обоих языках. Нами было выделено 4 типа эквивалентности:

1. **Абсолютные эквиваленты** в обоих языках (АЭ). Эти приметы совпадают полностью и по семантическому содержанию, и по структурной оформленности. *Если чешется левая рука – получишь прибыль. / Αν σε τρώει το αριστερό σου χέρι θα*

πάρεις χρήματα; Если видишь падающую звезду – загадывай желание. / Αν δεις ένα αστέρι να πέφτει, κάνε μια ευχή; Если кто-то чихнет во время того, как ты говоришь, значит, ты говоришь правду. / Όταν φτερνίζεται κάποιος, τότε λέει την αλήθεια αυτός που μιλάει; Когда кто-то уезжает, нельзя подметать в этот день в его комнате, иначе с ним случится беда. / Όταν φεύγει κάποιος για ταξίδι να μην σκουπίζουμε το δωμάτιό του τη ίδια μέρα γιατί θα πάθει κακό; Чем больше родинок на теле, тем больше несчастий в жизни. / Όσες περισσότερες «ελιές» έχει κανείς στο σώμα του, τόσες περισσότερες θλίψεις θα περάσει στη ζωή του.

2. Семантические эквиваленты (СЭ). Приметы данной группы обладают тождественным лексическим значением, но отличаются своей синтаксической структурой: рус. *Если кошка умывается – жди гостей.* – гр. *Αν νίβεται η γάτα σου θα σου έρθουν ξένοι* (дословно: Если умывается кошка, к тебе придут гости); рус. *Разбить зеркало – к несчастью.* – гр. *Αν σπάσεις έναν καθρέφτη, θα έχεις 7 χρόνια γρουσουζιά* (дословно: Если разобьешь зеркало, будешь несчастлив 7 лет); рус. *Если в день свадьбы пойдет дождь, семейная жизнь не будет счастливой.* – гр. *Όταν την ημέρα του γάμου σου έχει βροχή τότε όλη σου η έγγαμη ζωή θα είναι με κλάμα* (дословно: Если в день свадьбы идет дождь, проведешь в слезах всю семейную жизнь); рус. *Если зашивать на ком-то одежду, он потеряет дар речи.* – гр. *Αν ράβουμε ένα ρούχο πάνω σε άνθρωπο, θα ξεχάσει «τα γράμματα»* (дословно: Если мы будем шить одежду на человеке, он забудет буквы); рус. *Если дорогу перейдет черная кошка, быть беде.* – гр. *Αν βρείτε στο δρόμο σας μαύρη γάτα, τότε θα έχετε άσχημη τύχη* (дословно: Если вам встретится черная кошка на дороге, вас ждет невезенье); рус. *Если воет без причины собака, кто-то из обитателей дома умрет.* – гр. *Όταν ένας σκύλος αρχίσει να ουρλιάζει χωρίς λόγο, τότε κάτι κακό θα συμβεί, με πιθανότερο τον θάνατο κάποιου από το ίδιο σπίτι* (дословно: Когда начинает выть собака без какой-либо причины, случится что-то нехорошее, возможно, смерть члена семьи); рус. *Если чешутся ступни ног, будет поездка.* – гр. *Όταν σε ζύνει η πατούσα του ποδιού, θα «κάνεις» δρόμο* (дословно:

Когда у тебя чешется подошва ног, ты совершишь поездку); рус. *Когда икаешь – кто-то тебя вспоминает.* – гр. *Αν έχεις λόξυγγα σε μελετάνε* (дословно: Когда икаешь, тебя обсуждают).

3. **Частичные эквиваленты (ЧЭ)** – приметы, в которых совпадает наблюдение или прогноз. Например, греческая примета *Αν περάσει από την αυλή σου μια χοντρή πεταλούδίτσα, σημαίνει ότι θα έρθουν επισκέψεις στο σπίτι* (перевод: Если к вам во двор залетела крупная бабочка, значит к вам придут гости) имеет частичное совпадение в русском языке либо в части прогноза, либо наблюдения: *Если над вами кружит красивая бабочка – это к хорошим новостям. Если бабочка села на правое плечо – ждите гостей.* В следующей примете: *Если на ногтях рук появляются белые отметины, жди подарка* вторая часть имеет более конкретное выражение в греческом языке – получишь много овец (*Όταν κάποιος έχει άσπρα σημάδια στα νύχια του, τότε θα αποκτήσει πολλά πρόβατα*). Очевидно примета появилась в то время, когда для человека лучшим подарком могло считаться прибавление в отаре. Совершенно разную коннотацию имеет примета, связанная с метлой, в русском и греческом языке. Так, в греческом, ее падение предвещает появление в доме нежеланных гостей: *Αν πέσει η σκούπα μόνη της, θα έρθουν ανεπιθύμητοι επισκέπτες*, тогда как в русском – присутствие нечистой силы: *Если метла вдруг падает без всякой видимой причины, это означает, что она защитила вашу семью от воздействия нечистой силы, приняв удар на себя.*

4. **Приметы, не имеющие эквивалентов (НЭ).** К данной группе мы в первую очередь отнесли приметы, содержащие имена собственные. По справедливому замечанию О.И. Фоняковой, имя собственное является функционально-семантической единицей языка, речи и культуры, поскольку в его значении объединены номинативный, коннотативный, ассоциативный, культурно-ценностный компоненты [Фонякова, 1990: 21]. В языковой картине мира имя собственное может быть именем и вербализацией культурного концепта, который традиционно

понимается как «слово или выражение, семантика которого отражает духовные смыслы о системе мироустройства и о системе ценностей отдельного этноса» [Степанов, 1997: 47]. В рассматриваемых нами приметах в первую очередь следует отметить имена святых (агионимы), с которыми ассоциировались народные названия дней календарного цикла и по которым определялись даты проведения хозяйственных работ и праздников: *Иней в Филипповку – урожай овса; На Егорья мороз – под кустом овес; После Ильина дня купаться – к болезни или смерти; Обильная роса на Ивана – к урожаю огурцов; Если на Матрёну стоит хорошая погода, то стоять ей целых три недели; Коли Парамон со снегом – жди метелей вплоть до Николина дня; Если до Осеннего Егорья выпадет много снега, то на Весеннего будет трава.* Как видно из последней приметы, в православном христианском календаре несколько дней могло быть посвящено одному святому, поэтому к имени добавляли прозвища, которые облегчали ориентацию и запоминание (Егорий Осенний – 26 ноября; Егорий Весенний или Вешний – 23 апреля. В обоих случаях речь идет о Георгии Победоносце). Несмотря на единую православную веру, которая объединяет греческий и русский народ, подобная традиция не закрепились в греческом языке. Имена святых, которые довольно часто встречаются в греческих пословицах и поговорках, представляют собой редкое явление в случае с приметами: *Άμα πέρασε ο Θανάσης (18 Ιανουαρίου), πάει ο βαρύς χειμώνας* (перевод: Как пройдет Афанасий, считай, что зима закончилась). Кроме того, к данной группе относятся приметы, фиксирующие географические или социокультурные особенности жизнедеятельности общества. Так, приметы, предвещающие метели, снегопады, дожди летом и прочие погодные явления, свойственные для российского климата, будучи неактуальны для Кипра, не находят аналогов в греческом языке (например: *Куры хвостами вертят – к метели; Ворона кричит зимой – будет метель, летом – к дождю; Много сока у березы – к дождливому лету*). Также не имеют эквивалентов приметы, в которых отражены

особенности уклада жизни русского человека в определенный исторический период: *Если на крыше трава вырастет, то это к урожаю; Втыкать нож в каравай – к голоду.*

Среди греческих бытовых примет, не имеющих эквивалентов в русском языке, нами зафиксированы следующие: *Αν πάρεις σαπούνι από το χέρι κάποιου θα τον μισήσεις* (перевод: Если возьмешь у кого-то из рук мыло, то возненавидишь его). *Όταν φεύγει κάποιος που θέλετε να γυρίσει σύντομα, ρίξτε πίσω του νερό* (перевод: Когда уходит кто-то, кого вы хотели бы скорее вернуть назад, вылейти вслед ему воды). *Αν αφήνεις τις παντόφλες ή τα παπούτσια σου στραβά, κάποιος θα πάθει κακό* (перевод: Если оставишь обувь подошвой вверх, с кем-то (из близких) случится беда). *Αν βάζεις νερό κρατώντας το μπουκάλι από την αριστερή πλευρά του ποτηριού γιατί φέρνει αρρώστια!* (перевод: Если наливаешь воду, поднося бутылку к стакану с левой стороны, то заболеешь).

Очевидно, что в первую и вторую группы вошли природные и бытовые приметы, которые содержат в своей основе выверенные опытом знания и практические наблюдения человека за поведением животных, за явлениями растительного мира, за собственным самочувствием. Чаще всего подобные приметы могут быть объяснены с помощью физических, биологических и других естественнонаучных законов, чем и объясняется их наличие в разных языках. Например, в приметах *Μυχι на пол (на стены) садятся – к дождю, сидят тихо – будет дождь; Перед дождем пчелы не улетают далеко от улья; Οι μέλισσες το πρωί δεν απομακρύνονται από τις κυψέλες τους – θα βρέξει. Τα μυρμήγκια μαζεύουν τις χρυσαλλίδες τους – θα βρέξει. Όταν πετούν χαμηλά τα χελιδόνια, τότε θα βρέξει* фиксируется колебание влажности воздуха, а, как сегодня известно науке, у насекомых и птиц при ее повышении тяжелеют крылья. Наибольшее количество эквивалентных примет в исследуемых лингвокультурах связано с наблюдением за небесными светилами – луной, солнцем, звездами. Например, русские приметы *Если*

ночью вокруг луны гало – круг, утром будет ветер и шторм; Если при закате Солнца небо имеет жёлтый цвет - к изменению погоды, дождю и ветру имеют греческие соответствия: Όταν είχε φεγγάρι με φωτοστέφανο, αυτό σήμαινε πως την επόμενη ημέρα θα είχε δυνατό αέρα; Όταν κατά τη δύση του Ηλίου το χρώμα του ουρανού ήταν έντονο κίτρινο, θα έβρεχε όλη τη νύχτα.

Наличие сходных примет в исследуемых языках может быть обусловлено не только материальной тождественностью мира и психофизиологической общностью человечества, но также подобием мифологических и религиозных мотивов и сюжетов, лежащих в основе формирования данного фольклорного жанра. Так, существование приметы, запрещающей сушить зонт в доме, обусловлено страхом того, что из-под него выйдет нечистая сила; напрямую связана с нечистью и черная кошка, которая, если верить предкам, легко может обернуться ведьмой или колдуньей: *Αν βρείτε στο δρόμο σας μαύρη γάτα, τότε θα έχετε άσχημη τύχη* (перевод: если встретите на дороге черную кошку, случится несчастье). Примечательно, что если в русском фольклоре беды можно избежать с помощью определенных «магических» действий (повернуться вокруг своей оси, то есть начать путь заново; скрестить пальцы; взяться за пуговицу), то в греческой культуре подобные ритуалы полностью отсутствуют. Корнями уходит в древнюю мифологию и вера в тесную связь птиц с потусторонним миром, которая объясняет наличие схожих примет в русской и греческой лингвокультурах, в соответствии с которыми ворон, сорока, филин, сова, – «нечистые», а голубь, петух – враги нечистой силы. Именно поэтому «нечистые» животные трактуются в приметах как вестники несчастья: *Ворон каркает к несчастью, ворона – к ненастью; Если филин сядет на крышу дома – смерть одному из домашних; Сова не приносит добра; Αν μία κουκουβάγια κελαηδάει επάνω από κάποιο συγκεκριμένο σπίτι πιστεύεται ότι προμηνύει τον θάνατο κάποιου μέσα από αυτό το σπίτι.*

Существование примет 3 и 4 группы объясняется тем, что, по замечанию А.Г. Эфендиева, первоосновой любой культуры является понятийно-логический аппарат, присущий мировосприятию того или иного этноса. «Каждый народ в процессе познания мира фиксирует его элементы по-своему. Способ понятийно-логического упорядочивания и восприятия окружающего мира зависит от многочисленных факторов, в том числе от хозяйственной деятельности» [цит. по: Кулькова, 2011: 22]. Таким образом, различная хозяйственная деятельность, обусловленная в первую очередь различиями в географических и климатических условиях, определяет различное мировидение того или иного народа, что находит непосредственное отражение в фольклорных картинах мира. Удивительно, но, как показывают наблюдения, даже одинаковое поведение животных является предвестником различных погодных прогнозов. Например, если согласно русской примете, кваканье лягушек означает понижение температуры, грозу и дождь, то в греческой культуре оно же сулит жару и влажность: *Αν μέσα στη νύχτα τα βατράχια τραγουδούν ασταμάτητα, η επόμενη ημέρα να είναι ζεστή και υγρή*. Также различны метеорологические прогнозы в случае осеннего листопада: рус. *Лист хоть и пожелтел, но **опадает** слабо, – морозы наступят не скоро, и снег ляжет **поздно***. – гр. *Όταν το φθινόπωρο αργούσαν να πέσουν τα φύλλα των δέντρων, θα ερχόταν βαρύς χειμώνας* (перевод: Когда осенью листья опадают с поздно, впереди ждет суровая зима). В данном случае различный прогноз может объясняться тем, что понимание «суровая зима» для русского и греческого народа не может восприниматься одинаково ввиду различных климатических условий. Результатом неоднозначного восприятия окружающего мира также является возникновение различных символических смыслов, которыми каждый народ наделяет общие для обеих культур объекты действительности. Кроме того, использование в некоторых приметах артефактной лексики (изба, баня, каравай и др.) объясняет отсутствие эквивалентов таких примет в других языках.

Сравнительный лингвокультурологический анализ отобранных нами фольклорных единиц показал, что 20.5% русских примет имеют абсолютные эквиваленты в греческом языке. Приметы, отличающиеся синтаксической структурой, но обладающие сходным лексическим значением, т.е. тождественным планом содержания, составили 39.5% исследуемого корпуса. 25% рассмотренных примет характеризуется частичным совпадением в исследуемых языках, обнаруживая сходство либо в части прогноза, либо в части содержания приметы; и 15% принадлежит последней группе примет, не имеющих эквивалентов. Для проведения практической части эксперимента нами было отобрано одинаковое в процентном соотношении количество примет каждой группы, для каждого языка были выбраны наиболее употребимые единицы паремиологического фонда, приметы содержали лишь первую часть – наблюдение, и в задачи билингов входило продолжение приметы предполагаемым прогнозом в соответствии с народными традициями.

Оставляя вне сферы нашего исследования лексико-семантические особенности народных примет исследуемых языков, заметим, однако, что и в греческом, и в русском языке приметы характеризуются преобладанием общеупотребительной, распространенной и общеизвестной лексики, при этом в языке греческих примет, в большей степени природных, количественное содержание диалектизмов (характерных кипрскому диалекту в целом), архаизмов и историзмов несколько превосходит наличие подобных пластов лексики в языке русских примет. Е.В. Чупырина в статье, посвященной семантике русских народных примет, замечает, что «в своей основной массе диалектные слова в составе народных примет являются общепонятными, отражают особенности русской разговорной речи и не нуждаются в дополнительных пояснениях» [Чупырина, 2010. Электронный ресурс].

Мы же ставим под сомнение данное утверждение в случае, когда речь идет о естественных билингах, включая в число задач нашей работы определение степени

понимания двуязычными индивидами языка народных примет обеих этнокультур. При этом мы сознательно исключили из корпуса примет нашего исследования паремии, не имеющие практического значения сегодня, связанные в первую очередь с сельскохозяйственными работами, вокруг которых была сосредоточена ранее вся жизнь крестьян, находившаяся в прямой зависимости от урожая: *Кто на Кирика (Киргаса) и Улиту жнёт, тот маньяки видит (видения). Кто на Палея (Пантелеймона, Палия) работает, у того гроза спалит хлеб. Кто сеет на Фрола, у того фролки и будут.*

Итак, из проанализированных и систематизированных нами примет было отобрано 264 единицы на русском и греческом языках в равном количестве для дальнейших экспериментальных процедур.

3.3.2. Эксперимент №2. Описание и интерпретация результатов

В нижеописанной серии экспериментов приняла участие самая старшая возрастная группа билингвов – учащиеся 14–16 лет в количестве 56 человек, из которых 28 билингвов – подростки, выросшие в биэтнических семьях и 28 – билингвы из моноэтнических семей, начавшие изучать греческий язык в естественной языковой среде в возрасте от 0 до 6 лет. Информантам было предложено продолжить начатые приметы, содержащие наблюдение, предполагаемым ими прогнозом (полный список примет см. в Приложении Б). Эксперимент проводился в несколько этапов. На первом этапе билингвы работали только с приметами русского языка, на втором – с перерывом в 6 недель – приметами греческого языка. И в первом, и во втором случае задание сопровождалось просьбой ответить на следующий вопрос: придерживаются ли указанных в приметах поверий билингвы и члены их семей, поставив соответствующие знаки «+» (да) и «-» (нет). Согласно некоторым зарубежным

исследователям, учащиеся старших классов и студенты входят в состав наиболее подверженных суеверным приметам профессиональных групп общества [Albas, 1989; Blum, 1974; Rudski, 2007].

Результаты исследования показали более высокий уровень знания греческих бытовых и природных примет в сравнении с русскими информантами обеих групп, что обусловлено, по нашему мнению, в первую очередь тем фактом, что греческий язык является доминантным в языковом окружении участвующих в эксперименте билингвов, следовательно, функционирование греческих примет, так или иначе регламентирующих бытовое повседневное поведение, оказывается шире бытования русских примет. При этом бытовые приметы в обоих случаях оказались знакомы билингвам лучше, чем природные: количество правильно продолженных русских бытовых примет по общим подсчетам составило 1892 ПЕ (25.6%) в сравнении с 904 приметами (12.2%) природно-календарного типа, и греческих бытовых примет – 2470 ПЕ (33.4%) в сравнении с 1534 (20.7%) верно продолженными природно-календарными приметами. Дальнейшая дифференциация ответов в зависимости от типа формирования билингвизма представлена в Таблице 3:

Группа билингвов	Приметы русского языка (132 приметы, N=7392)		Приметы греческого языка (132 приметы, N=7392)	
	Правильно продолженные природно-календарные приметы	Правильно продолженные бытовые приметы	Правильно продолженные природно-календарные приметы	Правильно продолженные бытовые приметы
Билингвы 1	470 (7%)	1046 (14%)	690 (9%)	1628 (22%)
Билингвы 2	434 (6%)	846 (11%)	844 (11%)	842 (11%)

Таблица 3 – Количественное соотношение правильно продолженных русских и греческих примет билингвами

Количество природно-календарных примет, которые биэтнические билингвы не смогли продолжить совсем, составило 538 ПЕ (7%) русского языка и 442 ПЕ (6%) греческого языка. Число непродолженных бытовых примет для данной группы значительно ниже – 294 русских ПЕ (3.9%) и 178 греческих ПЕ (2%). Несколько отличны показатели моноэтнических билингвов, среди ответов которых зафиксированы отказы от реакции в 586 (8%) случаях для русских природно-календарных примет и в 736 (10%) случаях – для греческих природно-календарных примет. В отношении бытовых примет количество непродолженных ПЕ русского языка составило 326 (4.4%) единиц, и греческого – 328 (4%).

Очевидно, что коммуникативная функция, которую наряду с прогностической выполняют бытовые приметы в речи, обуславливает их значимость в процессах современной коммуникации. Популярность бытовых примет мы также объясняем тем фактом, что сегодня, когда современные научно-технические средства помогают ученым предсказывать погоду и различные природные явления с высокой степенью точности, необходимость в так называемых «бабушкиных методах» прогнозирования отпала. Однако людям всех времен свойственна забота о завтрашнем дне, и именно бытовые поверья напоминают нам об элементарной предосторожности, предупреждают о возможной опасности.

Диаграммы, представленные на Рисунке 4 и Рисунке 5, отражают в процентном соотношении количество примет, актуальных в жизни опрошенных билингвов, и их принадлежность к основным тематическим группам:

Рисунок 4 – Русские народные приметы, соблюдаемые билингвами и членами их ближайшего окружения

Рисунок 5 – Греческие народные приметы, соблюдаемые билингвами и членами их ближайшего окружения

Паремии, обозначенные на диаграмме голубым цветом, включают все приметы, которые билингвы не смогли продолжить, продолжили неверно либо, подобрав правильный прогноз к прогнозирующей части, отметили примету как не актуальную для их жизни.

Все остальные приметы, помеченные информантами знаком «+» были распределены нами в 3 основные группы: денежные – связанные либо с приобретением, либо потерей денег, приметы, приносящие удачу в самом широком трактовании, и приметы, сулящие неудачу без указания на ее конкретное проявление. Оставшиеся приметы, которых также придерживаются подростки и их близкие в жизни, были выделены нами в отдельную группу, поскольку составили незначительный процент от общего числа.

Количественная и качественная обработка результатов эксперимента позволила нам прийти к следующим результатам:

1. Среди примет русского языка, безошибочно продолженных билингвами, 70% принадлежит приметам первой группы (АЭ), в то время как АЭ греческого языка были продолжены правильно в 45%. Наиболее сложными оказались погодно-календарные приметы, в особенности те из них, в которых содержатся названия праздников, а также связанные с наблюдениями за небесными светилами. Так, ребята не смогли продолжить следующие эквивалентные приметы на обоих языках: *Если на Сретенье солнечно, зима будет поздней.* / *Αν της Υπαπαντής έχει ήλιο, ακολουθεί χειμώνας όψιμος;* *Если месяц в тусклой дымке, будет ненастье.* / *Όταν το φεγγάρι σκεπάζεται από ομίχλη, θα έχουμε κακοκαιρία;* *Если Солнце в белой тусклой дымке, будет дождь.* / *Όταν ο ήλιος είναι άσπρος και θαμπός, θα έρθει βροχή;* *Αμα παίζουν τ'αστρα, θα έχουμε κακοκαιρία.* / *Если звезды мерцают сильно, будет ненастная погода.* В то же время довольно хорошо оказались известны билингвам погодные и бытовые приметы, связанные с определенным поведением животных: *Όταν πουλιά λούονται στο χώμα σημαίνει βροχή ή χειμώνα.* / *Если птицы купаются в*

песке – быть дождю и непогоде; Όταν οι μύγες τσιμπούν πολύ θα έρθει βροχή. / Если мухи кусают, будет дождь. Όταν πετούν χαμηλά τα χελιδόνια, τότε θα βρέξει. / Если ласточки летают низко, будет дождь; Αν νίβεται η γάτα σου θα σου έρθουν ξένοι. / Если кошка умывается, будут гости и др. Несмотря на то, что продолжены эти приметы были правильно, как показал опрос, они не являются актуальными в жизни билингвов, в отличие от бытовых, которых, согласно ответам, придерживаются в семьях информантов: Όταν μπαίνει κάποιος για πρώτη φορά στο σπίτι σου, να μπει με το δεξί, για να σου πάνε όλα καλά! / Когда заходишь первый раз в дом, нужно переступить через порог правой ногой, тогда все будет хорошо; Αν φτερνίζεσαι κάποιος μιλούν για σένα. / Когда чихаешь, кто-то о тебе вспоминает; Αν σε τρώει το αριστερό σου χέρι θα πάρεις χρήματα. / Если чешется левая ладонь – получишь деньги; Όταν φεύγει κάποιος για ταξίδι να μην σκουπίζουμε το δωμάτιό του τη ίδια μέρα γιατί θα πάθει κακό στη διάρκεια του ταξιδιού. / Когда кто-то далеко уезжает, не надо подметать в его/ее комнате в этот день, чтобы человек добрался благополучно.

Примета о черной кошке, переходящей нам дорогу и сулящей неудачи, была продолжена всеми без исключения билингвами и на русском, и на греческом языке, однако далеко не для всех она является предвестником несчастий в реальной жизни. (Положительно ответили лишь 10 из 56 билингвов)

2. Приметы второй группы (СЭ) составили 22% от общего числа правильных ответов на русском языке и 30% от общего числа правильных ответов на греческом языке, причем подавляющее большинство верных прогнозов было дано в случаях бытовых примет. Вторая часть многих природных примет повторялась для самых различных случаев наблюдения, доказывая наше предположение о том, что, не обладая достаточным этнокультурным знанием в области народных природно-календарных примет, билингвы будут подставлять любые известные им пропозиции: *пойдет дождь, будет жарко, будет холодно, θα έχει καλό καιρό* (будет хорошая погода), *θα βρέξει* (пойдет дождь). Так была продолжена билингвами большая часть

примет, связанная с поведением домашних животных: *Если кошка сворачивается в клубочек – будет дождь* (правильно: будет мороз); *Если кошка прячет во сне мордочку в лапки или под брюшко – будет дождь* (правильно: скоро настанет непогода и холода); *Если кошка сладко спит, развернув брюшко кверху – будет дождь* (правильно: быть теплу и жаркому солнышку); *Если кошка точит коготки о ножки стула – будет дождь* (правильно: к переменным погодным явлениям) и т.д.

3. Приметы третьей группы (ЧЭ) составили 9% всех правильно продолженных паремиологических единиц, предложенных билингвам на русском языке, и 15% примет на греческом языке. Так, русскую примету *Если дергается правое веко, получишь хорошую новость* многие продолжили неверно, предложив греческий вариант приметы: *Αν έλλεται το δεξί σου μάτι θα δεις αγαπημένο πρόσωπο* (Перевод: Если у тебя дергается правое веко, встретишь любимого/любимую). Также русскую примету *Нос чешется – в рюмку глядеть* 50 билингвов продолжили по аналогии с греческой: *Όταν έχουμε φαγούρα στη μύτη θα φάμε ζύλο* (Перевод: Если чешется нос, будешь битым). 34 опрошенных продолжили греческую примету *Αν πέσει πάνω σου αράχνη είναι καλή τύχη* (Перевод: Если на тебя упадет паучок, жди удачу), подставив русский вариант: *Паук – к хорошим вестям*. Более близким информантам показался русский прогноз приметы об упавшей вилке, сулящий неожиданных гостей, в то время, как в греческом языке это событие влечет за собой скорое приглашение от друзей: *Αν σου πέσει το πιρούνι από το τραπέζι θα έχεις κάλεσμα από φίλους*. Большинство примет, связанных с зеркалом, также были продолжены билингвами в соответствии с русской традицией: *Нельзя смотреть в зеркало во время еды – всю красоту съешь* (в греческой примете – оно заберет твою душу); *Разбить зеркало – к несчастью* (в греческой примете – неудачи будут преследовать тебя 7 лет). А вот русская примета *Если наденешь вещь наизнанку – будешь битым* (или испытаешь другие неприятности) в 44 случаях была продолжена «тебя никто не сглазит» – так считают греки и киприоты (*Αν φορέσουμε τα ρούχα μας από την ανάποδη πλευρά σημαίνει ότι δεν*

πρόκειται να μας πιάσουν κατάρες). Данный вывод подтверждает наше предположение о том, что доминирование греческого языка в социальной жизни билингвов вызывает межязыковую интерференцию на уровне фольклорных единиц. Однако написать правильно продолжение некоторых примет данной группы билингвы не смогли ни на греческом, ни на русском языке. Так, примета *Перед зеркалом не едят, чтобы здоровье и удачу «не проест»*, которой в греческом языке соответствует, совпадая в первой части, паремия *Όταν τρώμε να μην κοιταζόμαστε στον καθρέφτη γιατί θα πέσουν τα δόντια μας* (перевод: Если смотреться в зеркало во время еды, выпадут зубы), была продолжена следующим образом: «еду мимо рта пронесешь», «вырастет длинный нос».

4. Среди примет четвертой группы (НЭ) оказалось лишь 10 правильно продолженных паремий на русском языке и 18 ответов – на греческом. В число примет, продолжение которых билингвы не смогли написать, вошли следующие: *Много паутины на «бабье лето» – к холодной зиме. Если при выпечке каравая отломилась часть, кому-то в семье предстоит поездка. Αν κάποιο παιδί την ώρα που κοιμάται τρίζει τα δόντια του, θα πεθάνουν οι γονείς του* (Если ребенок скрипит зубами во сне, умрут его родители); *Αν πατήσεις καρφιά η μητέρα σου θα χτυπήσει τη μέση της* (Если наступишь на булавку, у твоей мамы будет болеть спина); *Αυσάρεστα συμβάντα θα μας προκύψουν αν δείχνουμε το φεγγάρι με το δάχτυλό μας* (Если показывать пальцем на луну, случится несчастье); *Όταν τρώμε να μην κοιταζόμαστε στον καθρέφτη γιατί θα πέσουν τα δόντια μας* (Если смотреться в зеркало во время еды, выпадут зубы).

Следующие греческие приметы получили множество различных прогнозов, ни один из которых не оказался правильным: примета *Αν βρεις στο δρόμο σου κουμπί μην το πάρεις γιατί θα σου φέρει γουρσουζιά* (Если найдешь на дороге пуговицу и поднимешь ее, тебя ожидают неудачи) содержала такие варианты продолжения, как *потеряешь деньги, останешься без одежды* и даже *попадешь под машину*, но ни одного позитивного исхода. Примета *Αν πάρεις σαπούνι από το χέρι κάποιου θα τον*

μισήσεις (Если возьмешь мыло из рук другого человека, возненавидишь его), была продолжена следующим образом: *выйдешь за него замуж, полюбишь его, останешься без денег* и др. Продолжение приметы *Αν αφήνετε ανοιχτές τις ντουλάπες σας, θα γίνετε στόχος κουτσομπολιών* (Если оставите дверцы шкафа открытыми, вы станете объектом сплетен) включало варианты ответов *у вас украдут все вещи, заведется моль, вещи покроются пылью*, которые приближаются к «антиприметам», т.е. опираясь на традиционные образцы, преследуют особые игровые цели (например: *Ходить на работу – к деньгам; Птица залетела в самолет – к аварии*).

Наибольшее количество верных ответов (50) в данной группе получила первая часть приметы *Το χύσιμο του καφέ θεωρείται καλός οίωνός* (Пролить кофе – к удаче). На втором месте – примета *Αν χυθεί λάδι είναι άσχημο προμήνυμα* (Пролить масло – дурной знак), которую продолжили правильно 44 человека. Примета, согласно которой растение базилик, расположенное у входа в дом, приносит удачу его обитателям, была продолжена правильно в 42 вариантах ответов: *Μία γλάστρα με βασιλικό αν την τοποθετήσετε στην είσοδο του σπιτιού σας φέρνει καλοτυχία*. Очевидно, что такие высокие показатели знания перечисленных бытовых примет связаны с их активным бытованием в современном грекоязычном обществе.

5. Все приметы, продолжение которых билингвы не смогли написать, содержали специальную лексику: историзмы, архаизмы, имена собственные: *Κακὸν Βλαговещенье, таков и весь год; В одной избе разными вениками не мести: разойдется по углам богатство и др.*

Подобные фольклорные единицы обладают ярко выраженным этнокультурным содержанием, исследование которого раскрывает символику реалий как базу или итог развития суеверных представлений и служит основой лингвокультурологического комментирования [Иванова, 2006: 9-10]. В первую очередь это относится к группе календарно-природных примет, трудности, связанные с пониманием которых могут быть объяснены тем обстоятельством, что

наблюдение погодных условий и попытки составить метеорологический прогноз имели для наших предков в первую очередь прикладное значение – весь образ жизни был ориентирован на сельское хозяйство, что обусловило наличие соответствующей лексики во всех фольклорных жанрах. Современный же уклад жизни на Кипре резко отличается: благодаря бурному развитию туризма на острове приоритетными стали иные направления жизнедеятельности, что послужило причиной редкого употребления лексических единиц, связанных с народным хозяйством, в речи местного населения. Понятными полностью оказываются лишь те приметы, компоненты которых составляют лексическое ядро фольклорной картины мира и языкового сознания киприотов. Среди русских примет, значение которых не было понято билингвами, основную массу составили единицы, содержащие имена собственные, обладающие несомненной национально-культурной спецификой и представляющие собой «аккумулятор культуры, становясь социокодом в хранилище коллективной памяти и средством трансляции культуры» [Махлина, 2009: 47].

6. Греческие народные приметы, соблюдаемые билингвами в жизни, составили больший процент в сравнении с русскими, что может объясняться лучшим знанием респондентами примет, характерных для грекоязычного общества в целом. Как показал анализ, наиболее актуальными являются приметы о деньгах, среди которых самые популярные в рассматриваемом корпусе следующие: *Если выбрасывать мусор после шести часов вечера, денег не будет; Если считать деньги после заката солнца, останешься без денег; Если на столе или где-то на видном месте оставлять монетку, она «притягивает» деньги; Αν σε τρώει το δεξί σου χέρι θα δώσεις χρήματα* (Если чешется правая ладонь, будешь отдавать деньги); *Αν σε τρώει το αριστερό σου χέρι θα πάρεις χρήματα* (Если чешется левая ладонь, получишь деньги).

На втором месте в обоих языках – приметы с указанием на неблагоприятный характер прогноза, который формулируется предельно абстрактно: плохо, к несчастью, к неудаче. Самой популярной оказалась примета о черной кошке.

Приведенное исследование, направленное на реконструкцию фрагмента ФКМ билингвов, представленного народными приметами, позволяет сделать следующие выводы.

Народные приметы, занимая важное место в культуре любого этноса, в вербализированной форме хранят и передают информацию о том, что представлялось народу ценным в его исторических и географических условиях в процессе становления и роста духовной и материальной культуры. Это дает исследователям фольклора полное право определять приметы как национально-прецедентные феномены, участвующие в создании национально-когнитивной базы этнокультурного общества, следовательно, знание по крайней мере тех примет, которые входят в паремиологический минимум каждого из языков, которыми владеет билингв, является необходимым условием развития бикультурального (в нашем понимании – полноценного) билингвизма.

Результаты проведенного эксперимента позволяют говорить об асимметрии того фрагмента ФКМ русско-греческих билингвов, который представлен народными приметами, что, по нашему мнению, объясняется неравномерным распределением социальных ролей, закрепленных за каждым из языков, в жизни подростков. Количественная и качественная обработка результатов, а также проведенная нами постэкспериментальная беседа с информантами позволили сделать вывод о том, что приметы, в которых репрезентированы общие для русского и греческого языков способы категоризации внеязыковой действительности, известны билингвам в большей степени в сравнении с теми приметами, которые отражают уникальное для каждой из двух этнокультур мировидение. Знание и применение в жизни билингвами многих традиционных русских и греческих примет (преимущественно бытовых) свидетельствует о существовании повседневного фольклорного мышления, характерного человеку, язык которого предопределяется его социальным опытом.

3.4. Народные загадки как культурно-языковые компоненты в составе фольклорной картины мира билингва

3.4.1. Этносемантический анализ греческих и русских метафорических народных загадок

Как уже отмечалось во второй главе диссертации, загадка представляет собой неотъемлемый жанр фольклорного дискурса, обнаруживающий свою актуальность как в традиционной, так и в современной культуре любого языкового коллектива. Включение загадки в наше экспериментальное исследование объясняется тем, что она наряду с остальными малыми фольклорными жанрами содержит в своем составе такие компоненты, которые репрезентируют базовые понятия этнокультуры, имеющие непосредственное отношение к быту, повседневной жизни народа, а также к фундаментальным основам мироздания – природным стихиям. В связи с этим представляет особый интерес сопоставительный анализ текстов загадок разных культур, в нашем случае, русской и греческой, поскольку загадки, обладая такими общими чертами, как метафоричность, образность, стремление к языковой игре, лаконичность, в то же время имеют существенные различия в отношении языковых средств, используемых для создания образности. С целью выявить общие и отличительные элементы в картинах мира русского и греческого народа, определить черты сходства и различия метафорических моделей переноса значения, способы описания и кодирования информации об окружающем мире в рассматриваемых культурах и языках нами был проведен анализ лексико-семантических структур и образов традиционных русских и греческих загадок.

В процессе исследования нами был проанализирован корпус из 220 русских и греческих метафорических загадок, составленный на основе сплошной выборки из сборников загадок.

Семантическая структура загадки в обоих языках определяется соотношением трех ее основных компонентов: денотата, т.е. загадываемого и подлежащего дешифровке объекта; заместительного объекта, имеющего какие-то общие свойства с денотатом, и «образа» – описания, применимого одновременно к обоим объектам. Поскольку мы считаем, что вопросы, связанные со структурными особенностями приемов организации кодирующей части энигматических текстов, не являются релевантными для нашего исследования, весь рассмотренный корпус загадок был проанализирован с точки зрения приемов организации образной части (на образно-семантическом уровне).

Исследование русских и греческих народных метафорических загадок в этносемантическом сравнительном аспекте показало, что все рассмотренные фольклорные тексты, принадлежащие жанру «загадка», можно разделить на 3 группы.

1. Загадки с полным или частичным совпадением образа, положенного в основу метафоры.

Поскольку важнейшим фрагментом картины мира в тексте загадки выступает антропоцентризм, то выбор заместительного образа для данной группы оказывается достаточно ограниченным с явным преобладанием «зоологических» метафор, олицетворений и антропоморфных сравнений.

Персонификация неодушевленных предметов, частей тела и природных стихий, наделение их человеческими качествами, что являет собой реминисценцию древних мифов, характерно в равной степени как для русской, так и греческой языковых картин. Рассмотрим это на следующих примерах.

Печь, огонь, уголь: гр. *Από μητέρα κόκκινη μαύρο παιδί γεννιέται* (перевод: У красной матери черное дитя рождается). – Рус. *Мать толста, дочь красна, сын воробей, под небеса улетел.*

Гриб: гр. Ένα πράγμα, πραγματάκι κάθεται στο χωράφακι μ' ένα μόνο ποδαράκι (перевод: Одна вещь-вещичка стоит в поле на одной только ножке). – Рус. *Кто стоит на крепкой ножке в бурых листьях у дорожки?*

Вилка: гр. Έχει δόντια κοφτερά, αλλά δεν μπορεί να φάει (перевод: Имеет острые зубы, а сама не может ничего есть). – Рус. *Зубы есть да не жует, а жевать другим дает!*

Дверь: гр. Όποιοι έρχονται και πάνε, απ' το χέρι την κρατάνε (перевод: Все, кто входит и выходит, ее за руку держат). – Рус. *Кто в дом ни идет – меня за руку берет.*

Замок: гр. Δε γαβγίζει, δε δαγκώνει μα στο σπίτι δεν αφήνει (перевод: Не лает, ни кусает, а в дом не пускает). – Рус. *Не лает, ни кусает, а в дом не пускает.*

Ножницы: гр. Δυο αδελφάκια αγκαλιασμένα και στην μέση κολλημένα (перевод: Два обнявшиеся братца прилипли в серединке друг к другу). – Рус. *Два брата всегда в обнимку, срослись в серединке.*

Пальцы: гр. Πέντε αδέρφια μαζί γεννιούνται, μαζί δουλεύουν, μαζί κοιμούνται, κανείς δεν κλαίει και δε γκρινιάζει και ούτε ο ένας του άλλου μοιάζει (перевод: Пять братьев вместе рождаются, вместе работают, вместе спят, никто не плачет и не жалуется, и ни один на другого не похож). – Рус. *Пять братьев – годами равны, а ростом — разные.*

Глаза: гр. Δύο αδερφάκια αγαπημένα το ένα το άλλο ποτέ δε βλέπει (перевод: Два братца живут в любви, а друг друга не видят). – Рус. *Два братца через дорогу живут, а друг друга не видят.*

Как видно из последних трех примеров, в греческом языке, так же как и в русском, в случае, когда денотат обозначает несколько объектов, либо один объект, включающий несколько составляющих, нередко используются образы сестер и братьев: *Два брата убегают, два другие — догоняют* (о колесах); *Тридцать три сестрички ростом невелички, если знаешь наш секрет, мы покажем целый свет* (об

алфавите); *Сто один брат, все в один ряд, одним кушаком подпоясаны* (об изгороди); *Нас семь братьев. Летами – равные. А именами разные* (о днях недели); *Τέσσερα αδερφάκια αγκαλιασμένα, σε ένα σεντουκάκι είναι κλεισμένα* (перевод: Четыре братца в обнимку заперты в одном ящичке (об орехе)).

Очевидно, что использование подобных метафор объясняется особым почитанием семейных уз в русской и греческой культурах, что было издревле закреплено христианской Православной традицией, определившей духовное развитие данных народов. В связи с этим нужно отметить, что для описываемых нами культур характерно использование терминов родства в целом в качестве образов сравнения для природных объектов: *Дедушка без топора мост мостит* (о морозе); *Братец бел, черна сестра* (о дне и ночи); *Братец в дом – сестра со двора* (о дне и ночи); *У дедушки жеребят – всему миру не собрать, у бабушки – всему миру не поймать* (о месяце и звездах) и для предметов быта: *Έχω μια κόρη που τη φιλούνε όλοι* (βρύση) – У меня есть дочь, которую все целуют (о кране); *У батюшки весится, у матушки светится, как сойдутся, так и сошлѣпнутся* (о колодце и ведре); *Ποια είναι εκείνη η μάνα που γεννάει τα παιδιά της και τα καταπίνει;* (θάλασσα) – Какая мать поедает дитя, которое сама же рождает? (о море)

Помимо антропоморфных метафор, наибольшее число совпадений образов сравнения в загадочных текстах насчитывается за счет зооморфизмов:

Игла: гр. *Σιδερένιο το άλογο, μπαμπακένια η ουρά του* (перевод: Железный конь, а хвост хлопчатобумажный). – Рус. *Конь стальной, хвост льняной.*

Ручка: гр. *Μαύρο άλογο σε άσπρο κάμπο, τρεις το κρατούν, δυο το ακολουθούν, και πίσω του μαύρα παιδάκια αφήνει* (перевод: Черная лошадь в белом поле. Трое ее держат, двое за ней идут, а она позади черных деток оставляет). – Рус. *В снежном поле по дороге. Мчится конь мой одноногий. И на много-много лет. Оставляет черный след.*

К данной группе загадок также можно отнести так называемые космогонические загадки, энигматом которых служат явления в наивысшей степени «неосвоенного» и обладающего властью над человеческой жизнью. Например, год, как временной цикл, в обоих языках отождествляется с образом мирового дерева, помогающего преодолеть природный хаос, лишь с той разницей, что в русском языке это дерево соотносится с конкретным видом – дубом, символом силы и мощи на Руси: *Ένας δέντρας μέ δώδεκα κλωνάρια, του κάθε κλωνάρ' εχ' απο τριάντα φύλλα, του κάθε φύλλου από τ'ν μια μεριά είναι άσπρου, από τ'ν αλλ' μάυρου* (ο χρόνος, οι μήνες και οι μέρες). / *Стоит дуб: на дубу двенадцать ветвей, на каждой ветке по четыре отростка, на каждом отростке по семи прутьев* (год, месяцы, недели).

2. Загадки, в которых метафоризация основывается на различных образах, что обусловлено различиями в языковых картинах представителей греческой и русской языковых картин мира.

Поскольку концептуальное представление в сравниваемых текстах опирается, как правило, на народные культурно-исторические традиции, вербализация установок культуры в каждом из рассмотренных языков зачастую базируется на образах, использующих реалии традиционного быта, фольклора и природы соответствующей страны, что и обуславливает национальный характер данной группы загадок, отражение в них некоторых черт менталитета народа-носителя языка.

Так, энигмат *яйцо* в русском языке метафорически закодирован посредством энигматора *тулуп* – традиционной зимней русской одежды, а в греческом языке образом скрытого сравнения служит бочка с двумя видами вина – национального греческого напитка.

Яйцо: гр. *Έχω ένα βαρελάκι κι έχει δυο λογίων κρασάκι* (перевод: У меня есть бочка, в которой два вида вина. – Рус. *Беленький тулупчик шит без рубчик*. Следует отметить, что среди русских народных загадок, бытующих в XVIII-XIX веках, также

встречается образ бочки в загадке о яйце, который, однако, не зафиксирован нами в сборниках более позднего периода: *Во белом городе, во темном подвале, стоят в одной бочке: царево вино, царицын мед, розно, не смешано.*

Другой пример связан с традиционным русским блюдом – блинами, который метафорически описывает зонт в русском языке, в то время как в греческом языке этот же денотат зашифрован с помощью образа церкви.

Зонт: гр. *Εκκλησία θολωτή ένας στύλος την κρατεί* (перевод: Влажная церковь держится на одном столпе). – Рус. *С виду клин, развернешь — блин.*

Церковь как метафорический образ, посредством которого зашифрован определенный денотат, встречается в греческих энигматических текстах довольно часто: *Εκκλησιά ζωγραφιστή, δυο παράθυρα στο φως, μία πόρτα ανοιχτή και καμπάνα σκαλιστή* – Нарисованная церковь с двумя освещенными окнами, с открытой дверью и ступеньками, ведущими к колоколу (о лице); *Μια ‘κκλησούδα μ’ένα ντιρεκούδι* – Церковка с одним столбом (о грибе).

Несмотря на то, что христианские образы встречаются и в текстах русских народных загадок, в греческом фольклоре им отводится особая роль. Так, существует целый комплекс греческих загадок с заместительными номинациями *монах/монашек (καλόγερος)*, которые не находят эквивалентов в русском языке. Рассмотрим следующие примеры.

Гранат: гр. *Χίλιοι μύκροι καλόγεροι σ’ ένα ράσο τυλιγμένοι* (перевод: Тысячи маленьких монахов завернуты в одну ряску). Метафоризация граната в русской народной традиции связана с печью – неотъемлемым предметом быта русского народа: рус. *Маленькая печка с красными угольками.*

Желудь: гр. *Ένα καλοεράκι, μικρό βουντουριδάκι, γεννιέται με σκουφάκι* (перевод: Один монашек рождается в коробочке с шапочкой). – Рус. *В золотой клубочек спрятался дубочек.*

Κιναρίς: гр. Ψηλός, ψηλός καλόγερος κουδούνια φοτωμένος (Высокий, высокий монах, увешанный колокольчиками). – Рус. *Дерево хвойное, вечнозеленое, длинное, стройное, в небо влюбленное.*

Дым: гр. Ψηλός καλόγερος μα κόκκαλα δεν έχει (перевод: Высокий монах без костей). – Рус. *Еще коня не запрягли, а он уже хвост поднял.*

Мельница: гр. Δώδεκα καλογεράκια το 'να τ' άλλο κυνηγά (перевод: Двенадцать монахов друг за другом гоняются). – Рус. *Птица юстица на девяти ногах стоит, на ветер глядит, крыльями машет, а сама ни с места.*

В то же время в русских фольклорных текстах встречается ряд загадок, метафорическая модель которых представлена образом девушки, с преобладанием устойчивого эпитета «красная девица»: *Красная девица в окошко глядится* (о солнце); *Красная девица росла в темнице, люди в руки брали, косы срывали* (о луке); *Красная девица, и всяк ее боится: и царь, и царица* (о смерти); *У восковой девицы, вся коса искрится, только дунет ветерок, затанцует огонек* (о свече) и др.

Помимо наименования *девица* распространены также *девушка, девка, дева, барышня* и традиционные на Руси имена собственные: *Стоит Матрёна здорова, ядрёна* (о печи); *Сидит Федосья – растрепаны волосья, кто мимо ее идет, тот ее дерганет* (о горохе). Соответственно наиболее распространенные женские и мужские имена встречаются в греческих текстах загадочного жанра: *Ο μπάρμπας μου ο Θεωρής δεκαεφτά βρακιά φορεί. Κόβω τα γενάκια του, πέφτουν τα βρακάκια του* – Мой цирюльник Теорис надевает 17 штанов. Отрезаю его бороду, и все штаны падают (о луке); *Κάθεται χοντρούλα Ξένια η κοιλιά της εν' ξυλένια και η ζώνη σιδερένια* – Сидит толстушка Ксения, у нее живот деревянный, а поясок железный (о бочке).

Несмотря на то, что в рассмотренном нами корпусе метафорических загадок выступающая в качестве источника метафоры номинация представителей животного мира имеет очень большое число совпадений в русском и греческом языках, нами были отмечены и случаи расхождения зооморфных метафор, используемых в

народных энигматических текстах, что в некоторых случаях объясняется этнокультурной спецификой рассматриваемых единиц. Например, образ медведя, посредством которого зашифрован денотат, не встретился нам ни в одной из проанализированных греческих загадок, в отличие от русских: *Заревел медведь на все горы, на все моря* (о громе); *У нас под лавкой медвежья лапка* (о полене). Рассмотрим остальные случаи несовпадений зоометафор, которые обнаруживают признаки устойчивых систем уподоблений и сравнений, на следующих примерах:

Язык: гр. *Πίσω από φράχτη κάτασπρο κόκκινη σκύλα μένει πότε γαβγίζει, πότε ορμά και πότε περιμένει* (перевод: За белым забором сидит **собака**, она то лает, то ожидает). – Рус. *Стоит корова в своём стойле — ей бы в стойле посидеть, а она на волю рвётся!*

Ложка: гр. *Γαϊδουρίτσα φортωμένη, σε σπηλίτσα πάει και μπαίνει* (перевод: Грузеная **ослица** в пещерку входит и выходит). – Рус. *Длиннохвостая лошадка привезла нам каши сладкой.*

Огонь: гр. *Ο αρνάκι μου το κόκκινο Θεός να το φυλάει. Σαν τρώει ξύλα θρέφεται σαν πίν' νερό ψοφάει* (перевод: Да хранит Бог мою красную **овечку**. Она питается деревом, а от воды умирает). – Рус. *Красная корова всю солому поела.*

Дым: гр. *Πουλί πάει στον ανήφορο χωρίς φτερά και κόκαλα* (перевод: **Птица** без крыльев и без костей летит вверх). – Рус. *Ещё коня не запрягли, а он уже хвост поднял.*

Керосиновая лампа: гр. *Γύρω-γύρω θάλασσα και μέσα ένα φίδι, το φίδι τρώει τη θάλασσα κι η θάλασσα το φίδι* (перевод: Вокруг море, внутри **змея**, змея питается морем, а море змеёй). – Рус. *Синее море, стеклянные берега, плавает утка, горит голова.*

Соглашаясь с Н.И. Сукаленко мы считаем, что подобные существенные расхождения конкретных языковых образов, как правило, результат «несопоставимо

глубоких различий целостного национально-культурного мировосприятия, только частично зафиксированного с помощью языка» [Сукаленко, 1992: 98].

3. Загадки, денотатами которых являются реалии, уникальные для каждой из рассматриваемых нами культур.

Закодированными объектами загадок данной группы являются уникальные элементы этнографической действительности, которые обладают своими кодами, своей семантикой, своими структурами и особенностями функционирования. Наиболее часто упоминаемые реалии относятся к предметам обихода, национальным костюмам, сказочным героям, растениям, специфичным для данных культур, географическим названиям:

Стоит Петруха – соломенное брюхо (о лапте); Горбатый кот бабе плечи трёт (о коромысле); Стоит мужик на берегу, воду льет за реку (о самоваре); Стоит Яга, во лбу рога (о печи и воронце); Стоит Баба Яга, распорота нога. Весь мир кормит, а сама голодная (о сохе).

Отгадки же ряда греческих народных загадок представляют трудность при переводе на русский язык, поскольку являются этнокультурными греческими реалиями: *Ψηλός ψηλός καλόγερος και πίτα το κεφάλι (φουρνέφτριγιο) – Высокий, высокий монах с головой-лепешкой.* Отгадка – предмет из дерева, который использовали для того, чтобы вынимать из печи лепешки.

Πτεεινός νυχάτος νυχποδαράτος περπατεί και κρίνει, τη δικαιοσύνη δείχνει (καντάρι) – Петух с коготками на ногах ходит и судит, демонстрируя справедливость. Отгадка – используемые в прошлом веке весы.

Кроме вышперечисленных случаев уникальных для каждого языка реалий, закодированных в народных загадках, мы относим к данной группе такие тексты, в которых в качестве денотата выступают природные явления, характерные именно для территории, населенной представителями данной этнокультуры. Так, в русском языке имеется немало загадок, связанных с российским холодным климатом,

которые полностью отсутствуют в греческом языке: *Щука хвостом махнула, лес погнула* (о вихре); *Дверь откроешь – лохматая собака зайдет* (о паре в мороз).

Как видно из сопоставительного анализа загадок греческой и русской лингвокультур, выбор объектов, их свойств и оснований метафоризации загадываемого денотата во многом определяется социокультурными факторами развития языкового коллектива и зависит от обиходно-культурного опыта его членов, вследствие чего представления о тех или иных свойствах загадываемого объекта в разных языках зачастую не совпадают. Несмотря на то, что около 1/3 проанализированного корпуса загадок отмечены универсальными чертами в плане взаимодействия первичной и вторичной концептосфер, а также в средствах создания образов, в целом, загадки представляют собой фольклорный жанр, в котором находит отражение национальная специфика каждого отдельного народа.

3.4.2. Эксперимент №3. Описание и интерпретация результатов

На третьем этапе наших экспериментальных исследований, целью которых было выявить особенности фольклорной картины мира русско-греческих естественных билингвов, нами был проведен эксперимент, направленный на определение степени понимания детьми 11–12 лет метафорических традиционных и современных загадок русского и греческого языков с различными принципами метафоризации и концептуализации. Проводимые в последнее время интенсивные исследования в области ассоциативного эксперимента, активно вводят понятия парадигматического и синтагматического типов ассоциаций. Синтагматическая близость отображает частотность совместной встречаемости слов. Если сравнить загадку с ассоциативным экспериментом, то можно сказать, что энигматор загадки отображает ассоциаты, а энигмат — то, что в ассоциативном эксперименте выступает как стимул. С этой точки зрения, загадка может быть интерпретирована

как обращённый, перевёрнутый ассоциативный эксперимент: стимул задан по возможным ассоциативным реакциям на него [Денисова, 2008: 38]. В опросе приняли участие 15 биетнических билингвов (билингвы 1) и 15 моноэтнических билингвов (билингвы 2).

Вначале ученикам были предложены традиционные загадки на русском языке в письменной форме (пример экспериментального бланка см. в Приложении В). Энигматами выступили следующие природные явления и объекты: *дождь, снег, ветер, гром, солнце, месяц, звезды, день и ночь, облако, море, ручей.*

Выбор подобной тематики для проведения эксперимента не случаен – отражая общечеловеческие реалии окружающего мира, каждое из загаданных явлений обнаруживает в энигматических текстах разных народов этноспецифичные черты мировосприятия, различные способы членения мира. Так, в русских народных загадках о солнце это небесное светило сопоставляется с ватрушкой или блином – традиционными русским блюдами, а в греческих – с тарелочкой масла, при этом общим остается гастрономический код в обоих языках: рус. *Катится золотая ватрушечка, никто ее не достанет – ни царь, ни царица, ни красная девица.* – гр. *Ένα ταψάκι βούτυρο όλότον κόσμο αλείβει* (перевод: Один маленький противень масла весь мир маслит). Для луны в русских загадках субститутотом выступает лепешка, в греческих – мисочка с медом: рус. *За домом у дорожки висит пол-лепёшки.* – гр. *Επάνω από σπ'ίτι μας χαλί στρωμένο με καρύδια και στη μέση μια κο'θπα μέλι* (перевод: Над нашим домом расстелен ковер, усеянный орехами, а в середине чашечка с медом); для звезд – горох и абрикосы соответственно: рус. *По 70 дорог рассыпан горох. Никто не собирает: ни царь, ни царица, один только Бог.* – гр. *Έχω μια χρυσομίλια και έχει πάνω βρουνδόμηλα, την ημέρα τα 'χάνα και τη νύχτατά 'βρίσκα* (перевод: У меня есть златояблоня, а у нее наверху златояблоки, днем я их теряю, а ночью нахожу). То есть в каждом языке единые для всех небесные светила

закодированы посредством понятий, связанных в сознании носителей языка со своими этноспецифичными идеями плодородия и достатка.

Результат отгадывания русских народных загадок показал низкий уровень владения билингвами фольклорным языковым кодом. Так, верный ответ на загадку о солнце дали 10% опрошенных, о месяце и звездах – 5%, а загадки о дожде, ветре, дне и ночи не отгадал ни один из 30 учеников. На наш взгляд, данный факт объясняется прежде всего присутствием в контексте загадок неактуальных признаков образа и малоупотребительной лексики (*ватрушечка* в загадке о солнце, *лепешка* в загадке о луне, *кафтан* в загадке о ветре, *долговязый* в загадке о дожде и т.д.). Загадки, содержащие имена собственные, включение которых в текст способствует не только передаче национального колорита, но и формированию своеобразных суждений о жизни народа, оказались особенно сложными для восприятия языковым сознанием билингвов: *Долговязый Тимошка бежит по дорожке (о дожде); Белый Тихон с неба стихан (о снеге)*. Однако здесь необходимо отметить тот факт, что понимание отгадки в некоторых случаях традиционных фольклорных текстов даже монолингвами возможно только при наличии фоновых знаний или вертикального контекста, так как многие слова уже вышли из активного употребления. Как совершенно справедливо отмечает М.О. Абдрашитова, «остаточные знания фольклорного кода предполагают во многом интуитивное соотношение определенных образов при общей утрате их традиционных символических смыслов в современной культуре» [Абдрашитова, 2012: 51].

Несмотря на то, что процент верно отгаданных традиционных русских загадок оказался весьма низким, заслуживает особого внимания способность школьников самостоятельно создавать метафорические образы, так или иначе подсказанные текстом данного жанра. Наиболее показательным примером образного мышления детей, участвующих в эксперименте, является, на наш взгляд, поэтический образ человеческих душ, зафиксированный в 4 ответах, который был вызван загадкой о

звездах: *По 70 дорог рассыпан горох. Никто не собирает: ни царь, ни царица, один только Бог (о звездах)*. Рассмотрим более подробно ответы, указанные билингвами обоих типов в качестве отгадок на предложенные им русские народные загадки.

Катится золотая ватрушечка, никто ее не достанет — ни царь, ни царица, ни красная девица (о солнце).

Данная загадка породила разнообразный спектр образов в обеих группах билингвов. Самым частотным вариантом отгадки явилось слово «колесо» (25% в первой группе и 32% – во второй), что говорит о типичности ассоциативных комплексов в языковом сознании моноэтнических и биэтнических билингвов. Однако сравнительный анализ ответов, данных представителями обеих групп, показал некоторые расхождения в системе образных ассоциаций между билингвами 1 и билингвами 2. Наиболее частотные реакции билингвов 1 (модель «один родитель – один язык»): *колесо, тарелка, мяч, монета, шар, сыр*. Наиболее частотные реакции билингвов 2 (модель «язык семьи – язык общества»): *колесо, яблоко, волшебный клубочек, бочка с матерью и сыном из сказки А.С. Пушкина, мяч*. Очевидно, что такие образы порождены близким знакомством билингвов с русским фольклором и классической литературой, что позволяет говорить о влиянии русской лингвокультурной среды на содержание образов языкового сознания билингвов.

За домом у дорожки висит пол-лепёшки (о месяце). На эту загадку было получено всего 2 правильных ответа, оба даны билингвами 2 группы, один из которых, как выяснилось в постэкспериментальной беседе, был знаком с данной загадкой. Среди остальных реакций (*блин, яблоко, сосулька, апельсин*) не наблюдается совпадений между исследуемыми группами, однако зафиксирована частотность повторяемости образов среди билингвов 2: *яблоко, надкушенное яблоко, яблоко на дерево*.

По 70 дорог рассыпан горох. Никто не собирает: ни царь, ни царица, один только Бог (звезды). Как уже отмечалось выше, данная загадка вызвала в сознании

билингвов (большой части билингвов 1 группы) немало поэтических образов. Так, среди частотных реакций билингвов 1-й группы: *души, люди, жизни, молитвы*; 2-й группы: *души, камни, грязь*.

Летит тархан по всем торгам, без пол кафтан, без пуговиц (о ветре). Данная загадка вызвала наибольшее количество отказов и ни одного верного ответа. Как выяснилось в дальнейшей беседе с учащимися, главным препятствием к выявлению загаданного денотата явилось непонимание лексических единиц, входящих в состав загадки, билингвами обеих групп. Среди наиболее частотных ответов зафиксированы следующие: *самолет, бабочка, птица*.

Чёрная корова всех людей поборолла, а белый вол всех поднял (о ночи и дне). Так же как, и предыдущая, данная загадка, состоящая полностью из метафор, не получила ни одного правильного ответа, вызвав, однако, немало различных образов, ассоциирующихся у билингвов с метафорами, посредством которых закодирован денотат: *брат и сестра, девочка и мальчик, ребенок, быковол*. Эта загадка вызвала 18 отказов, 10 из которых принадлежат билингвам 2.

Долговязый Тимошка бежит по дорожке (о дожде). Отсутствие явного сходства между скрытым концептом и кодовым денотатом загадки, а также непонимание слова «долговязый» обусловило появление неадекватных единичных реакций, названных билингвами: *собака, мужчина, ежик, кот*. В первой группе зафиксировано 8 отказов из 15, во второй – 11 из 15.

Летит орлица по синему морю, крылья расхвостала, солнышко достала (о туче). Выделяя в метафоре данной загадки определенное значение, которое основывается на сходстве, ребята в основном выбирали неправильный вид сходства, называя в качестве зашифрованного денотата *комета, рассвет, небосвод* (билингвы 1); *самолет, корабль с парусом, парашют* (билингвы 2). Количество отказов составило 5 из 15 в первой группе и 8 из 15 – во 2-й.

Бежит Коняшка по дну овражка (о ручье). Большинство детей, не заметив образности лексических единиц загадки, привели в качестве отгадок такие варианты, включающие буквальное толкование, как *жеребенок, лошадка, морской конек, пони*. Данная тенденция прослеживается в обеих группах билингвов, однако, превалирует количество правильных ответов в группе моноэтнических билингвов (6 из 10). Объяснением этому может служить непонимание некоторых лексических единиц, входящих в состав загадки; так, на этапе постэкспериментальной беседы выяснилось, что многие дети были незнакомы со словом «овражек», что обусловило большое количество отказов: 9 в первой группе и 8 – во 2-й.

Белые барашки по синему лугу гуляют (о море и волнах). Данная загадка получила наибольшее количество правильных либо приближенных к правильным (*пена морская*) ответов (23 из 30). При этом в 15 из 23 случаев правильные ответы были даны билингвами 1 группы. Наиболее частотной реакцией остальных информантов явился ответ *облака*.

Белый Тихон с неба стихан, где пробегает – ковром устилает (о снеге). Большая часть респондентов правильно ответили на эту загадку, однако в данном случае количество правильных ответов, данных билингвами 1 группы, уступало в количественном соотношении (9 из 22). Во всех остальных случаях зафиксирован отказ от реакции.

Из анализа данных примеров видно, что частотность повторяемости образов у билингвов 2 выше, чем у билингвов 1, также среди моноэтнических билингвов больший процент отказов. Мы предполагаем, что это связано с тем, что билингвы 1 группы в большей степени подвержены воздействию двух культур, что позволяет им совмещать в сознании разнообразные образы. При этом ответы билингвов из моноэтнических русскоязычных семей, включающие образы русского народного фольклора и русской классической литературы, свидетельствуют о значительной самоидентификации этих детей с русской культурой.

На втором этапе эксперимента, который проводился спустя пять недель, от билингвов требовалось разгадать современные русские загадки с теми же закодированными объектами и явлениями природного мира, однако отличающиеся от традиционных как лексико-синтаксической структурой, так и образностью. Сопоставление метафорических образов традиционных и современных загадок представляет интерес в связи с тем, что помогает увидеть изменения в фольклорных текстах в соответствии с изменениями общенациональных представлений об устройстве мира. Так, образ долговязого Тимошки в загадке о дожде сменился садовником, орлицы в загадке об облаке – пушистой ватой, метафора «белый Тихон», описывающая снег в традиционном тексте уступила место поэтическому образу звездочки в современной загадке: *Белый Тихон с неба стихан, где пробегает – ковром устилает./ Покружилась звездочка в воздухе немножко, села и растаяла на моей ладошке.*

Процент «распознавания» образа загадываемых реалий оказался в среднем выше в 2.5–3 раза по сравнению с загадками традиционными. Это, на наш взгляд, объясняется наличием рифмованных фраз и переложением текстов загадок на более близкий школьникам разговорный язык. Кроме того, ассоциативные связи энигмата с ассоциатом оказываются более сильными в современных загадках, поскольку вытеснение неактуальных образов значимыми для современной культуры является одним из характерных свойств жанра загадки в целом. При этом мы согласны с мнением Д.А. Перваловой, которая считает, что сам механизм отгадывания современных загадок значительно отличается от механизма отгадывания традиционных загадок: «Этот процесс максимально приближен к решению задачи, где необходимо суммировать имеющиеся данные и вывести ответ, что приводит к постепенной «рационализации» жанра загадки. «Востребованным оказывается логический подход к отгадыванию загадок, тогда как при отгадывании традиционных текстов в большей степени было задействовано образное мышление.

Данный процесс свидетельствует о большей востребованности логического мышления в современном мире» [Перевалова, 2015: 94].

В любом случае не вызывает сомнения то, что загадка о дне и ночи, содержащая метафору сестры с братом, гораздо более понятна и близка сегодняшним школьникам, чем традиционный энигматический текст о черной корове и белом быке: *Чёрная корова всех людей поборола, а белый вол всех поднял./ Друг за дружской чередой мирно ходят брат с сестрой. Братец будит весь народ, а сестра, наоборот, – спать немедленно зовёт.* Так же как солнце скорее будет ассоциироваться с алым шаром, чем с золотой ватрушечкой из народной загадки: *Алый шар с утра над крышей погулять по небу вышел. Он гулял, гулял, гулял. Встретил вечер – и пропал (о солнце).*

В целом, на данном этапе эксперимента верно было отгадано около 75% загадок билингвами 1 и 86% загадок билингвами 2. Наибольший процент правильных ответов в обеих группах получили такие загаданные природные явления, как «снег» и «дождь»: *Покружилась звездочка в воздухе немножко, села и растаяла на моей ладошке (о снежинке); Кто это такой садовник — полил вишню и крыжовник, полил сливу и цветы, вымыл травы и цветы?(о дожде).*

Заслуживает особого внимания тот факт, что, несмотря на значительно более низкий процент отказов на данном этапе исследования, современные загадки не вызвали в сознании школьников такого разнообразия образов, как в случае с загадками традиционными. В большинстве случаев примеры индивидуально-авторских реинтерпретаций ответа явились результатом намеренных трансформаций вследствие неспособности участников эксперимента отгадать загадку. Так, в ответах на загадку *Друг за дружской чередой мирно ходят брат с сестрой. Братец будит весь народ, а сестра, наоборот, – спать немедленно зовёт* – встречаются конкретные имена собственные школьников и их братьев/сестер; среди вариантов ответов на загадку о ветре (*Это что за невидимка хлопает в саду калиткой, на*

столе листает книжку, шорохом пугает мышку, сорвал с бабушки косынку, покачал в коляске Димку, поиграл листвой на ветках...) – привидение, домовой.

На последнем этапе, который мы провели спустя еще шесть недель, ученикам предстояло отгадать греческие традиционные загадки с теми же закодированными природными явлениями. Количество верных ответов составило в среднем 65%, что значительно превосходит процент правильно отгаданных русских народных загадок. Данный факт может быть объяснен особой культурно-исторической преемственностью, выраженной, среди прочих, и на языковом уровне, что объясняется большей приверженностью греков и киприотов к своим традициям по сравнению с русским народом, а также их известной боязнью утраты своей национальной идентичности. Будучи глубоко религиозной нацией, греки воплотили свой духовный опыт во многих фольклорных текстах. По этой же причине греческие народные загадки не претерпели таких заметных трансформаций, как соответствующие русские тексты, и используются в дошкольном и школьном обучении в своем первоначальном неизменном виде, что предопределило знание школьниками ответов на многие загадки во время эксперимента. Так, актуализированные в греческих загадках о дожде, ручье, облаке и т.д. традиционные метафоры оказываются прочно закрепленными в языковом сознании билингва, поскольку в языке по большей части отсутствуют эквиваленты, которые могли бы быть порождены современными образами. По этой причине мы ограничились включением в эксперимент традиционных загадок греческого языка.

На загадку о дожде: *Του παππούλη τα γένια φτάσουν ως τη γη* (перевод: Борода дедушки до земли достала) правильно ответили 55% опрашиваемых (17 участников эксперимента), из них 11 – билингвы 1-й группы; об облаке: *Ένα ‘ασπρο πρόβατο που δεν έχει κεφάλι και πόδια* (перевод: Белая овечка без головы и ног) – 50%; о море – *Πάπλωμα παπλωματίζει, πέφτει κάτω και μουγκρίζει* (перевод: Покрывало стелется и рокошет) – 60% (18 участников эксперимента), из которых 12 – билингвы 1.

Наибольшую сложность представили для учащихся греческие загадки о небесных светилах. На загадку о звездах – *Έχω μια χρυσομιλιά και έχει πάνω βρουνδόμηλα, την ημέρα τα χάνω και τη νύχτατά βρίσκα* (перевод: У меня есть золотая блоня, а у нее наверху золотая блоха, днем я их теряю, а ночью нахожу) – правильно ответили лишь 15% билингвов, 55% не ответили совсем.

Также затруднение вызвала загадка о солнце, на которую не смогли ответить правильно 28 учащихся – *Ένα ταψάκι βούτυρο όλο τον κόσμο αλείβει*. На загадку о месяце – *Επάνω από σπ'ίτι μας χαλί στρωμένο με καρύδια και στη μέση μια κούπα μέλι* (перевод: Над нашим домом расстелен ковер, усеянный орехами, а в середине чашечка с медом) – 9 учащихся (среди которых представители обеих групп) в качестве загаданного объекта указали крышу с трубой; среди единичных ответов, принадлежащих билингвам второй группы, зафиксированы случаи прямой отсылки к образам русской традиционной культуры: *остров в море, скатерть с угощением, ковер-самолет*.

В целом, на наш взгляд, высокий процент правильно отгаданных (именно отгаданных, а не известных информантам заранее) греческих народных загадок свидетельствует о близости образов, формирующих индивидуальную ФКМ билингвов, образам, хранящимся в национальной языковой картине мире греческой фольклорной культуры. Подобные образные ассоциации – это, по словам Н.Л. Лейдермана, «механизмы самых интимных, подсознательных психических реакций. Они несут в себе доведенную до рефлекса родовую память этноса: они порождены условиями жизни — природой, бытом, трудом, нравами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века. Это самые мельчайшие архетипы национального сознания» [Лейдерман, 2015: 38]. Вместе с тем многие из ошибочных ответов моноэтнических билингвов убедительно доказывают факт хранения русских культурно-национальных образов в языковом сознании информантов.

Данные количественного соотношения верно отгаданных загадок на каждом этапе эксперимента представлены в Таблице 4.

Загаданный денотат	Количество правильно отгаданных традиционных русских загадок		Количество правильно отгаданных современных русских загадок		Количество правильно отгаданных традиционных греческих загадок	
	Бил. 1	Бил. 2	Бил. 1	Бил. 2	Бил. 1	Бил. 2
Солнце	3	4	10	14	5	2
Луна	0	2	9	13	4	0
Звезды	1	2	12	13	4	1
Ветер	0	0	15	15	3	3
День и ночь	0	0	14	15	7	5
Дождь	0	0	13	15	11	6
Облако	5	5	9	13	6	6
Ручей	4	6	10	14	5	2
Море	15	8	12	12	2	0
Снег	9	13	15	15	12	8

Таблица 4 – Количественное соотношение правильных ответов по результатам отгадывания загадок (эксперимент №3)

Проанализировав количественные и качественные характеристики полученного в результате эксперимента эмпирического материала, мы пришли к следующим результатам:

1. Количество правильно отгаданных русских современных загадок значительно превышает в процентном соотношении число верно отгаданных как русских, так и греческих традиционных загадок в пределах каждой из рассматриваемых групп билингвов;

2. Стереотипные образы, представленные в греческих традиционных загадках, оказываются более близки билингвам из биэтнических семей, соответственно в этой группе было получено наибольшее количество правильных ответов.

3. В отгадывании русских традиционных загадок лучшие результаты показали билингвы из моноэтнических семей. Как указывает в своем исследовании Д.А. Перевалова, «разгадывание традиционной загадки чаще всего представляет собой опознание признака, характерного для скрытой загаданной реалии. Современные загадки чаще всего представляют собой развернутое описание скрытой реалии или целой ситуации, включающей в себя все компоненты, характерные для загаданной реалии, и его функцию» [Перевалова, 2015: 12]. Это означает, что для отгадывания традиционной загадки необходимо либо знать ответ заранее, либо обладать хорошим образным мышлением, способным проникнуть в нестандартные ассоциативные механизмы, лежащие в основе созданных загадками образов. Загаданные нами русские традиционные загадки не были знакомы билингвам из предыдущих уроков, однако в результате постэкспериментальной беседы было установлено, что некоторые из верно отгаданных загадок были известны учащимся (преимущественно билингвам 2 группы) из других источников.

4. Ответы билингвов из моноэтнических семей, включающие специфические для русской языковой картины образы, свидетельствуют о влиянии русской лингвокультурной среды на содержание образов языкового сознания информантов данной группы.

5. Реакции билингвов отражают ту степень системности образов мира и то сочетание «наивных» и научных представлений о мире, которые в действительности существуют в сознании испытуемых и к овнешнению которых их вынуждает процедура эксперимента, а именно отсутствие определенного типа этнического мировосприятия, продиктованного включенными в предложенные участникам эксперимента загадки стереотипными для каждого народа образами. Поскольку в

основе каждой из предложенных нами загадок лежит метафора, которая, образуя определенные тождества, опирается на переносы, зафиксированные в системе языка, анализ вариантов отгадок билингвов позволяет сделать определенные выводы о соотношении образов русской и греческой языковых картин в языковом сознании билингвов. Рассматривая реакции билингвов как отражение той степени системности образов мира представлений о мире, которые в действительности существуют в их сознании, мы можем сделать вывод о том, что фольклорная картина мира билингвов 1 в большей степени сочетает традиционные образы двух культур, в то время как билингвы 2 демонстрируют признаки доминантности русской культуры.

6. Включение традиционных загадок в занятия по развитию речи является необходимым условием передачи детям-билингвам национальных культурных ценностей и представлений, сложившихся в конкретном языковом коллективе о мире, поскольку способствуют погружению в национальную культуру, ознакомлению с этнографическим материалом.

3.5. Народная фразеология как культурно-языковой компонент в составе фольклорной картины мира билингва

3.5.1. Этносемантический анализ греческих и русских фразеологизмов

В основе фразеологизма, как семантически несвободного сочетания слов, как правило, лежит образная мотивированность, которая создается стандартным тропом (метафора, метонимия, гипербола), понятным определенному языковому коллективу и воспроизводимым в речи членами этого коллектива. «В качестве механизмов создания этого процесса выступает способность языковых знаков к формированию вторичных значений на основе переноса первичных значений и производства мотивированных языковых единиц» [Черданцева, 1988: 84].

Как правило, фразеологизируются те аспекты действительности, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами, однако со временем первичное значение и его первоисточник полностью утрачиваются, сохраняя общий смысл устойчивого выражения благодаря лежащему в его основе образу. Таким образом во фразеологическом фонде каждого языка образуется собственная система образов, служащая своего рода культурной памятью народа, благодаря наличию лингвокультурологических коннотаций. При этом имплицитная информация, имеющая непосредственное отношение к конкретному фразеологизму и его происхождению, не всегда оказывается доступной для понимания даже носителям языка. Впервые сталкиваясь с неизвестным фразеологизмом на родном языке, человек прикладывает определенные усилия, чтобы понять смысл услышанной или прочитанной фразы. «Эти дополнительные усилия, как правило, не сводятся к простому анализу вербальной последовательности, а требуют привлечения культурологических фактов или экстралингвистической информации практического характера» [Емельянова, 2011: 170].

В своем исследовании «Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект)» М.Л. Ковшова на примере конкретных ФЕ доказывает взаимосвязанность языковой семантики и семантики культурной при восприятии и интерпретации фразеологизма. Содержание культурной коннотации «достраивает» семантику языкового знака, преодолевает семантическую неопределенность отдельных фразеологизмов, объясняет феномен их эврисемичности, или широкозначности [Ковшова, 2009].

Согласно разработанной ученым модели культурной интерпретации ФЕ, индивидом как языковой личностью реализуются следующие виды мыслительной деятельности: 1) «пробуждение» в памяти древнейших смыслов, относящихся к далекому прошлому культуры; 2) припоминание знаний и представлений, связанных

с происхождением фразеологизма; 3) «соединение» образа фразеологизма, или его ассоциирование, с символами, эталонами, стереотипами, мифологемами и др. Ментальное образование, возникающее в результате описанных действий, представляет собой культурную коннотацию фразеологизма.

Поскольку ранний билингвизм в условиях двуязычия предполагает развитие бикультуральности билингвов в той или иной степени, можно предположить, что культурная интерпретация ФЕ обоих языков, которыми владеют билингвы, осуществляется по такой же схеме. Однако опыт работы с двуязычными детьми убеждает нас в том, что уже на первой ступени процесса – «пробуждения» в памяти древнейших смыслов, относящихся к далекому прошлому культуры – у билингвов возникают определенные трудности. Вероятно, подобная модель культурной интерпретации ФЕ возможна в случаях с бикультуральными билингвами более зрелого возраста, владеющими достаточными фоновыми знаниями, релевантными для обеих лингвокультур, и знакомыми с культурно-историческими традициями, но не с билингвами школьного возраста. Сталкиваясь с незнакомыми ФЕ при чтении художественных произведений на уроках литературы, билингвы зачастую испытывают сложности с пониманием текстов; неверная интерпретация фразеологизмов нередко приводит к искаженному восприятию целого произведения. Так, например, при чтении второй главы повести Ю. Коваль «Приключения Васи Куролесова» *Тертый калач*, как правило, требуется специальный лингвокультурологический комментарий для обеспечения ее адекватного восприятия учащимися.

Практика показывает, что билингвы 1-го года обучения русскому языку, независимо от возраста и способа формирования двуязычия, демонстрируют слабое владение русским фразеологическим фондом, оказываются неспособными интерпретировать даже такие общеупотребительные единицы, как *обвести вокруг пальца*, *без году неделя*, *намылить шею*, оперируя конкретными цельными образами,

что свидетельствует о необходимости проведения целенаправленной работы с билингвами по усвоению ФЕ. На занятиях по русскому языку и развитию речи нами было отмечено, что, встречая определенный фразеологизм в тексте, билингвы одного возраста демонстрируют различную степень его понимания. В результате анализа теоретической литературы и практических исследований отечественных и зарубежных лингвистов мы пришли к выводу, что правильная интерпретация ФЕ билингвами зависит от трех факторов: **семантической мотивированности, контекста и частотности употребления фразеологизма в речи**. Четвертый фактор, правомерность которого актуальна именно в случаях билингвизма, – **наличие эквивалентных ФЕ** в одном из языков – был выделен нами дополнительно в процессе проведения исследовательской работы.

Мотивированность (или, согласно западной терминологии, **прозрачность**) ФЕ определяется корреляцией между буквальным и образным значением [Nippold & Taylor, 1995] или иначе обусловленностью связи между планом выражения и планом содержания ФЕ [Золотова, 1978; Мелерович, Мокиенко, 2008]. Абсолютная немотивированность свойственна тем фразеологизмам, которые утратили свое буквальное (этимологическое) значение, вытекающее из значений слов-компонентов, и обладают только переносным (актуальным) значением, возникшим в результате переосмысления буквального (*сесть в калошу, остаться с носом, перемывать косточки, το βλέπω πολύ χλωμό, παρά τρίχα, την έβαψα*). Значение семантически прозрачных ФЕ можно вывести из составляющих его компонентов, например, *ни свет ни заря, чем Бог послал, βγάζω εισιτήριο, με τις ώρες, με την ησυχία σου* и др., что значительно облегчает его понимание. Говоря о семантической прозрачности идиом, некоторые ученые [Sprenger, Levelt, Kempen, 2006] связывают ее со степенью семантической неделимости компонентов. Пользуясь классификацией В.В. Виноградова [Виноградов, 1977: 140-161], к семантически неделимым образованиям можно отнести семантические сращения (*бить баклуши,*

мозолить глаза) и семантические единства (*поливать грязью, сжигать мосты*). Данные единицы обладают наименьшей прозрачностью. В отличие от них, фразеологические сочетания (*скалить зубы, трескучий мороз*) характеризуются смысловой разложимостью, в них допустима вариантность или перестановка компонентов, включение определений (*насупил густые брови*). Значение таких фразеологизмов обладает наибольшей семантической мотивированностью, а следовательно – они имеют наибольшие шансы на получение правильной интерпретации.

Контекст является решающим фактором, влияющим на понимание фразеологизмов, встречающихся как в письменной, так и в устной речи, при этом, если в разговоре сопутствующим фактором могут служить экстралингвистические факторы, то при чтении контекст оказывается особенно значимым. Наиболее велика идентифицирующая функция контекста в случаях с интерпретацией ФЕ, обладающих наименьшей прозрачностью. На основании исследований, проведенных с детьми дошкольного, младшего школьного и среднего школьного возрастов, зарубежные ученые [Levorato, Nesi, & Cacciari, 2004] заключили, что способность извлекать значение новых фразеологизмов, используя контекст, начинает проявляться в младшем школьном возрасте (4-х- и 5-тилетние дети демонстрируют неспособность использовать контекстуальные связи) и увеличивается по мере взросления детей. При этом экспериментальные наблюдения и теоретические обобщения по данной проблеме И.Н. Митькиной показывают, что дети старшего дошкольного возраста вполне способны не только понимать, но и сознательно использовать в речи определенные фразеологические обороты [Митькина, 2001: 3].

В сравнении с первыми двумя факторами третий – **частотность употребления ФЕ в речи** – является наименее стабильным, зависящим от различных социальных и географических причин. Кволлс и Харрис [Qualls, Harris, 1999] в своем исследовании приходят к выводу о том, что фразеологизм, который встречался

информанту ранее, в большинстве случаев верно интерпретируется им при минимальной затрате времени в сравнении с совершенно незнакомым фразеологизмом. Наши наблюдения за билингвальными детьми доказывают, что устойчивое фразеологическое сочетание, услышанное ребенком несколько раз в однотипных ситуациях, в дальнейшем с легкостью воспроизводится им в пределах схожих ситуаций, что свидетельствует о его правильном понимании.

Нами был выделен дополнительный критерий, который, по нашему мнению, играет большую роль в способности билингвов декодировать значение нового фразеологизма – *наличие его семантического эквивалента во втором языке*. Как правило, фразеологизм, который знаком билингву в одном из языков, автоматически переходит в активный запас другого, если является его семантическим аналогом, что значительно облегчает понимание билингвами многих текстов, содержащих данные единицы. В связи с этим необходимо отметить, что в процессе отбора фразеологизмов для проведения дальнейшего эксперимента и в результате анализа фразеологических единиц русского и греческого языка общим объемом 220 единиц нами было выделено три группы фразеологизмов по степени их эквивалентности:

1. *Абсолютные эквиваленты* – ФЕ, характеризующиеся полным соответствием компонентного состава, образности, структурно-грамматических и стилистических характеристик. К данной группе следует отнести в первую очередь ФЕ русского и греческого языков, имеющие библейское происхождение, например, *φύλαξε το ὡς κόρη οφθαλμοῦ*/ беречь как зеницу ока, *το ἄλας της γης*/ соль земли, *μανα ἐξ ουρανοῦ*/ манна небесная, *πρόβατο ἐπὶ σφαγῆς*/ овца на заклание и др., широкое использование которых как в русской, так и в греческой лингвокультурах объясняется общей, объединяющей их верой, которая обнаруживает свое постоянное присутствие в лексико-семантическом строе обоих языков. Вторую подгруппу составляют эквивалентные фразеологизмы, восходящие своими корнями к мифологии. Нами было отмечено, что, благодаря тесному знакомству учащихся с древнегреческой

мифологией, изучению которой посвящено достаточно много часов в национальной школе, билингвы без труда угадывают смысл эквивалентных фразеологизмов на русском языке: *Αχιλλειος πτέρνα*/ *Ахиллесова пята*, *Γόρδιος δεσμός*/ *гордиев узел*, *Δαμόκλειος σπάθη*/ *Дамоклов меч*, *Κουτί της Πανδώρας*/ *ящик Пандоры* и др.

Третью подгруппу межъязыковых соответствий составили народные фразеологизмы, такие как *τραβῶ τα μαλλιά μου* / *рвать на себе волосы*, *βάζει στο μάτι* / *положить глаз (на кого-л.)*, *μετρημένοι στα δάχτυλα* / *по пальцам можно пересчитать*, *είναι από πρώτο χέρι* / *из первых рук*, *κατάπιε τη γλώσσα σου* / *проглотил язык*, *μυρίζει ψητό*/ *запахло жареным* и др. Наличие подобных фразеологических эквивалентов подтверждает высказанную нами во второй главе мысль о том, что общность человеческого мышления, заложенная в самой природе человека как сущностное свойство его бытия, в вербализованной форме проявляется в конкретных национальных языках в виде лингвистических универсалий. Объективная реальность репрезентируется в понятиях, закрепленных в лексических единицах, что детерминирует возникновение межъязыковых эквивалентов.

2. *Частичные эквиваленты* – фразеологизмы, эквивалентные по семантике, но отличающиеся планом выражения, т.е. имеющие в основе другой образ, с различной лексико-грамматической структурой, например, *покупать коша в мешке* и *αγοράζει γουρούνι στο σακί* (=покупать свинью в мешке), *белая ворона* и *μαύρο πρόβατο στο κοπάδι* (=черная овца в отаре), *считать ворон* и *βαράει μύγες* (=считать мух), *сидеть как на иголках* и *κάθεται σ' αναμμένο κάρβουνο* (=сидеть на горящих углях), *искать иголку в стоге сена* и *γυρεύει ψύλλους στ' άχυρα* (=искать блох в стоге сена), *язык без костей* и *το ψαλίδι πάει η γλώσσα του* (=язык как ножницы).

3. *Безэквивалентные или лакунарные фразеологизмы* – ФЕ, не имеющие активно используемых фразеологических соответствий в одном из языков. Л.К. Байрамова, описывая подобные фразеологизмы, характеризует их как «фразеологические единицы, коррелирующие с фразеологическими лакунами

сопоставляемого языка. Фразеологическая лакуна – нулевой фразеологический коррелят лакунарного фразеологизма» [Байрамова, 2011: 24]. Среди основных причин возникновения безэквивалентных фразеологизмов можно назвать отсутствие определенных реалий в одном из языков (*μπρίκια κολλάμε*), а также особенности национального мировосприятия, специфику культурно-исторического развития народа. Например, греческий фразеологизм *γίνομαι Τούρκος* (дословно: становлюсь турком) / *быть вне себя от гнева* возник в результате длительной оккупации Греции турецкими войсками и не имеет соответствий в русском языке в силу своей этнокультурной специфики. Географическим положением Греции и Кипра объясняется большое количество ФЕ греческого языка, имеющих в своем составе названия морских животных: *τι είναι ο κάβουρας* *τι είναι το ζουμί του, γαρίδα το μάτι, έβγαλε λαβράκι, τον χτυπάει/κοπανάει κάτω/χάμω σα χταπόδι, είσαι σα μπαγιάτικο μύδι, θα σε σκίσω σα σαρδέλα* и др. К данной подгруппе следует также отнести ФЕ, содержащие имена собственные: *Πήγε η ψυχή του στην Κούλουρη; На всю Ивановскую.*

Таким образом, на способность билингва правильно интерпретировать незнакомые фразеологизмы одного из языков, которыми он владеет, влияют по крайней мере четыре фактора. Однако некоторые ученые, с которыми мы не можем не согласиться вследствие собственных наблюдений за билингвами школьного возраста, указывают на немаловажную роль так называемого чувства языка в декодировании смысла ФЕ и овладении языком в целом [Леонтьев, 1997; Эльконин, 2007]. Под термином «чувство языка» мы, вслед за Е.Д. Божович, понимаем «механизм селекции и контроля языковых единиц, в которых соотношение семантического и формального носит объективно неформализованный, варьирующий характер» [Божович, 1988: 73]. Об этом же пишет Стивен Пинкер в своей книге «Язык как инстинкт», замечая при этом, что и для языкового инстинкта необходимо сознание, «состоящее из адаптированных вычислительных модулей, а не чистый лист, кусок воска или общецелевой компьютер Стандартной социальной

научной модели» [Пинкер, 2004: 136]. Из этого следует, что для того, чтобы чувство языка было развито в достаточной степени, обеспечивающей способность билингва правильно интерпретировать незнакомые языковые, и в том числе фразеологические, единицы, ребенок должен получить достаточный языковой опыт. Согласно нашей гипотезе, языковой опыт билингвов из биэтнических и моноэтнических семей различен: первые имеют более ограниченный языковой опыт, отражающий особенности русской фразеологии, в сравнении со вторыми, и наоборот, дети, усваивающие два языка по принципу язык общества (греческий) – семейный язык (русский) получают больше возможностей для развития языковой интуиции в отношении греческой фразеологии. Таким образом, мы вновь приходим к выводу о том, что каждый фрагмент ФКМ билингвов характеризуется асимметричным составом греческих и русских языковых единиц (на данном этапе эксперимента – ФЕ). Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами была подготовлена и проведена серия экспериментов, позволяющих определить степень зависимости способности правильно определять билингвом значение ФЕ русского и греческого языков от типа раннего билингвизма. В соответствии с целями и задачами нашего исследования, направленными на изучение особенностей ФКМ билингвов, для проведения эксперимента нами была использована лишь та часть фразеологического фонда обоих языков, в состав которой входят фразеологизмы фольклорного и бытового происхождения национального фразеологического минимума, имеющие речевую частотность не ниже средней. Отбор лексического материала на русском языке был осуществлен на основе анализа текстов художественных произведений для детей младшего и среднего школьного возраста, включенных в программу занятий с билингвами, а также – методом сплошной выборки – из разработанного Е.А. Быстровой «Фразеологического минимума русского языка для национальной школы» [Быстрова, 1976] и других лексикографических источников. Греческие фразеологизмы, используемые для проведения эксперимента, были отобраны на

основе анализа школьной литературы государственной школы Кипра и устного бытового дискурса, участниками которого являются представители греческой и кипрской этнокультур.

Нами были исключены ФЕ 1-го типа эквивалентности, поскольку особый интерес для нашего исследования представляли образно мотивированные фразеологизмы 2-й и 3-й групп, отражающие национальное своеобразие восприятия реалий окружающего мира носителей того или иного языка. Так как в выборе образов данных ФЕ прослеживается их тесная связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами, то высокий уровень владения подобными единицами русского и греческого языков свидетельствует о сбалансированной бикультуральности билингвов, ярко выраженная асимметрия же в пользу одного из языков говорит о доминантности соответствующей культуры.

3.5.2. Эксперимент №4. Описание и интерпретация результатов

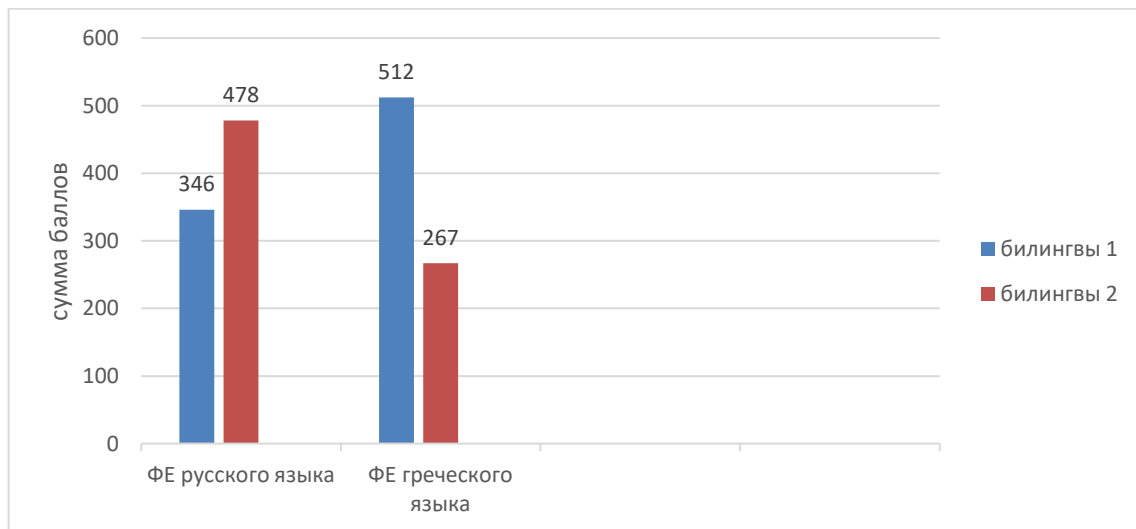
К участию в данной части экспериментального исследования были привлечены 36 русско-греческих билингвов. На первом этапе эксперимента билингвам были выданы печатные листы, содержащие список из 40 ФЕ на русском языке и 40 ФЕ на греческом языке (экспериментальный бланк для информантов представлен в Приложении Г), и прочитана инструкция по выполнению задания, которое включало два пункта:

1. Выбрать один из предложенных вариантов и записать напротив каждой ФЕ соответствующую цифру: 1) этот фразеологизм встретился вам впервые; 2) вы его слышали, но не знаете его значения; 3) этот фразеологизм вам хорошо знаком.

2. Объяснить в письменной форме, как вы понимаете значение данного фразеологизма.

Под «фразеологическим значением» мы понимаем закрепившееся в языковой практике носителей языка значение устойчивого сочетания слов, «абстрагированное от семантики входящих в его состав отдельных языковых элементов, не распределяющееся непосредственно и полностью между входящими в состав сочетания словами» [Мелерович, Мокиенко, 2008: 44].

В данном случае мы пользовались классификацией уровня знакомства с любой лексической единицей, предложенной Е. Дейлом в 1965 году: а) never heard it before, b) heard it, but doesn't know what it means, c) recognizes it in context as having to do with _____, and d) knows it well [Dale, 1965]. Значение термина «фразеологизм» ребятам было известно из предыдущих занятий. Результаты суммарного подсчета баллов показали значительную разницу в двух экспериментальных группах, которая отражена на Рисунке 6.

Рисунок 6 – Суммарное соотношение баллов, выражающих степень знакомства биллингов с русскими и греческими ФЕ

Как видно из диаграммы, в группе биэтнических биллингов (голубой цвет) количество баллов, измеряющих степень знакомства учащихся с фразеологизмами греческого языка, значительно превосходит сумму баллов в отношении русских ФЕ;

в группе моноэтнических билингвов (красный цвет) наблюдается обратная ситуация. Подобную разницу мы объясняем асимметричностью языкового инпута, получаемого двуязычными детьми на русском и греческом языках. Очевидно, что, по крайней мере, в пассивном фразеологическом запасе билингвов 2 будут преобладать такие языковые единицы русского языка, которые получают наибольшую реализацию в бытовом дискурсе. В то же время знакомство билингвов данной группы с ФЕ греческого языка оказывается ограниченным школой и дополнительными занятиями, результатом чего является более низкий количественный показатель уровня владения. При качественной обработке результатов данного этапа эксперимента было отмечено, что наибольшее количество как греческих, так и русских ФЕ, получивших баллы «2» и «3», т.е. в определенной степени знакомых билингвам, принадлежит образно мотивированным ФЕ. Мы склонны объяснять это тем, что, представляя собой яркую и непривычную комбинацию слов, эти ФЕ вызывают определенные ассоциации, благодаря чему легко запоминаются. Наиболее известными оказались русские фразеологизмы *валять дурака*, *намотать себе на ус*, *в глубине души* и греческие фразеологизмы *θα φας ζύλο* (= будешь наказан, дословно: съешь древесину), *τα έκανα θάλασσα* (=я все испортил, дословно: я сделал это морем) и *κάνω μια τρύπα στο νερό* (=все, что делаю, не приносит толку, дословно: делаю дырку в воде). Наименьший балл получили такие ФЕ, как *Филькина грамота*, *пуд соли съесть*, *во всю Ивановскую*, *κάνει τον ψόφιο κορό* (=притворяться равнодушным, дословно: делать мертвого жука), *μου έβγαλε τα σωθικά* (=измотал мне душу, дословно: вынул мои внутренности). Как видно из примеров, это безэквивалентные фразеологизмы, мотивированные актуальными лишь для одной из лингвокультур знаниями и представлениями.

Использование методики субъективных дефиниций на данном этапе исследования позволило выявить различные уровни понимания значения и различные способы интерпретации значений ФЕ билингвами, а также детально

проанализировать доминантные особенности языка информантов, что является необходимым для описания фольклорной картины мира билингвов. Нами были выделены три уровня понимания: *полное, частичное (неполное) и ложное*. При определении уровня мы ориентировались на кодифицированное значение ФЕ согласно словарным статьям. Отказ от дефиниции свидетельствует о непонимании значения ФЕ информантом. Первичная обработка бланков ответов показала довольно большой процент отказов от реагирования – 26.6% для русских ФЕ и 21% для греческих ФЕ. При анализе данных обнаружилось, что некоторые из фразеологизмов, которые билингвы посчитали хорошо известными, поставив соответствующий балл «3», были истолкованы ими неправильно, а значение многих фразеологизмов, получивших 1 и 2 балла, было определено верно.

Наиболее частотными вариантами интерпретации значения ФЕ в случае *полного (адекватного) понимания* явились развернутая дефиниция и дискурсивная семантизация, включающая конкретные личные примеры, что иллюстрируют приведенные ниже реакции школьников (см. Таблицу 5).

ФЕ	Билингвы 1	Билингвы 2
<i>Вывести на чистую воду</i>	Узнать всю правду о человеке, который говорит неправду; узнать правду	Доказать чью-то вину, несмотря на то, что он долгое время притворялся невинным; разоблачить кого-то.

Продолжение Таблицы 5

ФЕ	Билингвы 1	Билингвы 2
<i>Вставля́ть палки в колеса́</i>	Портить чьи-то дела; испортить планы; помешать исполнить что-то; специально мешать кому-то	Мешать что-то делать; препятствовать исполнению планов; портить жизнь другим людям, особенно, если кто-то завидует другому, он будет ему портить жизнь, может говорить о нем неправду другим людям; не давать покоя; делать пакости кому-то;
<i>Ждать у моря погоды</i>	Ждать долго и зря; просто ждать;	Ждать долго и без толку; ждать и ничего не предпринимать, что бы получить это; надеяться на что-то невозможное, например, что тебе купят новый компьютер, а самому ничего не делать для этого
<i>Наломать дров</i>	Что-нибудь натворить; испортить дело; сделать что-то плохое, что будет иметь последствия; создать проблему; сделать кучу всего неправильно	Наделать проблем в том, что тебе доверили сделать самому; Натворить нежелательных дел: сломать дорогую вещь, например, в гостях трогать что-то чужое и сломать.
<i>Валять дурака</i>	Бездельничать; заниматься не тем, чем надо; бесполезно проводить время; делать вид, что ничего незнаеш	Гонять лодыря; фигней страдать; бесполезно проводить время, когда нужно делать уроки или помогать маме; дурачиться; «Ваньку валять».

Продолжение Таблицы 5

ΦΕ	Билингвы 1	Билингвы 2
<i>Заварить кашу</i>	Сделать еще больше проблем, когда пытаешься решить первую	Начать делать что-то трудное, что не сможешь закончить сам, например, если хочешь что-то испечь, а потом бросаешь все на кухне и оставляешь сильный беспорядок; наломать дров; сделать так, чтобы попасть в неприятности; совершить поступок, который будет иметь последствия
Δεν μου καίγεται καρφί	Δεν με νοιάζει; Δεν με νοιάζει καθόλου; Δεν με ενδιαφέρει; Δεν με πειράζει; Δεν έχει σημασία για μένα αυτό που λές εσύ; мне наплевать.	Мне все равно; δεν έχει σημασία για μένα; мне нет до этого никакого дела.
Βγάζει γλώσσα	Μιλάει όταν δεν πρέπει; Αντιμιλάει; μιλάει άσχημα σε κάποιον.	Разговаривать грубо; αντιμιλάει (когда говоришь со взрослыми).
<i>θα φας ξύλο</i>	Будешь сильно наказан, может даже побит, Θα σε κουπανίσω, θα σε δέρω, θα σε τιμωρήσω; Θα σε χτυπήσω.	Получишь наказание; будешь наказан; ты у меня получишь на орехи!
<i>Γίνομαι μαλλιά κουβάρια (με κάποιον)</i>	Τσακώνομαι με κάποιον πολύ άσχημα τσακώνομαι και μαλλώνω πάρα πολύ με το καλό μου φίλο.	Τσακώνομαι με φίλη, разругаться в пух и прах; очень сильно поссориться, так, что дело может дойти до драки.

Продолжение Таблицы 5

ΦΕ	Билингвы 1	Билингвы 2
<i>Μαύρο πρόβατο στο κοπάδι</i>	Διαχωρίζεται από τους υπόλοιπους, δεν μοιάζει με τους άλλους; не такой, как все.	Как белая ворона; πολύ διαφορετικός; δεν είναι όπως τους άλλους.
<i>Δεν έπεφτε καρφίτσα</i>	Είχε πολύ κόσμο; δεν είχε ελευθερο χορο; δεν είχε καθολου τοπο; ολοι ηταν πολύ συνμικνομενοι.	Так много людей, что иголке негде упасть, например на концерте; Είχε πολύ κόσμο.

Таблица 5 – Примеры интерпретации ΦΕ, демонстрирующие их полное понимание билингвами

Преобладающее число развернутых дефиниций для фразеологизмов русского языка было получено от билингвов 2, также для этой группы информантов характерна стратегия идентификации одной ΦΕ посредством другой; наибольшее же количество греческих ΦΕ, объяснение которых явилось свидетельством их полного понимания, было зафиксировано в группе билингвов 1. Так же как и в случае с пословицами и поговорками, в анкетах биэтнических билингвов при объяснении фразеологизмов греческого и русского языков часть ответов была дана на русском, часть – на греческом языке, с единичными случаями интрасентенциональных кодовых переключений, в то время как моноэтнические билингвы в некоторых случаях давали объяснение греческим фразеологизмам на русском языке, но ни в одной из реакций членов данной подгруппы на ΦΕ русского языка не были зафиксированы случаи интерференции греческого языка. Большая часть фразеологизмов, дефиниции которых свидетельствуют об их полном понимании информантами, отличается частичным совпадением в лексико-семантической представленности в русском и греческом языках.

По результатам анализа полученного экспериментального материала абсолютным большинством примеров представлены случаи частичного понимания фразеологизмов, которые включают дефиниции, содержащие ограниченное толкование ФЕ путем семантической интерпретации или перевода. Например: *в глубине души* – на самом деле; *ждать у моря погоды* – ждать что-то; *без сучка без задоринки* – ничего лишнего; *βυῆκα ἀπό τα ρούχα μου* – θύμωσα; *μαύρο πρόβατο στο κοπάδι* (букв. черная овца в отаре) – лишний. Рассмотрим более подробно некоторые из дефиниций, квалифицированных нами как примеры частичного понимания ФЕ билингвами, данных представителями обеих групп при объяснении ФЕ русского и греческого языков (см. Таблицу 6).

ФЕ	Билингвы 1	Билингвы 2
Вывести на чистую воду	На <i>ανακαλύψω</i> ; узнать правду; разоблачить; раскрыть человека	Узнать правду; разоблачить; рассекретить (агента).
Висеть на волоске	Когда рабочий много чего сделал плохого и ему дали последний шанс; очень близко	Быть близко к неудаче; быть в опасности; быть на исходе; почти, вот-вот; недалеко от опасности; быть на грани; быть близко к концу; еще чуть-чуть
Без сучка без задоринки	Очень хорошо, без помехи (сделать что-то); легко и хорошо	Без препятствий; легко и хорошо; красиво; без изъяна; отлично
Толочь воду в ступе	Долго что-то делать; делать зря; очень долго	Делать бесполезную работу; делать то, что не важно; выжидать время

Продолжение Таблицы 6

ФЕ	Билингвы 1	Билингвы 2
Бросать слова на ветер	Говорить в пустую; болтать; говорить не думая; говорить бестолку; говорить не подумав.	Не держать язык за зубами; сказать и забыть; не думать, о чем говорил; сказать, не подумав; говорить бессмысленные вещи
Зайти в тупик	Не знать ответа; попасть в трудное положение; неисправимо	Не находить ответа; быть в трудной ситуации
Сесть в лужу	терпеть неудачу; сделать неправильно	Ошибиться; все сделать неправильно; провалиться (например, на работе); потерпеть неудачу; опозориться
Θολώνω τα νερά	Делаешь что-то не очевидным; κρύβω κάτι; προκαλώ την σύγχυση, εξαπατώ.	Мутить воду; запутать; μπερδεύω, οδηγώ στην αδιέξοδο, εξαπατώ.
Είμαστε μέλι γάλα	Είμαστε καλοί φίλοι, όλα πάνε καλά,	Все хорошо; у нас все супер
Κάνω μια τρύπα στο νερό	Κάνω βλακίες, κάνω ηλίθια πράγματα, χωρίς νόημα	Ничего не получается; κάνω κάτι ματαίο,

Таблица 6 – Примеры интерпретации ФЕ, демонстрирующие их частичное понимание билингвами

Наличие большого количества единичных дефиниций в группе биэтнических билингвов подтверждает факт того, что функционирование ФЕ в билингвальном сообществе отлично от того, что соответствует монолингвокультурному сообществу.

Поскольку образ, лежащий в основе ФЕ, трансформируется в его реальное значение, как правило, не за счёт всех своих признаков, а какого-либо одного, выделение неверного признака в качестве основного явилось наиболее частой причиной *ложной интерпретации* ФЕ: *пускать пыль в глаза* – делать вид, что ничего не видишь; *обвести вокруг пальца* – ходить вокруг; *водить за нос* – управлять; *не в своей тарелке* – не там, где надо; *выйти сухим из воды* – даже к ней не прикоснуться; *сводить концы с концами* – закончить с кем-то; *перемывать косточки* – когда моешь овощи; *δεν τρώει άχυρο* (букв. не ест сено) – не ест что попало (верное значение – его не проведешь); *филькина грамота* – безграмоты; *держат в ежовых рукавицах* – невыпускать.

К еще одной распространенной причине неверного толкования фразеологизма при его идентификации мы относим выведение общего смысла путем буквального понимания составляющих лексем, в результате чего возникает произвольная интерпретация, лишённая какого-либо метафорического переосмысления, например: *сводить концы с концами* – решать проблему; закончить с чем-то; *вить веревки* – путать; начать драку; *сесть в лужу* – упасть; провалиться; *валять дурака* – не серьезно относиться, делать глупости; *заходить в тупик* – не можешь выйти.

Заслуживает отдельного рассмотрения группа фразеологизмов, отмеченная билингвами как хорошо им знакомая, при этом получившая прямо противоположное закреплённому в словарях толкование: *выйти сухим из воды* – быть невиноватым; *сводить концы с концами* – жить нормально; *вывести на чистую воду* – рассказать правду, сказать правду; *Θολώνω τα νερά* (*мутить воду*) – не видеть правды; *κάνω μια τρύπα στο νερό* (толочь воду в ступе, досл. – делать дырку в воде) – *κάνω το αδύνατο δυνατό* (делать невозможное возможным). Подобные примеры интерпретации ФЕ,

зафиксированные нами преимущественно в группе биэтнических билингвов, мы склонны объяснять недостаточным объемом входящего фразеологического материала в бытовом дискурсе, поскольку для того, чтобы фразеологизм закрепился в языковом сознании индивида в своем истинном значении, необходимо обеспечить его многократное повторение в характерных для его употребления контекстах и речевых ситуациях.

Помимо указанных способов интерпретации ФЕ, приводящих к неверному пониманию фразеологизма, мы выделили еще одну группу объяснений, свидетельствующих о ложном понимании билингвами предложенных им языковых единиц, для которых представляется затруднительным однозначное определение механизма возникновения ошибки: *заварить кашу* – задумать хитрость; *перемывать косточки* – обыскивать; *сводить концы с концами* – умирать; *водить за нос* – шантажировать; *вить веревки* – тянуть интригу; сплетничать; обманывать; *несолоно хлебавши* – без опыта; *пуд соли съесть* – попробовать, но неудачно; *намотать себе на ус* – добавить в жизни проблем; *тянуть канитель* – умолять и др. С уверенностью можно сказать, что данные ошибки не являются результатом интерферирующего влияния второго языка в рассматриваемой нами языковой паре, а следовательно, могут возникать и в речи мооязычных индивидов и относятся к ошибкам языковой компетенции. В целом, стоит отметить полное отсутствие случаев интерференции при объяснении фразеологических единиц двуязычными информантами, несмотря на то, что в эксперимент намеренно были включены единицы частичной эквивалентности, совпадающие в плане содержания, но различающиеся планом выражения (например, белая ворона – *μάυρο πρόβατο στο κοπάδι*=черная овца в отаре; покупать kota в мешке – *αγοράζει γουρούνι στο σακί*=покупать свинью в мешке и др.).

Систематизировав полученный таким образом экспериментальный материал, мы пришли к результатам, которые отражены в Таблице 7:

Интерпретация ФЕ	Группа испытуемых	Русские ФЕ 1440 реакций	Греческие ФЕ 1440 реакций
Адекватная интерпретация (полное понимание)	Билингвы 1	111 (7.8%)	365 (25.3%)
	Билингвы 2	214 (14.9%)	178 (12.4%)
Частичное понимание	Билингвы 1	276 (19.2%)	262 (23%)
	Билингвы 2	313 (21.7%)	163 (14.3%)
Ложная интерпретация	Билингвы 1	143 (12.5%)	101 (8.9%)
	Билингвы 2	79 (7%)	134 (11.7%)
«Ноль-реакция»	Билингвы 1	175 (15.3%)	86 (7.5%)
	Билингвы 2	129 (11.3%)	151 (13.2%)

Таблица 7 – Количественный анализ интерпретаций ФЕ билингвами

Данные таблицы, отражающие результаты настоящего этапа экспериментального исследования, подтверждают выдвинутую нами ранее гипотезу относительно асимметричности состава фразеологического фрагмента языковой картины мира билингвов 1-го и 3-го типов по классификации С. Ромейн. В ходе анализа полученного экспериментального материала нами был установлен ряд семантических и структурных особенностей представленных субъективных дефиниций в зависимости от типа раннего билингвизма, которые в обобщенном виде можно представить следующим образом:

1. Для моноэтнических билингвов 2-й группы в большей степени характерны дефиниции-фразеологизмы при объяснении ФЕ русского языка, причину чего мы видим в более высоком уровне владения единицами русского фразеологического фонда моноэтническими билингвами.

2. Билингвы 2-й группы активно используют разговорную стилистически сниженную лексику (*бить баклуши – фигней страдать; филькина грамота – фигня; валять дурака – балду пинать; обвести вокруг пальца – развести* и др.), что объясняется нами более высоким уровнем коммуникативных навыков билингов из моноэтнических семей в русском языке и наличием соответствующего речевого опыта.

3. Билингвы 1-й группы нередко прибегают к стратегии перевода при дефинировании ФЕ, что, очевидно, происходит с целью экономии речевых усилий и языковых средств.

4. Реакции билингов 1-й группы отличаются более развернутыми дефинициями, многочисленными уточнениями и личными примерами.

5. В ответах билингов 1-й группы зафиксированы немногочисленные случаи кодового переключения при дефинировании как русских, так и греческих ФЕ.

На втором этапе эксперимента №4 билингам были предложены для объяснения значения 40 ФЕ русского и греческого языков в контексте. Нами намеренно были включены фразеологизмы, в большинстве случаев не получившие объяснения либо содержащие неверную интерпретацию на первом этапе. Помимо указанных выше, в данное задание вошли ФЕ, содержащие имена собственные и безэквивалентную лексику, т.е. являющиеся непосредственными трансляторами культурно-исторических коннотаций (на всю Ивановскую, сирота Казанская и др.). Соглашаясь с С.Н. Цейтлин, мы считаем, что процесс связывания семантики слова с определенными явлениями окружающей действительности при освоении языка (как первого, так и второго) играет важнейшую роль: «И в том, и в другом случае контекст (в широком смысле слова, т.е. с включением обозначаемой ситуации и ситуации общения) играет огромную роль, он позволяет осуществить то, что принято называть вероятностным прогнозированием, указывая возможную

семантику слова, прежде всего ту тематическую область, к которой незнакомое слово может относиться» [Цейтлин, 2014: 85. Электронный ресурс].

Результаты эксперимента, направленного на определение степени понимания фразеологизмов в контексте позволяют утверждать, что словесное окружение ФЕ является важнейшим фактором для их адекватной интерпретации. Несмотря на то, что контекстуальное предъявление не обеспечило понимания ФЕ, адекватного кодифицированному значению во всех случаях, результаты экспериментальных данных настоящего этапа исследования показали значительно более высокий результат понимания ФЕ обоих языков билингвами 1 и билингвами 2: 86% русских фразеологизмов и 93% греческих фразеологизмов были поняты билингвами верно, при этом сохранилась тенденция, подтверждающая первоначальную гипотезу: значение русских фразеологизмов было объяснено в большинстве случаев верно билингвами 2, а значение греческих – билингвами 1. Покажем на примере, как меняется понимание билингвом 1 типа значение ФЕ и ее интерпретация в зависимости от наличия/отсутствия контекста (см.Таблицу 8):

ФЕ	Интерпретация ФЕ вне контекста	Интерпретация ФЕ в контексте (с примером контекста)
Без сучка без задоринки	Здоров	Без проблем (<i>Близится главное событие киномира - церемония вручения "Оскаров"! Все силы брошены на то, чтобы церемония прошла без сучка, без задоринки.</i>)
Без году неделя	-----	Мало (<i>Вот знаю тебя без году неделя, а верю: не продашь.</i>)
Во всю Ивановскую	На весь мир	Громко (<i>Он кричал во всю Ивановскую, и не услышать его было просто невозможно.</i>)

Продолжение Таблицы 8

ФЕ	Интерпретация ФЕ вне контекста	Интерпретация ФЕ в контексте (с примером контекста)
Тянуть канитель	Мучиться	Ждать (<i>Вот он и тянет канитель – и дела не делает и от дела не бегаем.</i>)
При царе Горохе	-----	Очень давно (<i>Бессмысленно вспоминать то, что случилось при царе Горохе, прошлого не вернешь.</i>)
Филькина грамота	-----	Непонятный документ (<i>Убери подальше эту Филькину грамоту, для меня она ничего не проясняет.</i>)
Δεν έπεφτε καρφίτσα=яблоку некуда упасть (букв. не могла упасть иголка)	Все боялись	Не было свободного места (<i>Στο θέατρο δεν έπεφτε καρφίτσα ενώ ο χώρος έμοιαζε με μεγάλη πίστα με τον κόσμο να είναι όρθιος.</i>)
Κάθεται σ' αναμμένο κάρβουνο = как на иголках (букв. сидеть на горячих углях)	Έχει νύερα	Έχει πολύ άγχος (перевод: очень переживает) <i>(Καθόταν σε αναμμένα κάρβουνα περιμένοντας τα αποτελέσματα των εξετάσεών της.)</i>
Δεν τρώω άχυρα= меня не проведешь (букв. я не ем сено)	Не ем что попало	Δεν πυστεύω σε όλα τι μου λένε (перевод: Не верю всему подряд) (<i>Μην μου λες ψέματα και πρόσεξε καλά γιατί εγώ δεν τρώω άχυρα.</i>)

Продолжение Таблицы 8

ФЕ	Интерпретация ФЕ вне контекста	Интерпретация ФЕ в контексте (с примером контекста)
Εκαναν μια τρύπα στο νερό (букв. сделали дырку в воде)	-----	Δουλειά χωρίς αποτέλεσμα (перевод: работа без результата, напрасно) <i>(Προσπάθησε να σώσει την κατάσταση αλλά το μόνο που έκανε ήταν μια τρύπα στο νερό)</i>

Таблица 8 – Примеры интерпретации ФЕ в контексте и вне контекста

Таким образом, интерпретация полученных результатов эксперимента на данном этапе показала, что контекстуальное предъявление ФЕ билингам в большинстве случаев обеспечивает более высокий уровень их дефиниций, однако следует признать, что и в этом случае реакции учащихся далеко не всегда совпадают с кодифицированными значениями данных единиц. Наибольший процент улучшения понимания фразеологизма в контексте зафиксирован в случаях предъявления русских ФЕ биэтническим билингам. Поскольку не все контексты являются равнозначными, некоторые из них оставляют возможность для вариативного понимания значения фразеологизма, что становится причиной низкой опознаваемости. В то же время мы считаем, что нельзя недооценивать роль внутреннего контекста как некоей сети образов и концептов, сформированной на основе индивидуального речевого и когнитивного опыта, возбуждаемого посредством слова [Лебедева. Электронный ресурс]. Идентификация значения любой лексической единицы, включая ФЕ, предполагает соотнесение языковой информации со знаниями и представлениями о мире, которые характеризуют конкретного индивида и определенным образом упорядочены в его языковой картине. Об этом же пишет в своих исследованиях языка и речи А.А. Залевская: «...за словом у индивида лежит широчайшая сеть разнородных многократно

пересекающихся связей, устанавливаемых по множеству оснований разных модальностей и уровней обобщённости», а внутренний лексикон человека представляет собой функциональную динамическую (самоорганизующуюся) систему, «в которой имеет место органическое взаимодействие языковых и энциклопедических знаний индивида, а также социально принятых и личностно переживаемых смыслов, норм и оценок» [Залевская, 2014: 2]. Данное предположение подтверждается эмпирическими данными, полученными в результате эксперимента, в котором лучшие знания ФЕ русского языка продемонстрировали билингвы 2 – дети из моноэтнических семей, в то время, как идентификация верного значения греческих ФЕ осуществляется лучше билингвами 1-й группы – детьми из биэтнических семей.

Итак, подводя итоги данного этапа экспериментального исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1. В процессе дефиницирования ФЕ билингвы опираются не на прямое, а на переосмысленное значение входящих в состав фразеологизмов слов. Единичные случаи идентификации значения ФЕ, основанные на выведении общего смысла фразеологизмов путем буквального понимания составляющих лексем, зафиксированы в ответах биэтнических билингвов по отношению к ФЕ русского языка и моноэтнических – по отношению к ФЕ греческого языка.

2. Особенности смыслового содержания ФЕ, отраженные в языковой репрезентации дефиниций, представленных билингвами, свидетельствуют о различных уровнях понимания данных языковых единиц моноэтническими и биэтническими билингвами: значение русских фразеологизмов было объяснено в большинстве случаев верно билингвами 2 (модель формирования билингвизма «язык семьи – язык общества»), а значение греческих – билингвами 1 (модель формирования билингвизма «один родитель – один язык») вне зависимости от наличия контекста.

3. Наличие значительного количества единичных дефиниций (34%), а также отражение «авторского Я» в содержании субъективных дефиниций свидетельствуют о существенном влиянии субъективного опыта индивида на толкование ФЕ.

4. Функционирование фразеологизмов в индивидуальном лексиконе билингва определяется не только и не столько их языковой спецификой, но и рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых ведущая роль принадлежит речевому опыту индивида.

3.6. Модель формирования фольклорно-языковой картины мира билингва

Проанализировав полученный экспериментальным путем, процедура которого описана в предыдущих параграфах главы 3, материал, мы приходим к выводу о том, что владение двумя языками в равной степени не всегда означает одинаковое знание культурного и, в частности, фольклорного кода этих языков. В определенной степени языковое сознание билингвов адаптируется к языковой ситуации на территории проживания. Так, в нашем случае естественные русско-греческие билингвы, рожденные в межэтнических семьях, обнаружили значительно более низкий процент владения русскими фольклорными концептами по сравнению с греческими, т.е. выбранная в семье тактика «один родитель – один язык» не обязательно является гарантией симметрично сформированной ФКМ, в которой соблюдался бы функциональный баланс фольклорных языковых единиц обоих языков билингва. Ограниченный речевой опыт ребенка-билингва на недоминантном в конкретном языковом коллективе языке лишает его возможности полноценного усвоения необходимого для активного речепорождения лингвистического материала во всем его многообразии. Вместе с тем эмпирический материал показал, что в ФЯКМ детей из монолингвальных русскоязычных семей в значительной степени

преобладают стереотипные образы, характерные для русской языковой картины, что вновь говорит о нарушении баланса составляющих фольклорных картин билингва. Данный вывод свидетельствует о том, что основа ФКМ билингва, которая обязательно содержит этнические компоненты каждого из языков, включая также определенные традиции, верования, суеверия, формируется в первую очередь в семье в результате выбранной родителями стратегии культурно-языкового поведения. Опыт работы с детьми младшего школьного возраста первого года обучения русскому в академических условиях (фактический возраст ребенка может варьироваться от 5.5 до 8 лет) показывает, что при схожих социально-экономических условиях и среднем уровне интеллектуального развития в языковом сознании и поведении этих двуязычных детей существуют различные наборы так называемых прототипических сценариев – «стереотипизированных представлений носителя языка о том, какие именно единицы языка конвенционально допускаются к использованию речевой традицией в данном контексте» [Ветров, 2007: 6]. Очевидно, что формирование таких сценариев осуществляется в процессе речевого общения билингва, не посещающего учебное заведение, в первую очередь с его ближайшим окружением, т.е. в семье в результате выбранной родителями стратегии культурно-языкового и поведения и получаемого ребенком речевого опыта.

Фольклорно-языковая картина мира билингва представляет собой результат взаимодействия двух фольклорных картин мира, складывающихся в процессе формирования двух языковых систем, которыми владеет двуязычный индивид. Говоря о раннем билингвизме, мы считаем, что решающая роль в речезыковом развитии билингва принадлежит лингвосоциокультурным факторам, а именно количеству и качеству языкового общения, которое обеспечивает ему ближайшее окружение – семья. Между тем, мы не можем отрицать роли сопутствующих факторов, детерминирующих развитие сбалансированной ФЯКМ билингва как частного проявления феномена бикультурализма, таких как учета доминантного

языка социума, общих когнитивных способностей индивида, его психологических характеристик и экстралингвистических условий становления двуязычия: особенностей восприятия фоновых знаний из области быта и социально-семейных отношений, индивидуальных представлений о материальном мире, возникающих в процессе взаимодействия с реальностью, социально-ролевого репертуара билингва, определяющего выбор языка общения. Суммируя вышесказанное, мы считаем возможным представить модель формирования билингвальной фольклорно-языковой картины мира следующим образом (см. Рисунок 7):

Рисунок 7 – Модель формирования фольклорной картины мира билингва

Очевидно, что родительский языковой инпут на каждом из усваиваемом билингвом языке обуславливает соответствующий уровень владения этим языком

ребенком, формируя его языковую картину миру; вовлечение в относительно равной мере культурно-специфических составляющих каждой из лингвокультур, среди которых решающая роль принадлежит фольклорным жанрам, обеспечивающим погружение в национальную культуру и ориентацию на определенные этноспецифические ценности, способствует становлению сбалансированной фольклорной картины мира билингва, на которую в дальнейшем оказывают влияние дополнительные факторы: доминантный язык социума, когнитивное развитие ребенка, которое также развивается на базе двух языков, т.е. непосредственно связано с уровнем их владения билингвов, и экстралингвистические факторы. Кроме того, ФКМ билингва, как и монолингва, складывается под влиянием общей картины мира, которая является сугубо индивидуальным образованием, базирующимся на личном представлении индивида об окружающем его мире, и претерпевающим изменения в процессе всего жизненного отрезка в зависимости от материальных и общественных условий.

В рассматриваемых нами случаях формирования раннего билингвизма по двум моделям – «один родитель – один язык» и «семейный язык – язык общества» при схожих дополнительных факторах формирования ФКМ (доминантный язык социума для всех участников эксперимента – греческий; когнитивные способности информантов варьируются в равной степени в каждой из рассматриваемых групп; все билингвы посещают государственную школу Кипра, программа которой является единой для всех школ, в качестве основной, а в русской школе проходят обучение по экстернатной форме; круг общения каждого из информантов включает как носителей русского языка, так и греческого). Очевидно, что в каждом из указанных типов развития двуязычия различия в составляющих ФКМ билингва специфические особенности взаимодействия ФКМБ1 и ФКМБ2 внутри единой складывающейся системы ФКМ билингвальной личности обусловлены в первую очередь различиями в культурно-языковом поведении родителей и ближайшего

окружения билингва. Поскольку основой существования фольклора является устная коммуникация, роль бытового повседневного общения родителей с ребенком, воспитывающимся в условиях билингвизма, трудно переоценить.

Нами были выделены общие и специфические черты, характеризующие ФЯКМ биэтнического и моноэтнического билингва. К *общим*, на основе проведенного экспериментального исследования, мы относим:

1. Перцептивный, пассивный характер усваиваемого фольклорного материала, на что указывают результаты эксперимента, подразумевающие включение фольклорных единиц в контекст (эксперимент №4), а также низкий уровень способности самостоятельно порождать фольклорные высказывания (эксперимент №1).

2. Богатство и разнообразие образов, входящих в ФКМ билингва, что нашло подтверждение на всех этапах эмпирического исследования.

3. Тесную связь уровня владения фольклорными кодами обеих лингвокультур с общим когнитивным развитием билингва, на что указывает анализ, проведенный внутри каждой из представленных анкет на обоих языках.

4. Зависимость уровня владения национальным фольклорным кодом того или иного языка от лингвистической (в первую очередь лексической) компетенции билингва.

Специфические черты ФКМ, присущие каждому из рассматриваемых типов билингвов, мы разделили на две группы, в зависимости от модели формирования раннего билингвизма. Так, для *биэтнических билингвов* характерно:

1. Лучшее знание фольклорного кода (в пределах рассматриваемых нами жанров) греческой лингвокультуры, что позволяет говорить о ее доминантности, которая, однако, признается нами как относительная, поскольку может быть нивелирована под воздействием дополнительных факторов, влияющих на формирование ФКМБ – более частое общение с русскоязычными родственниками, посещение

дополнительных русскоязычных центров и мероприятий, участие в деятельности русских творческих коллективов и др.

2. Высокий уровень способности к интрасентенциональному виду кодовых переключений, что свидетельствует о сбалансированном характере развивающегося билингвизма, а это, как следствие, способно привести к формированию сбалансированной ФКМБ, гармонично сочетающей образы обеих лингвокультур.

3. Большая степень вариативности ответов, предполагающих свободное толкование фразеологизмов и паремий и русского, и греческого языков, что свидетельствует как о более развитом творческом мышлении билингвов данной группы, так и об отсутствии страха ошибиться, который присущ билингвам 2 группы в отношении греческого языка.

Для представителей *моноэтнического билингвизма* были выделены следующие характерные признаки:

1. Преобладание в лингвистическом сознании традиционных образов русской фольклорной картины и более высокий уровень владения фольклорным кодом русского языка, чем греческого. Однако, как и в случае с биэтническими билингвами, здесь мы также считаем правомерным вести речь об относительной доминантности русской лингвокультуры в составе ФКМ моноэтнических билингвов, в первую очередь по той причине, что возраст испытуемых позволяет говорить об их билингвизме и бикультурализме в динамике, а в условиях доминантности греческого языка естественным является предположить дальнейшее увеличение его роли в культурно-языковой составляющей картины мира билингва.

2. Более стереотипные ответы на задания экспериментов в сравнении с ответами биэтнических билингвов.

3. Тенденция к использованию стратегии «отказ от реакции» в большинстве случаев, когда билингвы данной группы не уверены в правильности ответа на

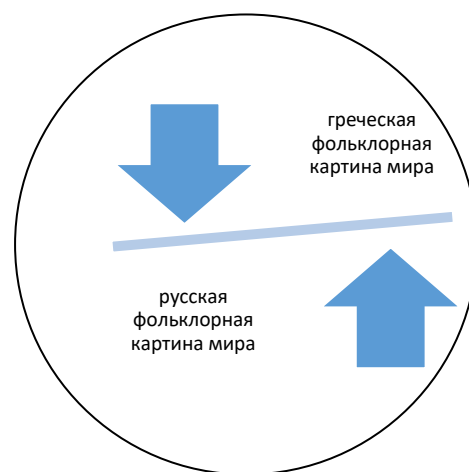
греческом языке (к данному выводу мы пришли в ходе постэкспериментальной беседы с информантами).

4. Интерферирующая и стимулирующая роль русского языка в речевой деятельности билингвов данной группы, проявляющаяся, в первую очередь, в использовании стратегии перевода в большинстве анкет, требующих объяснения значения фольклорных единиц греческого языка.

Таким образом, рассматривая ФЯКМБ как взаимодействие в первую очередь русской и греческой фольклорной картин мира, мы можем наглядно представить модель ФЯКМ билингва 2 (моноэтнический билингвизм) – Рисунок 8 и билингва 1 (биэтнический билингвизм) – Рисунок 9.

Рисунок 8 – ФЯКМ моноэтнического билингва

Рисунок 9 – ФЯКМ биэтнического билингва

При этом еще раз считаем необходимым подчеркнуть, что, говоря о взаимодействии двух фольклорных языковых картин в составе единой билингвальной, мы в первую очередь учитываем степень и уровень владения

индивидом их национально-культурными составляющими, к которым мы относим народную паремиологию и фразеологию. Все вопросы, связанные с влиянием этнокультурных концептов, заложенных в данных языковых пластах, на менталитет и мышление билингва, мы оставляем за скобками, поскольку не считаем правомерным вести речь о «навязывании» языком определенного мировидения. В этом нас убеждает многолетняя работа с полиязычными детьми, которые, несомненно, обладают широким, многомерным взглядом на мир и культурной толерантностью, но и при этом четко обозначенной собственной позицией, которая может не совпадать с устоявшимися и вербализованными в греческом и русском языках представлениями о том или ином явлении окружающей действительности. В этом и заключается несомненное преимущество билингвов, поскольку им в большей мере, чем монолингвам открыта полнота восприятия мира, которая, согласно философской концепции Ю.М. Лотмана, возможна лишь, если мир ощущается в биформате [Лотман, 1992]. Как утверждает ученый, мы лишены возможности познать и понять мир до конца, и эта невозможность компенсируется бинарной дополнительностью взглядов на мир, которыми обладает билингв как представитель двух лингвокультур одновременно. Подобные утверждения отстаивал в своих работах немецкий ученый-гуманист Вильгельм фон Гумбольдт: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985: 349]. Данная концепция, с которой мы выражаем полную солидарность, находит подтверждение в богатстве и разнообразии метафорических образов, предложенных детьми-билингвами – участниками нашего исследования – на всех этапах проведения эксперимента; в их способности обнаруживать невидимое и необычное в упорядоченном окружающем нас мире,

преодолевая устойчивые стереотипы и демонстрируя собственное видение реальности, в котором совмещаются образы мира двух народов.

Выводы к главе 3

Глава 3 посвящена лингвокультурологическому сопоставительному анализу малых фольклорных жанров (пословица и поговорка, примета, загадка, народная фразеология), формирующих фольклорные картины мира русского и греческого языков, и экспериментальному исследованию особенностей вербального отображения фрагмента ФКМ русско-греческих естественных билингвов школьного возраста, представленного данными жанрами. Описание каждого этапа эксперимента и его интерпретации предваряется культурно-языковыми характеристиками паремий и фразеологизмов в сопоставительном аспекте, как важнейших составляющих национальной культуры, в которых воплощена специфика национальной картины мира. На каждом этапе сравнительно-сопоставительного анализа языковых единиц, входящих в эмпирический материал исследования, были обнаружены как общие черты, отражающие универсальный для двух народов взгляд на окружающий мир, так и уникальные, в которых закреплён национально-специфичный опыт постижения мира. Так, в пределах каждого из рассматриваемых малых фольклорных жанров были выделены единицы абсолютной эквивалентности, частичной (семантической) и нулевой. Применение подхода определения эквивалентности рассматриваемых языковых единиц позволило выделить некоторые черты сходства и различия русской и греческой ЯКМ. Наиболее высокой коммуникативной ценностью обладают паремии и фразеологизмы, не обнаруживающие структурно-семантических эквивалентов в сопоставляемых языках, – это языковые единицы, содержащие компоненты-топонимы, имена святых и другие имена собственные, а также паремии и фразеологизмы, отражающие

исторические события, нравы, быт, обычаи и т.д. Именно такие паремиологические и фразеологические единицы представляли наибольший интерес для нашего экспериментального исследования, поскольку, обладая национально-культурным колоритом, они играют важную роль в формировании ФЯКМ билингва.

В третьей главе приводится описание серии психолингвистических экспериментов, включающих несколько этапов, которые осуществлялись на базе Русской школы Пафоса с участием русско-греческих билингвов с 2015 по 2018 г. Всего было проведено 4 эксперимента, каждый из которых был направлен соответственно на выявление особенностей представленности пословиц и поговорок, народных примет, фольклорных загадок и народных фразеологизмов в составе фольклорной картины мира билингвов. На основании анализа результатов комплексного экспериментального исследования мы установили некоторые закономерности формирования ФЯКМ естественных билингвов из моноэтнических и биэтнических семей, которые подтверждают выдвинутую гипотезу исследования: в составе фразеологического и паремиологического фрагментов фольклорной картины мира естественных русско-греческих билингвов присутствие греческих и русских языковых единиц указанных пластов лексического фонда отмечено асимметрией и напрямую зависит от типа раннего билингвизма – у билингвов, усваивающих два языка по принципу «один родитель – один язык», преобладает асимметрия в пользу греческого языка, дети из русскоязычных семей, билингвизм которых развивается по принципу «семейный язык – язык общества», проявляют лучшее знание русских фольклорных элементов в сравнении с греческими. На базе проведенных экспериментальных процедур и полученных результатов их анализа мы обосновали предложенную модель формирования фольклорной картины мира билингва, проиллюстрировав различное соотношение фольклорных элементов русской и греческой национальных культур в зависимости от типа раннего двуязычия. При этом мы считаем, что уровень владения фольклорными кодами

обоих языков билингов обоих типов свидетельствует о бикультуральности детей, принимавших участие в эксперименте, которая имеет признаки относительной доминантности одной из лингвокультур в зависимости от модели усвоения двух языков.

Данные статистического и содержательного анализа материалов эксперимента дают основание утверждать, что формирование сбалансированной билингвальной и бикультуральной языковой личности невозможно без целеноправленного включения в языковой опыт билинга фольклорных текстов, не только содержащих когнитивные элементы, но обеспечивающих ориентацию на традиционные национальные ценности. Ознакомление двуязычных детей с малыми фольклорными жанрами на занятиях по развитию речи и дома является необходимым условием передачи детям-билингам национальных культурных ценностей и представлений, сложившихся в конкретном языковом коллективе о мире, поскольку способствуют погружению в национальную культуру, ознакомлению с этнографическим материалом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле современной научной парадигмы функционирования языка во взаимодействии с человеком, его сознанием, мышлением, культурой. Необходимость раскрытия закономерностей этих взаимоотношений в процессе познания привела к появлению в метаязыковом лингвистическом аппарате термина «языковая картина» в противоположность когнитивной или концептуальной. Являясь сложным, многослойным образованием, языковая картина каждого индивида формируется на протяжении всей его жизни, отражая в вербализованном виде развитие и изменение образов, составляющих его глобальную картину мира. Фундаментом же как индивидуальной, так и национальной языковой картины мира можно считать ту ее часть, которая формируется за счет традиционных народных текстов – фольклорную картину миру. Именно в ней заложены знания и представления о мире, типичные для носителей определенного национального языка. В данной диссертационной работе мы предприняли попытку выявить особенности формирования ФЯКМ естественного билингва как носителя двух национальных языков.

Исходные методологические установки были заданы современным пониманием языка как антропологического феномена, характерным для настоящего этапа развития лингвистики и выдвигающим на первый план изучение различных проявлений взаимодействия языка и культуры. В этом отношении особую значимость приобретает изучение явления билингвизма, существенно важным аспектом которого мы считаем взаимоотношение языка и культуры у двуязычных индивидов, поскольку наряду с вопросом об отношении одного языкового кода к другому существует отношение одной культуры к другой. Свободное владение языком обязательно предполагает усвоение его национально-специфических элементов, богатый источник которых представляет собой фольклор любого языка,

на сознательном или бессознательном уровне. Исследование было направлено на верификацию гипотезы о зависимости содержательной составляющей ФЯКМ билингва от типа формирования раннего двуязычия.

В теоретическом плане для достижения поставленной цели был сделан обзор классической и современной литературы о билингвизме, представлена типология этого феномена и определен тип двуязычия, актуальный для нашего исследования – ранний естественный сбалансированный билингвизм, формирующийся либо в биэтнических семьях по модели «один родитель – один язык», либо в моноэтнических русскоязычных семьях, проживающих на Кипре, по модели «язык семьи – язык общества». Кроме того в процессе анализа теоретического материала был сделан важный для дальнейшего исследования вывод относительно самостоятельно развивающихся и иногда принимающих различные вектора движения билингвизма и бикультурализма в пределах единой двуязычной личности, а также определена роль формирования сбалансированной ФКМ как части ЯКМ билингва. Пословицы, поговорки, приметы, загадки и народная фразеология рассматриваются нами как неотъемлемая часть национальной языковой картины мира, обладающая важным лингвокультурологическим потенциалом и формирующая значительный фрагмент ФКМ индивида. Указанные выше языковые единицы, несомненно, возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который обязательно связан с культурными традициями этого коллектива.

В связи с этим в практическом плане для доказательства выдвинутой гипотезы мы использовали эмпирический материал, полученный в результате экспериментов, проведенных с русско-греческими билингвами, направленных на реконструкцию фрагмента ФКМ, представленного указанными выше малыми фольклорными жанрами и фразеологизмами. Серия направленных психолингвистических

экспериментов с разными видами письменных анкет, была разработана и проведена на базе Русской школы г. Пафоса в период с 2015 по 2018 годы. Каждый этап анкетирования предварялся лингвокультурологическим сопоставительным анализом фольклорных единиц и их систематизацией с позиции семантической эквивалентности, что позволило нам выявить сходства и различия в развитии русского и греческого национально-языкового сознания, зафиксированные на вербальном уровне.

Проведенный логико-теоретический анализ и результаты интерпретации экспериментального материала позволили нам сделать ряд важных выводов, подтверждающих выдвинутые на защиту положения. Реакции билингов, подвергнутые анализу в практической части работы, отражают ту степень системности образов мира и то сочетание «наивных» и научных представлений о мире, которые в действительности существуют в сознании испытуемых и к овнешнению которых их вынуждает процедура эксперимента. При этом следует отметить тот факт, что в ФКМ русского и греческого языков имеется большое количество точек соприкосновения, что объясняется христианскими образами и духовно-нравственными идеалами Православия, которые на протяжении многих веков занимают приоритетное место в жизни представителей обеих лингвокультур.

Эксперименты, направленные на реконструкцию пословично-поговорочного и фразеологического фрагментов ФКМ билингов, показали, что двуязычные школьники испытывают значительные трудности при восприятии и использовании в речи данных языковых единиц как русского, так и греческого языка. Различные показатели уровня владения паремиями и фразеологизмами представителями моноэтнического и биэтнического билингвизма позволяют говорить о зависимости уровня паремиологической компетенции билингов от языкового инпута, получаемого в бытовом и учебном дискурсе.

Эксперименты, направленные на реконструкцию фрагмента ФКМ билингвов, представленного бытовыми и природно-календарными приметами, продемонстрировали тот факт, что греческие народные приметы соблюдаются билингвами в повседневной жизни в большей степени, чем русские, что может объясняться лучшим знанием респондентами примет, характерных для грекоязычного общества в целом. При этом нами было установлено, что приметы, в которых репрезентированы общие для русского и греческого языков способы категоризации внеязыковой действительности, более знакомы билингвам в сравнении с теми приметами, которые отражают уникальное для каждой из двух этнокультур мировидение. Наиболее актуализированными в жизни билингвов оказались приметы, связанные с материально-экономической составляющей быта, несмотря на значительную роль высоких духовных ценностей, отраженную как в русской, так и в греческой фольклорной картине мира.

Результаты экспериментальных процедур, направленных на реконструкцию фрагмента фольклорной картины мира билингвов, представленного народными загадками, явились свидетельством того, что билингвы из биэтнических семей в большей степени сочетают традиционные образы двух культур, в то время, как моноэтнические билингвы демонстрируют признаки доминантности русской культуры.

Таким образом, результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют сделать общетеоретический вывод о том, что естественный детский билингвизм как сложный процесс пользования двумя языками непременно предполагает взаимодействие не только двух лингвистических систем, но и двух культур, характер которого зависит в первую очередь от коммуникативной стратегии, лежащей в основе формирования двуязычия, выбранной семьей («один родитель – один язык» и «язык семьи – язык общества»), что отражено в предложенной нами модели формирования фольклорной картины мира

естественного билингва. Полученные опытным путем данные, помимо того, что подтверждают выдвинутую нами гипотезу, проливают свет на еще одну, актуальную сегодня проблему – необходимость повышения речевой культуры билингвов, один из языков которых является русским, поскольку данная группа людей оказывает существенное влияние на поле функционирования русского языка. Паремии и фразеологизмы играют в этом отношении значительную роль, представляя собой ценнейшее лингвистическое наследие, отражающее национальную культуру и историю русского народа, что предопределяет перспективы дальнейшего развития теоретических и прикладных аспектов исследования.

Итак, мы полагаем, что в ходе исследования были выполнены основные задачи, достигнута цель работы и были получены данные, подтверждающие гипотезу о том, что состав фольклорной картины мира естественных билингвов имеет прямую корреляцию с культурно-языковым опытом, получаемым двуязычным индивидом в семье, и дифференцируются, в зависимости от этого опыта, соотношением традиционных фольклорных образов двух лингвокультур билингва.

Проведенное исследование ФЯКМ русско-греческих билингвов школьного возраста не исчерпывает всех аспектов данной проблемы. Среди перспектив работы можно наметить сопоставительный анализ ФЯКМ школьника-билингва с ФЯКМ школьника-монолингва; особенности структуры ФЯКМ билингва, изучающего третий язык; сопоставление речевого поведения билингва и монолингва в лингвокультурном и лингвокогнитивном аспектах; социокогнитивное развитие двуязычного индивида в зависимости от типа раннего билингвизма; формирование грамматической компетенции двуязычных детей из моноэтнических и биэтнических семей на каждом языке; влияние типа раннего билингвизма на динамику усвоения третьего языка и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрашитова, М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Абдрашитова Мария Овсеевна. – Томск, 2012. – 24 с.
2. Абрамова, О. А. Нравственно-эстетические и ментальные ценности фольклора [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 17.00.09 / Абрамова Ольга Алексеевна. – Барнаул, 2006. – 214 с.
3. Аврорин, В. А. Двухязычие и школа [Текст] / В. А. Аврорин // Проблемы двухязычия и многоязычия : научное издание / отв. ред.: П. А. Азимов, Ю. Д. Дешериев, Ф. П. Филин. – М., 1972. – С. 49–62.
4. Аврорин, В. А. О предмете социальной лингвистики [Текст] / В. А. Аврорин // Вопросы языкознания. – 1975. – № 4. – С. 4–11.
5. Агаркова Н. Э. Концепт «Деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04. «Германские языки» / Агаркова Наталья Эдуардовна. – Иркутск, 2001. – 171 с.
6. Агатангелу Е. Формирование звукопроизносительных навыков у русско-греческих детей-билингвов дошкольного и младшего школьного возраста [Текст] : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.03 / Агатангелу Елени. – Москва, 2011. – 199 с.
7. Аникин, В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор [Текст] : пособие для учителя / В. П. Аникин. – М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.
8. Аншакова, С. Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Аншакова Светлана Юрьевна. – Тамбов, 2004. – 195 с.

9. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки рус. культуры, 1995. – 767 с.
10. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие [Текст] / С. А. Арутюнов; отв. ред. Ю. В. Бромлей; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1989. – 247 с.
11. Архангельский, В. А. Устойчивые фразы в современном русском языке : основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии [Текст] / В. А. Архангельский. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. гос. ун-та, 1964. – 315 с.
12. Атланова, Е. О. Субъективный концепт как предмет лингвокогнитивного исследования : экспериментальное исследование на материале концепта новое слово [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Атланова Елена Олеговна. – Воронеж, 2009. – 212 с.
13. Афанасьев, А. Н. Живая вода и вещее слово [Текст] : сб. ст. / А. Н. Афанасьев; сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Баландина. – М. : Советская Россия, 1988. – 512 с.
14. Ахунзянов, Э. М. Двужычие и лексико-семантическая интерференция [Текст] / Э. М. Ахунзянов. – Казань : Изд-во Каз. Ун-та, 1978. – 189 с.
15. Аюпова, Л. Л. Вопросы социолингвистики : типы двуязычия в Башкирии [Текст] / Л. Л. Аюпова. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 69 с.
16. Багираков, Х. З. К вопросу о понятиях «родной язык» и «неродной язык» [Текст] / Х. З. Багираков, З. У. Блягоз // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 2. – С.1–4.
17. Байрамова, Л. К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны [Текст] / Л. К. Байрамова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 58. – С. 22–27.

18. Баранникова, Л. И. Сущность интерференции и специфика ее проявления [Текст] / Л. И. Баранникова // Проблемы двуязычия и многоязычия : научное издание / отв. ред.: П. А. Азимов, Ю. Д. Дешериев, Ф. П. Филин. – М., 1972. – С. 88–98.
19. Бахтикиреева, У. М. Трансфер/Transfer [Электронный ресурс] / У. М. Бахтикиреева // Дружба народов. – 2009. – № 12. – С. 160-171. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ba12-pr.html>
20. Белл, Р. Т. Социолингвистика : цели, методы и проблемы [Пер. с англ.] [Текст] / Р. Т. Белл. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 318 с.
21. Беляев, Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам [Текст] : пособие для преподавателей и студентов / Б. В. Беляев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1965. – 227 с.
22. Белянин, В. П. Психолингвистика : учебник [Текст] / В. П. Белянин. – 2-е изд. – М. : Флинта: МПСИ, 2004. – 232 с.
23. Бернгардт, О. В. Речь ребенка-билингва как предмет лексикографического описания (ситуация русско-немецкого двуязычия) [Текст] : дис...канд.филол.наук / Бернгардт Оксана Вячеславовна. – Ярославль, 2009. – 188 с.
24. Бертагаев, Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления [Текст] / Т. А. Бертагаев // Проблемы двуязычия и многоязычия : научное издание / отв. ред.: П. А. Азимов, Ю. Д. Дешериев, Ф. П. Филин. – М., 1972. – С. 82–88.
25. Блинохватова, В. М. Русско-французский билингвизм российского дворянства первой половины XIX века : на материале писем [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Блинохватова Варвара Михайловна. – Ставрополь, 2005. – 179 с.
26. Богатырев, П. Г. Вопросы теории народного искусства [Текст] / П. Г. Богатырев. – М. : Искусство, 1971. – 511 с.

27. Богданов, К. А. Прецедентные тексты в современном фольклоре [Электронный ресурс] / К. А. Богданов // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm>
28. Божович, Е. Д. О функциях чувства языка в решении школьниками семантико-синтаксических задач [Текст] / Е. Д. Божович // Вопросы психологии. – 1988. – № 4. – С. 70–78.
29. Бредис, М. А. Представления о денежных отношениях в пословицах : на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Бредис Михаил Алексеевич. – М., 2017. – 346 с.
30. Бредис, М. А. Деньги и богатство в пословицах разных народов (на материале русского, латышского, немецкого и английского языков) [Текст] / М. А. Бредис // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2012. – №4 (24). – С. 234–238.
31. Брутян, Г. А. Очерки по анализу философского знания [Текст] / Г. А. Брутян. – Ереван : Айастан, 1979. – 288 с.
32. Бубнова, И. А. Структура субъективного значения слова: психолингвистический аспект [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Бубнова Ирина Александровна. – М., 2008. – 51 с.
33. Бушев, А. Б. Языковая личность современного россиянина [Текст] / А. Б. Бушев // Вестник КемГУ. – 2010. – № 2 (42). – С. 96–98.
34. Буянова, Л. Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности [Текст] / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. – М. : Флинта; Наука. – 2012. – 184 с.
35. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие [Текст] / У. Вайнрайх ; пер. с англ. А. К. Жолковского // Новое в лингвистике / отв. ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1972. – № 6 : Языковые контакты. – С. 25–60.

36. Вайнрайх, У. Языковые контакты : состояние и проблемы исследования [Текст] / У. Вайнрайх; пер. с англ. яз. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Вища школа, 1979. – 263 с.

37. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма) [Текст] / Е. М. Верещагин. – М.; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 162 с.

38. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] : метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.

39. Ветров, П. П. Проблемы синтаксиса и стилистики фразеологических единиц в свете экспериментальных данных : на материале современного китайского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ветров Павел Павлович. – М., 2007. – 385 с.

40. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избр. труды / отв. ред. В. Г. Костомаров; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1977. – С. 140–161.

41. Витгенштейн, Л. Философские работы. В 2 ч. Ч. 1 [Текст] / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.

42. Вишневская, Г. М. Билингвизм и его аспекты [Текст] / Г. М. Вишневская. – Иваново : ИГУ, 1997. – 99 с.

43. Выготский, Л. С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте [Электронный ресурс] / Л. С. Выготский // Умственное развитие детей в процессе обучения : сборник статей / Л. С. Выготский. – Москва-Ленинград : ГУПИ, 1935. – С. 53–72. – Режим доступа: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=79868>.

44. Гавранек, Б. К проблематике смешения языков [Электронный ресурс] / Б. Гавранек // Новое в лингвистике / отв. ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1972. – Вып. №

6 : Языковые контакты. – С. 94–111. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/gavranek-72.htm>

45. Гагарина, Н. В. МЯЧ или BALL? Выбор первых слов русско-немецким билингвом [Текст] / Н. В. Гагарина // Детское двуязычие : Материалы международной научно-практической конференции. – СПб., 2005. – С. 13–15.

46. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира : Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский [Текст] / Г. Д. Гачев. – М. : Сов. Писатель, 1988. – 448 с.

47. Гехтляр, С. Я. Из наблюдений над речью ребенка-билингва [Текст] / С. Я. Гехтляр // Проблемы детской речи – 1999 : Материалы Всероссийской конференции. – СПб., 1999. – С. 50–51.

48. Глазанова, Е. В. О надежности психолингвистических методов [Текст] / Е. В. Глазанова // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ерофеева; Перм. ун-т. – Пермь, 2004. – Вып. 5 : Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма. – С. 45–53.

49. Голикова, Е. О. Особенности нарушений письма у двуязычных детей [Текст] / Е.О. Голикова // Сборник молодых ученых МГПУ. – Выпуск XX. – М., 2005. – С. 37–45.

50. Голованова, Е. И. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий [Текст] / Е. И. Голованова, И. А. Голованов, И. Г. Казачук // Научный диалог. – 2016. – № 8 (56). – С. 34–45.

51. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики [Текст] : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седосв. – М. : Лабиринт, 1997. – 224 с.

52. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.

53. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт; пер. с нем., общ. ред. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

54. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода : (извлечения) [Текст] / В. Гумбольдт // Звегинцев, В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1.– 3-е изд., доп. – М., 1964. – С. 85–104.
55. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры [Текст] / В. Гумбольдт; пер. с нем. М. И. Левина [и др.]. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
56. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
57. Денисова, Е. С. Энигмопорождающая функция синтагматического ассоциата [Текст] / Е. С. Денисова // Вестник Российского ун-та дружбы народов. – 2008. – № 1. – С. 36–42.
58. Дешериев, Ю. Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия [Текст] / Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко // Проблемы двуязычия и многоязычия : научное издание / отв. ред.: П. А. Азимов, Ю. Д. Дешериев, Ф. П. Филин. – М., 1972. – С. 26–42.
59. Джидалаев, Н. С. Русско-дагестанское двуязычие как социолингвистическое явление и объект исследования [Текст] / Н. С. Джидалаев // Русский язык и языки народов Дагестана : сб. науч. тр. – Махачкала, 1979. – С. 76–79.
60. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) [Текст] / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
61. Емельянова, Н. А. Роль идиоматических выражений в интерпретации интенциональных эксплицируемых и тавтологических скрытых смыслов [Текст] / Н. А. Емельянова // Известия РГПУ им. Герцена. – 2011. – № 130. – С. 169–175.

62. Ерофеева, И. В. Когнитивная модель «богатство» в пространстве современного медиатекста: конфликт ценностей [Текст] / И. В. Ерофеева // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2010. – № 6 (50). – С. 18–21.
63. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.
64. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов [Текст] : учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
65. Жуков, В. П. О словаре пословиц и поговорок. Предисловие [Текст] / В. П. Жуков // Словарь русских пословиц и поговорок. М. : «Русский язык», 2002. – С. 9–17.
66. Журинский, А. Н. Семантическая структура загадки: неметафорические преобразования смысла [Текст] / А. Н. Журинский; отв. ред. Н. В. Охотина; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1989. – 126 с.
67. Завьялова, Е. Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации [Электронный ресурс] / Е. Е. Завьялова // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 187–193. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/primety-kak-folklornyy-zhanr-opyt-sistematizatsii>
68. Закиров, М. И. Концепт вода/су в русских и татарских народных приметах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.02 / Закиров Марат Ильясович. – Казань, 2009. – 261 с.
69. Залевская, А. А. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия [Текст] : учеб. пособие / А. А. Залевская, И. Л. Медведева ; М-во образования Рос. Федерации, Тверской гос. ун-т. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – 194 с.
70. Залевская, А. А. Что там – за словом? : Вопросы интерфейсной теории значения слова : монография [Текст] / А. А. Залевская. – М.; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 328 с.

71. Земцовский, И. И. Представление о целостности фольклорного жанра как объект реконструкции и как метод [Текст] / И. И. Земцовский // Фольклор и этнография: проблемы реконструкции фактов традиционной культуры : сб. науч. тр / отв. ред. Б. Н. Путилов. – Л., 1990. – С. 205–212.
72. Золотова, Л. М. К проблеме семантической мотивированности фразеологизмов современного немецкого языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Золотова Лилия Михайловна. – М., 1978. – 164 с.
73. Зограф, Г. А. Многоязычие [Электронный ресурс] / Г. А. Зограф // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 303. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/303a.html>
74. Зыкова, И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Зыкова Ирина Владимировна. – М., 2014. – 510 с.
75. Иванова, Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. : 10.02.01 / Иванова, Надежда Николаевна. – Великий Новгород, 2006. – 18 с.
76. Имедадзе, Н. В. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком [Текст] / Н. В. Имедадзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1979. – 229 с.
77. Исаева, Л. А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» [Текст] / Л.А. Исаева // Культурная жизнь юга России. – 2012. – № 2. – С. 58–60.
78. Камышанченко, Е. А. Сопоставительный анализ пословиц и поговорок английского и немецкого языков, репрезентирующих концепт «Деньги» [Текст] / Е. А. Камышанченко, Н. В. Нерубенко // Филологические науки : вопросы теории и практики. – 2012. – № 1 (12). – С. 78–80.

79. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 356 с.
80. Карлинский, А. Е. Основы теории взаимодействия языков [Текст] / А. Е. Карлинский; АН КазССР, Ин-т языкознания. – Алма-Ата : Гылым, 1990. – 181 с.
81. Катермина, В. В. Лингвокультурологический аспект русских загадок с компонентом "имя собственное" [Текст] / В. В. Катермина // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 6. – С. 75–80.
82. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ковшова Мария Львовна. – Москва, 2009. – 654 с.
83. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский; отв. ред. А. М. Шахнарович; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1990. – 103 с.
84. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
85. Коровушкин, В. П. Билингвизм и диглоссия как проявления социально-языковой ситуации [Электронный ресурс] / В. П. Коровушкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – №2(38). – Т. 2. – 2012. – С. 97–102. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-diglossiya-kak-proyavleniya-sotsialno-yazykovoy-situatsii>
86. Коровушкин, П. В. Лексикон билингвального ребенка в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Коровушкин Петр Валерьевич. – Череповец, 2014. – 290 с.

87. Кравцов, Н. И. Русское устное народное творчество [Текст] : учеб. для филол. спец. ун-тов / Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1983. – 448 с.
88. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : лекц. курс [Текст] / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 282 с.
89. Круглякова, Т.А. Из истории изучения проблем многоязычия [Электронный ресурс] / Т.А. Круглякова // Проблемы изучения билингвизма : книга для чтения. – СПб. : Златоуст, 2014. – 278 с. – Режим доступа: https://www.kniga.com/index.php?route=product/product/mini&product_id=147995#idm4533968
90. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М. : Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, 2007. – № 4. – С. 8–16.
91. Кудрявцева, Е. Л. Комплексный подход к обучению языку (как неродному и другому родному) детей билингвов (в возрасте 1 года – 6 лет) в образовательных организациях с этнокультурным компонентом стран Евросоюза [Электронный ресурс] / Е. Л. Кудрявцева, Т. В. Волкова; Междунар. методический совет по многоязычию и межкультурной коммуникации. – 2014. – 232 с. – Режим доступа: http://bilium.russchool.eu/assets/files/results/module2/Bilium_part2RUS.pdf
92. Кулькова, М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.20 / Кулькова Мария Александровна. – Казань, 2011. – 52 с.
93. Кулькова, М. А. Семантика и прагматика немецких и русских народных примет : лингвокультурологический подход [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кулькова Мария Александровна. – Казань, 2005. – 216 с.

94. Курбатова, Н. В. Паремии, паремические выражения и народные суждения как отражение национально-культурной специфики языковой картины мира : на материале ново(древне)греческого и русского языков [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Курбатова Наталья Владиславовна. – Краснодар, 2002. – 255 с.
95. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) [Текст] / Б. А. Ларин. – М. : Высшая школа, 1975. – 325 с.
96. Лебедева, С. В. Интегративная модель близости значения слов [Электронный ресурс] / С. В. Лебедева. – Режим доступа: file:///C:/Users/User/Downloads/integrativnaya-model-blizosti-znacheniya-slov%20(1).pdf
97. Лейдерман, Н. Л. Русскоязычная литература – перекресток культур [Текст] / Н. Л. Лейдерман // Филологический класс. – 2015. – № 41. – С. 19–24.
98. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
99. Леонтьева, А. А. Бикультурная идентичность как проблема психологии [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьева // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 11. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1119>
100. Логутенкова, О. Н. Репрезентация фольклорной картины мира в языковом сознании билингвов (на материале паремиологических единиц тематической группы «Время») [Текст] / О. Н. Логутенкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – №4. – С. 654–660.
101. Логутенкова, О. Н. Народные приметы как элемент фольклорной картины мира билингвов [Текст] / О. Н. Логутенкова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – №1. – С.162–170.

102. Ломакина, О. В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого : лингвистический комментарий и лексикографическое описание [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ломакина Ольга Валентиновна. – СПб., 2016. – 390 с.
103. Лотман, Ю. М. Феномен культуры [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман. Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. – С. 34–45.
104. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – М. : Книга по Требованию, 2012. – 320 с.
105. Мадден, Е. Наши трехязычные дети [Текст] / Е. Мадден. – СПб. : Златоуст, 2008. – 308 с.
106. Мартине, А. Распространение языка и структурная лингвистика [Текст] / А. Мартине; пер. с англ. Р. В. Зенина // Новое в лингвистике / отв. ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 81–93.
107. Марушкина, А. С. Ошибки в речи херитажных говорящих : (на материале текстов русских эмигрантов в США) [Текст] / А. С. Марушкина, Е. В. Рахилина // Проблемы онтолингвистики – 2013 : материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2013. – С. 436–439.
108. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] : учебное пособие / В. А. Маслова. – 2-е издание, стер. – М. : Академия, 2004. – 208с.
109. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности [Текст] / С. Т. Махлина. – СПб. : Алетейя, 2009. – 232 с.
110. Мелерович, А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.
111. Митькина, И. Н. Особенности овладения фразеологизмами детьми седьмого года жизни [Текст] : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.07 / Митькина Ирина Николаевна. – М., 2001. – 173 с.

112. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых и образных выражений [Текст] / В. М. Мокиенко. – Изд. 3-е, перераб. – СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2007. – 256 с.

113. Назарова, И. Ю. Приметы в профессиональной сфере [Текст] / И. Ю. Назарова // Профессии. док. Социальные трансформации профессионализма : взгляды снаружи, взгляды изнутри : сб. ст. / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М. : ООО «Вариант» ; ЦСПГИ, 2007. – С. 295–312.

114. Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание [Текст] / С. Е. Никитина; РАН, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1993. – 189 с.

115. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ничипорчик Елена Владимировна. – Минск, 2016. – 56 с.

116. Павлова, Е. Г. Опыт классификации народных примет [Текст] / Е. Г. Павлова // Паремнологические исследования : сб. ст. / сост. Г. Л. Пермяков. – М., 1984. – С. 294–299.

117. Палеева, Е. В. Концепт «деньги» в сознании носителей русского языка [Электронный ресурс] / Е. В. Палеева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3-1. – С. 121-126. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-dengi-v-soznanii-nositeley-russkogo-yazyka>

118. Перевалова, Д. А. Жанр загадки в дискурсе дошкольного образования : особенности реализации миромоделирующей функции [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Перевалова Дарья Алексеевна. – Томск, 2015. – 23 с.

119. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремнологии [Текст] / Г. Л. Пермяков; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1988. – 235 с.

120. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки : заметки по общей теории клише [Текст] / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1970. – 240 с.
121. Петренко, О. А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте: на материале русского и английского фольклора [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Петренко Ольга Александровна. – Орел, 1996. – 18 с.
122. Пименов, Е. А. Исследование концепта *trauer* «печаль» посредством синонимического ряда [Текст] / Е. А. Пименов // Этногерменевтика и антропология = *Ethnohermeneutik und antropologie* / отв. ред.: Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Ландау; Кемерово, 2004. – С. 89–94.
123. Пинкер, С. Язык как инстинкт [Текст] : монография / С. Пинкер; пер. с англ. Е. Кайдаловой. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
124. Пранда, А. Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры [Текст] / А. Пранда // Советская этнография. – М. : 1972. – № 2. – С. 17–25.
125. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак : лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации [Текст] : монография / И. В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 469 с.
126. Протасова, Е. Говорить на двух языках? [Электронный ресурс] / Е. Ю. Протасова. – Режим доступа: <http://www.logopedspb.ru/content/view/43/1/>
127. Прошина, З. Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии [Текст] / З. Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.
128. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура [Текст] / Б. Н. Путилов; РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб. : Наука, 1994. – 236 с.
129. Радченко, О. А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство [Текст] / О. А. Радченко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 96–125.

130. Рогозная, Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев [Текст] / Н. Н. Рогозная. – Иркутск : Иркутская областная типография № 1. – 2001. – 332 с.
131. Рождественский Ю.В. Теория риторики [Текст] : монография / Ю. В. Рождественский. – 2-е изд., испр. – М. : Добросвет, 1999. – 482 с.
132. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты : лингвистическая проблематика [Текст] / В. Ю. Розенцвейг. – Л. : Наука, 1972. – 80 с.
133. Рябцева, Н. К. Контрастивная фразеология в культурном контексте [Текст] / Н. К. Рябцева // Сборник научных трудов / Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1999. – Вып. № 444 : Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. – С. 133–142.
134. Рябцева, О. М. Билингвизм в современном мире [Текст] / О. М. Рябцева // Известия ЮФУ №10. Технические науки. Тематический выпуск «Педагогика и психология». – Таганрог, 2011. – С. 116–122.
135. Салихова, Э. А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме [Текст] / Э. А. Салихова. – Уфа : Вагант, 2012. – 478 с.
136. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику [Текст] : курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
137. Семенов, Н. Н. Русские пословицы: функции, семантика, прагматика [Текст] : монография / Н. Н. Семенов. – Старый Оскол : РОСА, 2011. – 355 с.
138. Сепир, Э. Избранные работы по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
139. Серебрянников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление [Текст] / Б. А. Серебрянников; отв. ред. В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1988. – 242 с.

140. Сивакова, С. В. Проблемы обучения русскому языку детей-билингвов и детей-мигрантов в Японии [Текст] / С. В. Сивакова // Сборник материалов методической мастерской для зарубежных преподавателей-русистов. – М. : РУДН, 2012. – С.19–21.
141. Сиглюк, И. В. Социокультурный аспект английских и русских пословиц и поговорок, содержащих временные лексеммы [Текст] / И. В. Сиглюк // Язык и дискурс в современном мире : Мат-лы междунар. научнолингвистической конф. (19-20 мая 2005 г.). – Ч. 1. – Майкоп : АГУ, 2005. – С. 353–358.
142. Сигуан, М. Образование и двуязычие : [пер. с фр.] [Текст] / М. Сигуан, У. Ф. Макки. – М. : Педагогика, 1990. – 184 с.
143. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
144. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология [Текст] : учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
145. Стешина, Е. Г. Концепты «богатство» и «бедность» в молодежном языковом сознании русских и англичан [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Стешина Елена Геннадьевна. – Саратов, 2008. – 23 с.
146. Сукаленко, Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира [Текст] / Н. И. Сукаленко. – Киев : Наукова думка, 1992. – 164 с.
147. Сулаева, Ж. А. Кумыкские паремии о времени: лингвокультурологический аспект [Текст] / Ж. А. Сулаева // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 295–307.
148. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура [Текст] / Э. Б. Тайлор; пер. с англ. Д. Коропчевского. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.
149. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В. Н.

Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1999. – С. 13–24.

150. Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурные аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 288 с.

151. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] : учебник пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

152. Токарев, С. А. Ранние формы религии [Текст] / С. А. Токарев. – М. : Политиздат, 1990. – 622 с.

153. Толстой, Н. И. Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.

154. Тонкова, Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Тонкова Елена Евгеньевна. – Белгород, 2007. – 189 с.

155. Тхорик, В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация [Текст] : учеб.пособие для вузов / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2003. – 260 с.

156. Уорф, Б. Л. Язык и мышление [Текст] / Б.Л. Уорф // Психология мышления : хрестоматия по психологии / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – с. 569–576.

157. Фаттахова, Н. Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках : сопоставительный аспект [Текст] : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.20, 10.02.01 / Фаттахова Наиля Нурыйхановна. – Казань, 2005. – 402 с.

158. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте [Текст] : учеб. пособие / О. И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 104 с.

159. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] : статьи и выступления / М. Хайдеггер; сост., пер. с нем., вступ. ст., комм. и указ. В. В. Бибихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
160. Харченко, В. К. Лингвистика народной приметы [Текст] : монография / В. К. Харченко, Е. Е. Тонкова. – Белгород : Белгородская обл. тип., 2008. – 224 с.
161. Хашимов, Р. И. Интерференция и ее единицы [Текст] / Р. И. Хашимов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2003. – № 4. – С. 86–92.
162. Холмогоров, А. И. Конкретно-социологическое исследование двуязычия [Текст] / А. И. Холмогоров // Проблемы двуязычия и многоязычия : научное издание / отв. ред. : П. А. Азимов, Ю. Д. Дешериев, Ф. П. Филин. – М., 1972. – С. 160–176.
163. Хроленко, А. Т. Семантика фольклорного слова [Текст] / А. Т. Хроленко. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 137 с.
164. Цейтлин, С. Н. Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия [Электронный ресурс] : научная монография / С. Н. Цейтлин, Г. Н. Чиршева, Т. В. Кузьмина; отв. ред. М. Б. Елисеева. – СПб. : Златоуст, 2014. – 140 с. – Режим доступа: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=516178>
165. Черванева, В. А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира : (на материале эпич. жанров) [Текст] : монография / В. А. Черванева, Е. Б. Артеменко; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2004. – 184 с.
166. Червинский, П. П. Семантический язык фольклорной традиции [Текст] / П. П. Червинский. – Репринт изд. 1989 г. – Тернополь : Крок, 2011. – 228 с.
167. Черданцева, Т. З. Метафора и символ во фразеологической единице [Текст] / Т. З. Черданцева // Метафора и символ в языке и тексте. – М. : Высшая школа, 1988. – С. 78–92.

168. Черничкина, Е. К. Детское двуязычие как специфический вид билингвизма [Текст] / Е. К. Черничкина // Филологические науки : вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 7 (25) (Ч. 2). – С. 199–201.
169. Чиршева, Г. Н. Двуязычная коммуникация [Текст] / Г. Н. Чиршева; М-во образования Рос. Федерации, ГОУ ВПО Череповец. гос. ун-т, Гуманит. ин-т. – Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. – 190 с.
170. Чиршева, Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков [Текст] / Г. Н. Чиршева. – СПб. : Златоуст, 2012. – 488 с.
171. Чичеров, В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX вв. [Текст] : (очерки по истории народных верований) / В. И. Чичеров. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 236 с.
172. Чупырина, Е. В. Лексико-семантические особенности языка народной приметы [Электронный ресурс] / Е. В. Чупырина // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2010. – № 1(6). – Режим доступа: http://grani.vspu.ru/files/publics/136_st.pdf
173. Шахнович, М. И. Приметы верные и суеверные : атеистические очерки народного знания и бытового суеверия [Текст] / М. И. Шахнович. –Л. : Лениздат, 1984. – 190 с.
174. Швейцер, А. Д. Введение в социалингвистику [Текст] : учебное пособие / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М. : Высш. шк., 1978. – 216 с.
175. Швейцер, А. Д. Социалингвистика [Текст] / А. Д. Швейцер // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 481–482.
176. Шепунова, Е. Л. Языковая учебная группа как среда формирования вторичной языковой личности [Текст] / Е. Л. Шепунова. – М. : МГЛУ, 2008.
177. Щеглова, И. В. Билингвизм – понятие с интерпретационной активностью [Электронный ресурс] / И. В. Щеглова // Филологические науки. Вопросы теории и

практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 9(75) : в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 183–186. – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/>

178. Щепанская, Т. Б. Сравнительная этнография профессии: повседневные практики и культурные коды: (Россия, конец XX — начало XXI в.) [Текст] / Т. Б. Щепанская; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб. : Наука, 2010. – 365 с.

179. Щерба, Л. В. К вопросу о двуязычии [Электронный ресурс] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974 (а). – С. 313–318. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74f.htm>

180. Щерба, Л. В. О понятии смешения языков [Электронный ресурс] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974 (б). – С. 60–74. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74b.htm>

181. Эльконин, Д. Б. Детская психология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / Д. Б. Эльконин. – М. : Академия, 2007. – 384 с.

182. Эмер, Ю. А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование [Текст] / Ю. А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2. – С. 51–60.

183. Albas, D. Modern magic : the case of examinations [Text] / D. Albas, C. Albas // The sociological quarterly. – 1989. – Vol. 30, № 4. – PP. 603–613.

184. Arvaniti, A. Cypriot Greek and the phonetics and phonology of geminates [Text] / A. Arvaniti // Proceedings of the 1-st international conference of modern Greek dialects and linguistic theory / University of Patras. – Patras, 2001. – PP. 19–30.

185. Austin, J. Bilingualism in the Spanish-speaking world : linguistic and cognitive perspectives [Text] / J. Austin, M. Blume, L. Sanchez. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 234 p.

186. Baetens-Beardsmore, H. Bilingualism: basic principles [Text] / H. Baetens-Beardsmore. – 2nd edition. – San Diego : College-Hill Press, 1986. – 231 p.

187. Bain, B. Bilingualism and cognition: toward a general theory [Text] / B. Bain // Bilingualism, biculturalism, and education : proceedings from the conference at Collège Universitaire Saint Jean / ed. S. T. Carey. – Edmonton, 1974. – PP. 119–128.
188. Baker, C. Foundations of bilingual education and bilingualism [Text] / C. Baker. – 3rd edition. – Clevedon : Multilingual Matters Ltd, 1993. – 492 p.
189. Barnes, J. Vocabulary growth and composition in monolingual and bilingual Basque infants and toddlers [Text] / J. Barnes, I. Garcia // International journal of bilingualism. – 2012. – Vol. 17, № 3. – PP. 357–374.
190. Ben-Zeev, S. The influence of bilingualism on cognitive strategy and cognitive development [Text] / S. Ben-Zeev // Child development. – 1977. – № 48. – PP. 1009–1018.
191. Berry, J. Psychology of acculturation [Text] / J. Berry // Nebraska symposium on motivation : cross-cultural perspectives : current theory and research in motivation / ed. J. John. – Lincoln, 1989. – Vol. 37. – PP. 201–234.
192. Bialystok, E. Bilingualism in development: language, literacy, and cognition [Text] / E. Bialystok. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 288 p.
193. Bialystok, E. Bilingualism: the good, the bad, and the indifferent [Text] / E. Bialystok // Bilingualism: language and cognition. – 2009. – Vol. 12, № 1. – PP. 3–11.
194. Bialystok, E. The impact of bilingualism on cognition [Text] / E. Bialystok // Emerging trends in the social and behavioral sciences: an interdisciplinary, searchable and linkable resource / eds.: N. Pinkerton, R. A. Scott, S. M. Kosslyn. – Stanford : Center for advanced studies in the behavioral sciences, 2015. – PP. 1–12.
195. Blum, S. H. Do's and don't's : an informal study of some prevailing superstitions [Text] / S. H. Blum, L. H. Blum // Psychological reports. – 1974. – Vol. 35. – PP. 567–571.

196. Boroditsky, L. Does language shape thought? : Mandarin and English speakers' conceptions of time [Text] / L. Boroditsky // *Cognitive psychology*. – 2001. – Vol. 43. – PP. 1–22.
197. Boroditsky, L. Linguistic Relativity [Электронный ресурс] / L. Boroditsky // *Encyclopedia of Cognitive Science*. Ed. Nadel, L. London, UK : MacMillan Press, 2003. – Режим доступа: <http://www-psych.stanford.edu/~lera/papers/linguistic-relativity.pdf>
198. Brooks N. *Language and Language Learning: Theory and Practice* [Text] / N. Brooks. – New York and Burlingame : Harcourt, Brace & World, 1964. – 300 p.
199. Brown, R. W. A study in language and cognition [Text] / R. W. Brown, E. H. Lenneberg // *Journal of abnormal and social psychology*. – 1954. – Vol. 49. – PP. 454–462.
200. Burck, C. *Multilingual living: explorations of language and subjectivity* [Text] / C. Burck. – Houndmills ; NY : Palgrave Macmillan, 2005. – 218 p.
201. Cabassa, L. J. Measuring acculturation: where we are and where we need to go [Text] / L. J. Cabassa // *Hispanic journal of behavioral sciences*. – 2003. – PP. 127–146.
202. Chomsky, N. *Aspects of the Theory of Syntax* [Text] / N. Chomsky. – Cambridge, Massachusetts : MIT Press. – 1965. – 261p.
203. Cummins, J. Metalinguistic development of children in bilingual education programs : data from Irish and Canadian Ukrainian-English programs [Text] / J. Cummins // *The fourth locus forum 1977* / ed. M. Paradis. – Columbia, SC : Hornbeam press, 1978. – PP. 29–40.
204. Cummins, J. Some effects of bilingualism on cognitive functioning [Text] / J. Cummins, M. Gulutsan // *Bilingualism, biculturalism, and education : proceedings from the conference at Collège Universitaire Saint Jean* / ed. S. T. Carey.– Edmonton, 1974. – PP. 129–136.
205. Cummins, J. *Language, power and pedagogy: bilingual children in the crossfire* [Text] / J. Cummins. – Clevedon ; NY : Multilingual Matters Ltd, 2000. – 320 p.

206. Dale, E. Vocabulary measurement: techniques and major findings [Text] / E. Dale // Elementary English. – 1965. – Vol. 42. – PP. 895–901.
207. De Bruin, A. Cognitive advantage in bilingualism an example of publication bias? [Text] / A. De Bruin, B. Treccani, S. Della Sala // Psychological science. – 2015. – Vol. 26, № 1. – PP. 99–107.
208. Diaz, R. M. The intellectual power of bilingualism [Text] / R. M. Diaz // Quarterly newsletter of the laboratory of comparative human cognition. – 1985. – Vol. 7, № 1. – PP. 16–22.
209. Dekeyser, R. Grammatical development in language learning: the best of language learning series [Text] / R. Dekeyser. – Oxford : Blackwell. – 2005. – 242 p.
210. Diller, K. C. “Compound” and “coordinate” bilingualism: a conceptual artifact [Text] / K. C. Diller // Word. – 1970. – № 26. – PP. 254–261.
211. Dundes, A. The study of Folklore [Text] / A. Dundes. – New Jersey : Prentice Hall Eaglewood Cliffs. – 1965. – 481 p.
212. Ehri, L. C. Performance of bilinguals in a picture-word interference task [Text] / L. C. Ehri, E. B. Ryan // Journal of Psycholinguistic Research. – 1980. – Vol. 9, № 3. – PP. 285–302.
213. Ervin-Tripp S. Language acquisition and communicative choice [Text] / S. Ervin-Tripp. – Stanford : Stanford University Press, 1973. – 383 p.
214. Evans, V. A glossary of cognitive linguistics [Text] / V. Evans. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007. – 256 p.
215. Ferguson, C. A. Diglossia [Электронный ресурс] / C. A. Ferguson // Word. – 1959. – Vol. 15. – PP. 325–340. – Режим доступа: <http://www.mapageweb.umontreal.ca/tuitekj/cours/2611pdf/Ferguson-Diglossia.pdf>
216. Fishman, J. Bilingualism with and without diglossia: diglossia with and without bilingualism [Text] / J. Fishman // Journal of social issues. – 1967. – Vol. 23, № 2. – PP. 29–38.

217. Forster, M. Herder's Philosophy of Language, Interpretation, and Translation: Three Fundamental Principles [Электронный ресурс] / M. Forster // *The Review of Metaphysics*. – 2002. – Vol. 56, № 2. – PP. 323–356. – Режим доступа: www.jstor.org/stable/20131819.
218. Foundations of bilingual memory [Text] / eds.: R. R. Heredia, J. Altarriba. – NY : Springer-Verlag New York, 2014. – 297 p.
219. Gathercole, V. C. Miami and North Wales: so far and yet so near : a constructivist account of morpho syntactic development in bilingual children [Text] / V. C. Gathercole // *The international journal of bilingual education and bilingualism*. – 2007. – Vol. 10, № 3. – PP. 224–246.
220. Goldin-Meadow, S. Thought before language: Do we think ergative? [Электронный ресурс] / S. Goldin-Meadow // *Language in mind : Advances in the study of language and thought*. – Cambridge, MA, US : MIT Press. – 2003. – PP. 493-522. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Mutsumi_Imai/publication/230899814
221. Grosjean, F. The bicultural person: a short introduction [Text] / F. Grosjean // *Studying bilinguals* / ed. F. Grosjean. – Oxford, 2008. – PP. 213–220.
222. Hamers, J. F. Bilinguality and bilingualism [Text] / J. F. Hamers, M. H. Blanc. – 2nd edition. – Cambridge ; NY : Cambridge University Press, 2000. – 468 p.
223. Hart, B. The early catastrophe: the 30 million word gap [Text] / B. Hart, T. Risley // *American Educator*. – 2003. – Vol. 27, № 1. – PP. 4–9.
224. Haugen, E. Language conflict and language planning: the case of modern Norwegian [Text] / E. Haugen. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1966. – 393 p.
225. Karyolemou, M. When language policies change without changing : the university of Cyprus [Text] / M. Karyolemou // *Language Policy*. – 2002. – Vol. 1. – PP. 213–236.

226. Krashen, S. Lateralization, language learning, and the critical period [Text] / S. Krashen // *Language learning*. – 1973. – Vol. 23. – PP. 63–74.
227. Lambert, W. E. Measurement of the linguistic dominance of bilinguals [Text] / W. E. Lambert // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1955. – Vol. 50. – PP. 197–200.
228. Lee, P. Cognitive development in bilingual children: a case for bilingual instruction in early childhood education [Электронный ресурс] / P. Lee // *The bilingual research journal*. – 1996. – Vol. 20, № 3–4. – PP. 499–522. – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/258368641/Lee-Cognitive-Development-in-Bilingual-Children>
229. Lenneberg, E. H. Biological foundations of language [Text] / E. H. Lenneberg. – NY : John Wiley, 1967. – 489 p.
230. Leopold, W. F. Speech development of a bilingual child: a linguist's record : 4 Vols. [Text] / W. F. Leopold. – Evanston, IL : Northwestern University Press, 1939–1949.
231. Levorato, M. C. Reading comprehension and understanding idiomatic expressions : a developmental study [Text] / M. C. Levorato, B. Nesi, C. Cacciari // *Brain and Language*. – 2004. – Vol. 91, № 3. – PP. 303–314.
232. Liedtke, W. W. Concept formation and bilingualism [Text] / W. W. Liedtke, L. D. Nelson // *Alberta Journal of Educational Research*. – 1968. – № 14. – PP. 225–232.
233. Luna, D. One individual, two identities: frame switching among biculturals [Text] / D. Luna, T. Ringberg, L. Peracchio // *Journal of consumer research*. – 2008. – Vol. 35, № 2. – PP. 279–293.
234. Mackey, W. The description of bilingualism [Text] / W. Mackey // *Readings in the sociology of language*. The Hague : Mouton & Co., 1970. – PP. 555–584.
235. MacWhinney, B. The Competition Model: The Input, the Context, and the Brain [Электронный ресурс] / B. MacWhinney. – Pittsburgh : Department of Psychology,

Carnegie Mellon University, 2002. – Режим доступа:
<https://pdfs.semanticscholar.org/0c97/c2dbf62a93ec7c209bd75a6cd424f91ab964.pdf>

236. Marian, V. The cognitive benefits of being bilingual [Электронный ресурс] / V. Marian, A. Shook // *Cerebrum*. – 2012. – Режим доступа:
<http://www.dana.org/Cerebrum/Default.aspx?id=39483>

237. Markus, H. R. Cultures and selves: a cycle of mutual constitution [Text] / H. R. Markus, S. Katayama // *Association for psychological science*. – Stanford, 1998. – PP. 420–430.

238. Marrow, H. B. New immigrant destinations and the American colour line [Text] / H. B. Marrow // *Ethnic and racial studies*. – 2009. – Vol. 32, № 6. – PP. 1037–1057.

239. Mieder, W. Proverbs : a handbook [Text] / W. Mieder. – Westport : Greenwood Press, 2004. – 304 p.

240. Montrul, S. The acquisition of heritage languages [Text] / S. Montrul. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 382 p.

241. Morton, J. B. What did Simon say? : revisiting the bilingual advantage [Text] / J. B. Morton, N. Harper // *Developmental science*. – 2007. – Vol. 10. – PP. 719–726.

242. Nippold, M. A. Idiom understanding in youth : further examination of familiarity and transparency [Text] / M. A. Nippold, C. L. Taylor // *Journal of speech and hearing research*. – 1995. – Vol. 38, № 2. – PP. 426–433.

243. Nortier, J. Code switching in Moroccan Arabic/Dutch vs. Moroccan Arabic/French language contact [Text] / J. Nortier // *International journal of the sociology of language*. – 2009. – Vol. 112, № 1. – PP. 81–95.

244. Paivio, A. A dual coding approach to bilingual memory [Text] / A. Paivio, A. Dcsrochcrs // *Canadian Journal of Psychology*. – 1980. – № 34. – PP. 390–410.

245. Papapavlou, A. A review of the sociolinguistic aspects of the Greek Cypriot dialect [Text] / A. Papapavlou, P. Pavlou // *Journal of multilingual and multicultural development*. – 1998. – Vol. 19, № 3. – PP. 212–220.
246. Paradis, M. The stratification of bilingualism [Text] / M. Paradis // *Aspects of bilingualism*. – Columbia, SC: Hornbeam Press, 1978. – PP. 165–175.
247. Park, R. E. Human migration and the marginal man [Text] / R. E. Park // *American journal of sociology*. – 1928. – Vol. 33, № 6. – PP. 881–893.
248. Peal, E. The relation of bilingualism to intelligence [Text] / E. Peal, W. E. Lambert // *Psychological monographs : general and applied*. – 1962. – Vol. 76, № 27. – PP. 1–23.
249. Pearson, B. Z. Lexical development in bilingual infants and toddlers: comparison to monolingual norms [Электронный ресурс] / B. Z. Pearson, S. C. Fernandez, D. K. Oller // *Language Learning*. – 1993. – Vol. 43, № 1. – PP. 93–120. – Режим доступа: https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=adjunct_sw
250. Polinsky, M. Heritage languages: in the ‘wild’ and in the classroom [Text] / M. Polinsky, O. Kagan // *Language and linguistics compass*. – 2007. – Vol. 1, № 5. – PP. 368–395.
251. Poplack, S. Sometimes I’ll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL : toward a typology of code-switching [Электронный ресурс] / S. Poplack // *Linguistics*. – 1980. – Vol.18, № 7–8. – PP. 581–618. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/311814862>
252. Qualls, C. D. Effects of familiarity on idiom comprehension in African American and European American fifth graders [Text] / C. D. Qualls, J. J. Harris // *Language, speech, and hearing services in schools*. – 1999. – Vol. 30, № 2. – PP. 141–151.

253. Roberson, D. Color categories : evidence for the cultural relativity hypothesis [Text] / D. Roberson, J. Davidoff, I. Davies, L. Shapiro // *Cognitive psychology*. – 2005. – Vol. 50, № 4. – PP. 378–411.
254. Romaine, S. *Bilingualism* [Text] / S. Romaine. – Oxford : Blackwell, 1995. – 337 p.
255. Ronjat, J. Le developpement du langage observé chez un enfant bilingue [Электронный ресурс] / J. Ronjat. – Paris : Champion, 1913. – 180 p. – Режим доступа: <https://archive.org/details/ledveloppement00ronjuoft>
256. Rothman, J. A linguistic analysis of Spanglish: relating language to identity [Text] / J. Rothman, A. B. Rell // *Linguistics and the human sciences*. – 2005. – Vol. 1, № 3. – PP. 515–536.
257. *Routledge encyclopedia of language teaching and learning* [Text] / ed. M. Byram. – London : Routledge, 2000. – 736 p.
258. Rudski, J. M. Malinowski goes to college: factors influencing students' use of ritual and superstition [Text] / J. M. Rudski, A. Edwards // *Journal of general psychology*. – 2007. – Vol. 134, № 4. – PP. 389–403.
259. Selinker, L. Interlanguage [Text] / L. Selinker // *International review of applied linguistics in language teaching*. – 1972. – Vol. 10, № 3. – PP. 209–231.
260. Skutnabb-Kangas, T. *Bilingualism or Not: The education of minorities* [Text] / T. Skutnabb-Kangas. – Clevedon, Avon : Multilingual Matters, 1981. – 378 p.
261. Slobin, D. From “thought and language” to “thinking for speaking.” [Text] / D. Slobin // *Rethinking linguistic relativity* / eds.: J. J. Gumperz and S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1996. – PP. 70– 96.
262. Soffiatti, J. *Bilingualism and biculturalism* [Text] / J. Soffiatti // *The journal of educational psychology*. – 1960. – Vol. 46, № 4. – PP. 275–277.
263. Spinoza, B. *Theological-Political Treatise* [Text] / B. Spinoza // *Cambridge Texts in the History of Philosophy*. – USA : Cambridge University Press, 2007. – 283 p.

264. Sprenger, S. A. Lexical access during the production of idiomatic phrases [Text] / S. A. Sprenger, W. J. M. Levelt, G. Kempen // *Journal of memory and language*. – 2006. – Vol. 54, № 2. – PP. 161–184.

265. Stonequist, E. V. *The marginal man : a study in personality and culture conflict* [Text] / E. V. Stonequist // *Contributions to urban sociology* / eds.: E. W. Burgess, D. J. Bogue. – Chicago : University of Chicago Press, 1964. – PP. 327–345.

266. Swain, M. K. *Bilingualism as a first language* [Text] : PhD Thesis / Swain Merrill Kathleen. – Irvine, CA : University of California at Irvine, 1972. – 288 p.

267. Thordardottir, E. Bilingual assesment : can overall proficiency be estimated from separate measurement of two languages? [Text] / E. Thordardottir, A. Rothenberg, M. Rivard, R. Naves // *Journal of multilingual communication disorders*. – 2006. – Vol. 4. – PP. 1–21.

268. Uccelli, P. Narrative and vocabulary development of bilingual children from kindergarten to first grade: developmental changes and associations among English and Spanish skills [Text] / P. Uccelli, M. M. Páez // *Language, speech, and hearing services in schools*. – 2007. – Vol. 38, №3. – PP. 225–236.

269. Valdés, G. *Bilingualism and testing : a special case of bias* [Text] / G. Valdés, R. A. Figueroa. – Norwood : Ablex, 1994. – 265 p.

270. Vince, G. *The amazing benefits of being bilingual* [Электронный ресурс] / G. Vince. – 2016. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/future/story/20160811-the-amazing-benefits-of-being-bilingual>

271. Wardhaugh, R. *An introduction to sociolinguistics* [Text] / R. Wardhaugh. – 6th. edition. – Oxford : John Wiley & Sons Ltd, 2010. – 450 p.

272. Warriner, D. S. *Transnational literacies : immigration, language learning, and identity* [Text] / D. S. Warriner // *Linguistics and education*. – 2007. – Vol. 18, № 3–4. – PP. 201–214.

273. Weinreich, U. Languages in contact : findings and problems [Text] / U. Weinreich. – Berlin : De Gruyter Mouton, 1979. – 164 p.
274. Whorf, B. L. Language, thought and reality [Text] / B. L. Whorf. – Cambridge : MIT Press, 1956. – 289 p.
275. Winford, D. An introduction to contact linguistics [Text] / D. Winford. – Malden, MA: Blackwell, 2003. – 440 p.
276. Κριαράς, Ε. Λεξικό της Σύγχρονης Ελληνικής Γλώσσας [Text] / Ε. Κριαράς. – Εκδοτική Αθηνών, 2007. – 1590 σ.
277. Κυριακίδης, Στ. Ελληνική Λαογραφία, Μέρος Α'. Μνημεία του Λόγου [Text] / Στ. Κυριακίδης. – Αθήνα : Δημοσιεύματα του Λαογραφικού Αρχείου Ακαδημίας Αθηνών, αρ. 8, 1965. – 332-352 σ.

Лексикографические источники

278. Баско, Н. В. Фразеологизмы в русской речи [Текст] : словарь-справочник / Н. В. Баско. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 272 с.
279. Большая книга примет [Текст] / Авт.-сост. Е. Л. Исаева, О. В. Белякова, А. Е. Кузнецова, Ю.М.Спасская. — М. : Эксмо, 2007. – 512 с.
280. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
281. Грушко, Е. А. Энциклопедия русских примет [Текст] / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : Эксмо, 2003. – 384 с.
282. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа [Текст] / В. И. Даль. – М. : Диамант, 1998. – 544 с.
283. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Текст] / В. И. Даль. – М. : Астрель : АСТ, 2001. – 750 с.

284. Единый фразеологический минимум русского языка для национальной школы [Текст] : проект / АПН, НИИ преподавания рус. яз. в нац. школе ; сост.: Е. А. Быстрова (рук.) и др. – М., 1976. – 48 с.
285. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В. П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
286. Загадки [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. литературы; сост. В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1968. – 255 с.
287. Загадки русского народа : сборник загадок, вопросов, притч и задач [Текст] / сост. Д. Н. Садовников. – М. : МГУ, 1959. – 336 с.
288. Круглов, Ю. Г. Русские народные загадки, пословицы, поговорки [Текст] : сб. / сост., авт. вступ. статей, коммент. и слов. Ю. Г. Круглов. – М. : Просвещение, 1990. – 335 с.
289. Народный месяцеслов : пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде [Текст] / сост. и авт. введ. текстов Г. Д. Рыженков ; вступ. ст. и слов. А. Н. Розова. – М. : Современник, 1992. – 126 с.
290. Пословицы, поговорки, загадки [Текст] / сост., авт. предсл. и коммент.: А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. – 2-е изд. – М. : Современник, 1986. – 512 с.
291. Розе, Т. В. Большой фразеологический словарь для детей [Текст] / Т. В. Розе. М. : Олма : Просвещение, 2005. – 224 с.
292. Русские пословицы и поговорки [Текст] / под ред. В. П. Аникина. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
293. Ушакова, О. Д. Почему так говорят : фразеологический словарик школьника [Текст] / О. Д. Ушакова. – СПб. : Литера, 2004. – 95 с.
294. Δεμίρη-Προδρομίδου, Ε. Η γλώσσα των ιδιωτισμών και των εκφράσεων [Text] / Ε. Δεμίρη-Προδρομίδου, Δ. Νικολαΐδου-Νέστορα, Ν. Τρύφωνα- Αντωνοπούλου. – Θεσσαλονίκη : University Studio Press, 2002. – 140 σ.

295. Μπαμπινιώτης, Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας [Text] / Γ. Μπαμπινιώτης. – Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2002. – 2064 σ.
296. Μπούτουρα, Α, Προλήψεις του Ελληνικού λαού και η ερμηνεία τους [Text] / Α. Μπούτουρα . – Αθήνα : Κάκτος, 2006. – 204 σ.
297. Νατσούλης, Τ. 3000 Λέξεις και φράσεις παροιμιώδεις. Από την αρχαιότητα μέχρι σήμερα – Προέλευση, ετυμολογία, ερμηνεία, αλληγορία 15η, βελτιωμένη και συμπληρωμένη έκδοση [Text] / Τ. Νατσούλης. – Αθήνα : Σμυρνιωτάκης - Μετασπουδή, 2013. – 834 σ.

Приложение А.
(справочное)

Образцы экспериментальных бланков для проведения Эксперимента №1

Экспериментальный бланк №1. Пословицы и поговорки русского языка

Закончите пословицы и поговорки, вставив нужное слово:

1. Каждому ... .. своё время;
2. .... едешь – .... будешь;
3. Дорога ложка к обеду, а красное яичко ....;
4. Пospешишь – ...;
5. Упустишь минутку – ...;
6. Мал золотник, да ...;
7. Не имей сто рублей, а имей ....;
8. На деньги ума не...:
9. Долг платежом... ;
10. Сделал дело — ...;
11. Цыплят ... считают;
12. Не говори..., пока не перепрыгнешь;
13. Делу – время, а .... – час.
14. Счет .... не портит;
15. Вода по .... и камень точит.

Экспериментальный бланк №2. Пословицы и поговорки греческого языка

Закончите пословицы и поговорки, вставив нужное слово:

1. *Κατά τον καιρό και ... ;*
2. *Στη βράση κολλάει ...;*
3. *Κάθε πράγμα στον καιρό του, κι ο ...;*

4. Όποιος βιάζεται ...
5. Καιρός φέρνει τα λάχανα, καιρός ...
6. Όποιος σκορπάει τον καιρό, δεν ....
7. Από την φτώχεια βγαίνει ....
8. Έχει καβούρια στην ....
9. Θέλεις πλούτη και τιμή μην....
10. Μάζευε όταν μπορείς, για να .... όταν πρέπει.
11. Περασμένα ....
12. Τους πέντε μήνες θλίβεται και τους εφτά....
13. Έχει ο καιρός γυρίσματα, να πληρωθοῦν ....
14. Όποιος θέλει, βρίσκει καιρό, κι όποιος δεν θέλει βρίσκει ....
15. Κανείς δὲν εἶναι καλύτερος σύμβουλος ἀπὸ....

Экспериментальный бланк №3

Δайте объяснение следующим пословицам и поговоркам русского языка (как вы их понимаете):

1. Сытый голодного не разумеет.
2. С миру по нитке – голому рубаха.
3. Копейка рубль бережет.
4. Здоровье дороже денег.
5. Кататься, как сыр в масле.
6. Бедность не порок.
7. Гол, как сокол.
8. Счет дружбы не портит.
9. Из дешевой рыбы дешева и уха.
10. Уговор дороже денег.
11. Долго спать – с долгом встать.

12. Денег куры не клюют.
13. Кто до денег охоч, тот не спит и ночь.
14. Без копейки рубля не бывает.
15. Скупой платит дважды.
16. Тише едешь – дальше будешь.
17. Делу время – потехе час.
18. Каждому овощу свое время.
19. Копейка рубль бережет.
20. Дорога ложка к обеду.
21. Искру туши до пожара, беду отводи до удара.
22. После драки кулаками не машут.
23. Позднему гостю – кости.
24. Упустишь минутку – потеряешь час.
25. Не спеши языком, спеши делом.
26. Летом неделя год кормит.
27. Пройдет времечко, вырастет и семечко.
28. Дважды в год лето не бывает.
29. Откладывать в долгий ящик.
30. Много воды утекло (с тех пор).

Экспериментальный бланк №4

Дайте объяснение следующим пословицам и поговоркам греческого языка (как вы их понимаете):

1. Εχεις γρόσια, έχεις γλώσσα.
2. Από την φτώχεια βγαίνει η τέχνη.
3. Όποιος θέλει τα πολλά, χάνει και τα λίγα.
4. Τα πολλά και τα περίσσια μας χαλάσανε τα ίσια.

5. Αν δεν πεινάσουν οι φτωχοί, οι πλούσιοι δεν χορταίνουν.
6. Έχεις χρήματα, έχεις πατήματα.
7. Φασούλι, φασούλι γεμίζει το σακούλι.
8. Όπου είναι τα πολλά, εκεί πάνε και τα λίγα.
9. Βοήθα με φτωχέ να μην σου μοιάσω.
10. Το χρήμα γεννάει το χρήμα.
11. Φυλάτε τον άσπρο παρά για την μαύρη μέρα.
12. Έχεις χρήματα, έχεις πατήματα.
13. Η φτώχεια δεν είναι ντροπή.
14. Όταν έχει το πουγκί σου όλοι είναι φίλοι σου.
15. Νηστικό αρκούδι δεν χορεύει.
16. Το σήμερα είναι νωρίς, τ' αύριο αργά θα είναι.
17. Το γοργόν και χάριν έχει.
18. Ανάποδος χρόνος 13 μήνες έχει.
19. Καιρός φέρνει τα λάχανα, καιρός τα παραπούλια.
20. Όσα φέρνει η ώρα, δεν τα φέρνει ο χρόνος όλος.
21. Πάω αργά γιατί βιάζομαι.
22. Έχει ο καιρός γυρίσματα, κι ο χρόνος εβδομάδες.
23. Ο καιρός είναι γιατρός.
24. Κατά τον καιρό και το χορό.
25. Όποιος βιάζεται σκοντάφτει.
26. Στάλα τη στάλα το νερό το μάρμαρο τρυπά.
27. Αγάλι-αγάλι γίνεται η αγουρίδα μέλι.
28. Άλλοι καιροί, άλλοι τρόποι.
29. Σαπουνίζοντας γουρούνι χάνεις χρόνο και σαπούνι.
30. Νηστικό αρκούδι δεν χορεύει.

Приложение Б.

(справочное)

Список народных примет, отобранных для проведения
Эксперимента №2***Список русских народных примет, отобранных для проведения
экспериментальных процедур***

1. Если на Сретенье солнечно, зима будет поздней.
2. Если месяц в тусклой дымке, будет ненастье.
3. Если Солнце в белой тусклой дымке, будет дождь.
4. Если звезды мерцают сильно, будет ненастная погода.
5. Если увидишь в небе радугу – тебя ждет радость.
6. Красноватая луна – на большой ветер.
7. Белая радуга зимой – к сильному морозу.
8. Зеленая радуга – к дождю, желтая - к хорошей погоде, красная - к жаре и ветру.
9. Если птицы купаются в песке – быть дождю и непогоде.
10. Если мухи кусают, будет дождь.
11. Если ласточки летают низко, будет дождь.
12. Если кошка умывается, будут гости.
13. Если кошка прячет во сне мордочку в лапки или под брюшко – настанет непогода и холода).
14. Если кошка сладко спит, развернув брюшко кверху – быть теплу и жаркому солнышку.
15. Кошка точит коготки о ножки стула – к переменным погодным явлениям).

16. Гром в сентябре предвещает теплую осень.
17. Осень будет теплой, если до позднего лета цветут анютины глазки, лютики, маргаритки, тысячелистник, клевер.
18. Птица на крышу садится — к непогоде.
19. Домашняя птица прячет голову под крыло — к холоду.
20. Поздний листопад — к суровой и продолжительной зиме.
21. Появились комары поздней осенью — к суровой зиме.
22. Ворона купается — к ненастью.
23. Воробьи кричат — к метели.
24. Ворона клюв под крыло прячет — к холоду.
25. Небо над лесом посинеет — к теплу.
26. Вечерние зори быстро перегорают — к оттепели.
27. Деревья покрылись инеем — к метели.
28. Если выпавший ночью снег остается на ветках деревьев, то и на земле не растает.
29. Дневной снег не лежит - первый прочный снег выпадает ночью.
30. При неурожае на шишки ели и сосны зима лютой не бывает.
31. Когда в ноябре небо заплачет, то следом за дождем и зима придет.
32. Большие муравьиные кучи к осени – на суровую зиму.
33. Появление комаров поздней осенью – к мягкой зиме.
34. Блохи кусают – перед дождем.
35. Пчелы осенью плотно заделывают леток прополисом - на холодную зиму, оставляют его открытым – к теплой зиме.
36. Осиновые листья ложатся лицом вверх - к студеной зиме, изнанкой кверху - зима теплая.
37. Сырое лето и теплая осень – к долгой зиме.
38. Осенний иней – к сухой, солнечной погоде.

39. Встретишь белого зайца – непременно снег еще выпадет.
40. Птицы садятся на землю – завтра тепло будет.
41. Птицы сидят на нижних ветках деревьев – жди ветер.
42. Птицы приумолкли – гроза будет.
43. Грачи играют – жди хорошую погоду.
44. Гуси высоко летят – много талой воды будет, гуси низко летят – мало будет талой воды.
45. Синица запела – к наступлению тепла.
46. Дождевые облака круглые – дождь будет кратковременный; дождевые облака плоские – дождь будет идти долго.
47. Легкие белые облака над рекой или озером быстро исчезают при восходе солнца – жди ясную погоду.
48. Тучи опускаются – к ненастью.
49. Утром туман поднимается и образует облака – будет дождь, а коли туман падает на землю – будет сухо.
50. Дым коромыслом – тепло будет.
51. Кожа стала мягкой, а соль влажной – к дождливой погоде.
52. Зацвел абрикос – жди похолодание.
53. Одуванчик сжался в пушистый шар – к дождю.
54. Когда заходишь первый раз в дом, нужно переступить через порог правой ногой, тогда все будет хорошо.
55. Когда чихаешь, кто-то о тебе вспоминает.
56. Если чешется левая ладонь- получишь деньги.
57. Когда кто-то далеко уезжает, не подметаем в его/ее комнате в этот день, чтобы человек добрался благополучно.
58. Если кошка сворачивается в клубочек – будет мороз.
59. Если дергается правое веко, получишь хорошую новость.

60. Нос чешется – будешь битым.
61. Паук – к хорошим вестям.
62. Нельзя смотреть в зеркало во время еды – всю красоту съешь.
63. Разбить зеркало – к несчастью.
64. Если наденешь вещь наизнанку – будешь битым.
65. Перед зеркалом не едят, чтобы здоровье и удачу «не проесть».
66. Нельзя двоим утираться одновременно одним полотенцем, иначе им придется расстаться.
67. Если в доме вдруг беспричинно начинают вянуть цветы – не миновать сильного конфликта в семье.
68. Много паутины на «бабье лето» - к холодной зиме.
69. Если при выпечке каравая отломилась часть, кому-то в семье предстоит поездка.
70. Каково Благовещенье, таков и весь год.
71. В одной избе разными вениками не мести: разойдется по углам богатство.
72. Если выбрасывать мусор после шести часов вечера, денег не будет.
73. Если считать деньги после заката солнца, остнешься без денег.
74. Если на столе или где-то на видном месте оставлять монетку, она «притягивает» деньги.
75. Посуда бьется — к счастью.
76. Не сметай со стола рукой — не будет достатка.
77. Поперхнулся за столом — гость спешит.
78. Не доел хлеб и взял другой кусочек незаметно для себя — кто-то из родных вдалеке голоден.
79. Не ешь с ножа — сердитым будешь.

80. Ложка (и все предметы женского рода) падает на пол — женщина в дом торопится, нож (и все предметы мужского рода) падает — мужчина придет в гости.
81. Нельзя не доедать или не допивать — зло оставляешь.
82. Нельзя молоко в пустую чашку лить, а нужно положить хлебца, чтобы молоко в доме не переводилось.
83. Нельзя крошить ножом хлеб в молоко: корова будет хворать.
84. Хранить в доме разбитую посуду — навлекать на себя несчастье.
85. Пересолила еду — влюбилась.
86. Если ужин был съеден весь, без остатка, то это предвещает на следующий день либо хорошую погоду, либо прибытие на ночлег какого-либо гостя.
87. За столом передавать укус кому бы то ни было нельзя: обязательно поссоришься с тем человеком; но если передать пришлось, то для отвращения ссоры необходимо рассмеяться, тогда только ссоры не будет.
88. Если немытыми руками брать хлеб, то будет изжога.
89. Если кто-то умер, то в том доме нельзя печь хлеб: это приведет еще к одной смерти.
90. Нельзя печь хлеб и в воскресные или праздничные дни, пироги же печь не считается грехом; но если необходимость заставит кого-нибудь печь хлеб в такой день, то нужно посолить тесто, и тогда не будет греха.
91. Хлеб вылезет из печи - к беде.
92. Вступить в чужой след - не к добру: либо ноги заболят, либо заразится
93. Среди дня резко клонит в сон – к новому знакомству.
94. Встретиться на лестнице — к несчастью.
95. Взбалтывать чай в чайнике — накликать ссору.
96. Оставить на ночь нож на столе — к большим неприятностям.
97. Оставить нож с вечера на столе — утром почувствуешь резь в желудке.
98. Тот, кто поджаривает хлеб на ноже, не будет иметь счастья в жизни.

99. Пустую колыбель качать — у матери может родиться еще один ребенок.
100. Если ребенок родился летом или весной, то это сулит ему веселую жизнь, если зимой — холодность к людям, если осенью — суровый нрав.
101. Если ребенок родился в новолуние, то будет живуч и долголетен.
102. Если кто перешагнет через ребенка, играющего или ползающего на полу, то ребенок будет плохо расти.
103. Нельзя становиться ребенку на стол — расти не будет.
104. Нельзя решето или сито надевать на голову ребенка, иначе он перестанет расти.
105. Маленькому ребенку нельзя давать целоваться, иначе он не скоро начнет говорить.
106. Чтобы ребенок скорее заговорил, нужно помыть ложки и дать ему попить этой воды.
107. Чтобы ребенок раньше начал ходить, следует провести его по полу во время утрени Святой Пасхи.
108. Если целовать ребенка в пятку, то он долго не будет ходить.
109. Посторонний человек, пришедший в дом во время еды, считается счастливым.
110. Если имеющий тещу придет в чужой дом вначале еды, то его теща еще долго будет жить; и наоборот, если он пришел под конец еды, то теща скоро умрет.
111. Если доешь или допьешь за кем-либо другим, узнаешь все его мысли.
112. Нельзя пищу ронять изо рта на пол, так как если ее доест мышка, то у человека, который ее обронил, разболятся зубы, причем на той стороне, которой он жевал упавшую пищу.
113. Кто в праздник Благовещения будет есть мед, тот в течение всего года будет говорить медовые речи.

114. Когда покойник, поп или монах, монахиня навстречу первыми попадутся – то в тот день не жди успеха в своих делах.
115. Если кто-нибудь, выезжая из дому, встретит по дороге женщину с серыми глазами, то случится с ним беда, и он не достигнет цели.
116. Если первыми в дороге встретятся собака или нищий, то это является добрым предзнаменованием: ожидай в делах удачи.
117. Если во время еды ты прикусил язык – значит, ты сказал неправду.
118. Если надеть украшение круглой формы, свидание с любимым пройдет успешно .
119. Если кто-либо встретится с чем-либо полным, например с полными ведрами, возом или с чем-нибудь другим, то это означает успех в задуманном.
120. Встретить женщину с пустыми ведрами – к худу, с полными – к добру.
121. Встретить мужчину с пустыми ведрами – к добру, с полными – к худу.
122. При уходе из дома для благополучия в дороге нужно открыть трубу или поставить к печке ухват.
123. Когда отправляешься в дорогу, то нельзя никому ничего давать.
124. Когда собираешься в дальний путь и на долгое время и забудешь взять с собой приготовленную в дорогу вещь, значит, возвратишься благополучно домой.
125. Правая нога в дороге увязнет раньше левой - хороший знак.
126. Черный дятел либо ворон перелетит через дорогу к несчастью: предзнаменует либо смерть, либо тяжелую болезнь
127. Если возвратился с половины дороги или менее за забытой вещью или за чем-либо еще, не будет успеха в задуманном деле.
128. Чтобы не тосковать по дому, отправляясь в путь, не следует оглядываться назад до тех пор, пока не исчезнет из вида родной дом.
129. Если кого-нибудь провожаешь и хочешь скорее с ним увидеться, то по последнем прощании и по возвращении домой необходимо скорее оглянуться назад.

130. Дождь при отправлении в дорогу - к удаче, к благополучной дороге.
131. Если что найдешь на дороге, то не поднимай - больше потеряешь.
132. Если вдруг почудился какой-либо приятный запах, благоухание, например аромат цветов, то это значит, что святые силы незримо присутствуют где-то рядом, к удаче.
133. Найти на дороге старое железо, особенно подкову – к счкстью.
134. Если найдешь на улице подкову, целую или ломаную, то быть благополучию.
135. Ворон каркает к несчастью, ворона — к ненастью.
136. Если филин сядет на крышу дома — смерть одному из домашних.

Список греческих народных примет, отобранных для проведения экспериментальных процедур

1. Αν της Υπαπαντής έχει ήλιο, ακολουθεί χειμώνας όψιμος.
2. Όταν το φεγγάρι σκεπάζεται από ομίχλη, θα έχουμε κακοκαιρία.
3. Όταν ο ήλιος είναι άσπρος και θαμπός, θα έρθει βροχή.
4. Άμα παίζουν τ'αστρα, θα έχουμε κακοκαιρία.
5. Καλός οιωνός θεωρείται και ότι θα έχουμε ευτυχία αν δούμε το ουράνιο τόξο.
6. Όταν πουλιά λούονται στο χώμα σημαίνει βροχή ή χειμώνα.
7. Όταν οι μύγες τσιμπούν πολύ θα έρθει βροχή.
8. Όταν πετούν χαμηλά τα χελιδόνια, τότε θα βρέξει.
9. Όταν ο ήλιος ανατέλλει λαμπρός, η μέρα θα είναι αίθρια.
10. Όταν λάμπει όλη την μέρα χωρίς καμία κηλίδα, και την επομένη θα υπάρχει καλοκαιρία.
11. Άσπρος ήλιος, μαύρη μέρα.
12. Όταν ο ήλιος ανατέλλει άσπρος και θαμπός, έρχεται σκοτεινιά ή βροχή.

13. Ήλιος που ανατέλλει θαμπός και οι ακτίνες του σκίζονται (σκορπίζονται) άλλες προς Βορρά και άλλες προς Νότο, προμηνύει βροχή ή άνεμο.
14. Ήλιος που ανατέλλει με πυκνό κύκλο γύρω του, αλλά που όσο περνάει η ώρα ο κύκλος διαλύεται, προμηνύει καλοκαιρία.
15. Του ήλιου κύκλος άνεμος, του φεγγαριού βρεχάμενος.
16. Ήλιος που δύει σε κόκκινο ουρανό, προμηνύει άνεμο.
17. Όταν το πρωί είναι κόκκινος ή κίτρινος, θα βρέξει με άνεμο.
18. Όταν στη δύση του ήλιου είναι ροζ, προμηνύει καλοκαιρία.
19. Όταν στην δύση του ήλιου είναι σκοτεινός και θολός, προμηνύει άνεμο.
20. Όταν στη δύση του ηλίου είναι βαθυκόκκινος, προμηνύει ανεμόβροχο.
21. Όταν στη δύση του ήλιου είναι λαμπρά κίτρινος, προμηνύει άνεμο.
22. Όταν στη δύση του ήλιου είναι αμυδρά κίτρινος, προμηνύει βροχή.
23. Όταν σε μια ζεστή μέρα μαυρίσει προς την ανατολή η τη δύση του ήλιου, έρχεται άνεμος.
24. Μεγάλο στέμμα (κύκλος) γύρω απ' το φεγγάρι απομακρύνει τη βροχή.
25. Όταν το φεγγάρι την άνοιξη έχει χρώμα πυρόξανθο, οι παγετοί είναι πιθανοί τη νύχτα.
26. Όταν οι άκρες του νέου φεγγαριού την τρίτη ημέρα είναι λεπτές και καθαρές, έρχεται καλοκαιρία.
27. Κόκκορας που λαλεί παράκαιρα (πρόωρα) προλέγει αλλαγή καιρού.
28. Όταν η γάτα στο παραγώνι νίβεται κατά την όστρια θα έρθει χειμώνας (βροχή), κατά τον βοριά- κρύα και κατά τον μαϊστρο χαλαζόκαιρος.
29. Όταν το γουρούνι, οι γίδες, τα μαρτίνια ή και τα πρόβατα της στάνης χοροπηδάνε, σημαίνει αλλαξοκαιρία, (συνήθως βροχή).
30. Σαν ουρλιάζουν τα τσακάλια όξω από το χωριό από βραδύς θα έρθει βαρυχειμωνιά.
31. Όταν τα καρκαρέλια λαλάνε πάνω από τα δένδρα, προμηνάνε βροχή.

32. Σκάρισμα μημηγκοφωλιάς σε λιακάδες το φθινόπωρο, προμηνάει πολύμερη βαρυχειμωνιά.
33. Αράχνες (ιστοί) που ανεμίζονται στον αέρα, μηνάνε κακοκαιρία.
34. Σφήκες που σκαρίζουν μες το σπίτι πέφτοντας από τις χαραμάδες της σκεπής προμηνάνε χειμώνα.
35. Όταν τα παπιά, οι χήνες και κότες φτερουγάνε δίχως λόγο τότε θα βρέξει.
36. Όταν σκούζει ο Γούβης για νερό, θα βρέξει κι όταν σκούζει η Κουκουβάγια θα έχουμε ξέρα.
37. Σαν βγαίνουν τα καβούρια από τα λαγκάδια, προμηνύουν βροχή.
38. Τα χέλια σαν βγαίνουν στην στεριά φοβούνται βροχή.
39. Όταν χορεύουν τα γουρούνια τότε θα βρέξει.
40. Τα πολλά βελανίδια δηλώνουν κακοχειμωνιά
41. Αν τα έλατα είναι πολύ φορτωμένα με κουκουνάρια, θα έχουμε βαρυχειμωνιά.
42. Αν το σκυλί ψάχνει να βρει τόπο για να προφυλαχθεί, σημαίνει ότι θα έχουμε βαρυχειμωνιά.
43. Αν εμφανισθούν πρόωρα αποδημητικά πουλιά, σημαίνει ότι θα έχουμε βαρυχειμωνιά.
44. Όταν οι άκρες του νέου φεγγαριού την τρίτη ημέρα είναι λεπτές αλλά κοκκινωπές, έρχεται άνεμος.
45. Όταν το γεμάτο φεγγάρι έχει καθαρό φως, θα υπάρχει πολύ καλός καιρός. Όταν είναι κατακόκκινο, έρχεται άνεμος. Όταν υπάρχουν μαύρες κηλίδες, θα βρέξει.
46. Όταν γύρω απ' το φεγγάρι υπάρχει μια άλως (αλώνι, κύκλος, στέμμα), έρχεται άνεμος ή καλοκαιρία. Άνεμος, εάν η άλως έχει ρήγματα. Καλοκαιρία, εάν η άλως σβήνει ομαλά προς την έξω περιφέρεια της.

47. Όταν γύρω απ' το φεγγάρι υπάρχουν δύο άλω (αλώνια), έρχεται θύελλα. Όταν υπάρχουν τρεις, η κακοκαιρία θα είναι ακόμα σφοδρότερη. Και όσο πιο μαύρες είναι η άλω και με πιο πολλά πήγματα, τόσο σφοδρότερη η κακοκαιρία.
48. Όταν το φεγγάρι έχει αλώνι, προμηνύει αλλαγή του καιρού.
49. Βρεμένο γύρισμα (χάση), αμπαριού γέμισμα
50. Υπερβολικά διαυγής ουρανός προμηνύει βροχή.
51. Αν νίβεται η γάτα σου θα σου έρθουν ξένοι.
52. Μη γέρνεις τον καφέ με την παλάμη να δείχνει προς τα πάνω – Μοιάζει με τον τρόπο που ο ιερέας χύνει το δοχείο με το νερό πάνω από τον τάφο, την ώρα της κηδείας
53. Όταν κάθεται ανθρωποπούλι έξω από το σπίτι, να το διώχνεις – Σημαίνει θάνατο συγγενικού σου προσώπου
54. Όταν σκοτώσεις «μαρτάκια», πέφτουν τα μαλλιά σου.
55. Αν χυθεί αλάτι στο τραπέζι, θα γίνει τσακωμός.
56. Όταν χαλάσεις φωλιά χελιδονιού, κάτι κακό θα συμβεί.
57. Όταν επισκέπτεσαι ένα σπίτι, να βγεις από την πόρτα που μπήκες – Αλλιώς, χαλούν τα προξένια
58. Το βράδυ, δεν κουβαλάς ελαιόλαδο
59. Να μην αφήνεις ανοιχτά τα ερμάρια της κουζίνας το βράδυ - Θα μπουν μέσα και θα γεννήσουν οι «καλικαντζαρίνες»
60. Μην κάνεις «εις υγείαν» με άδειο ποτήρι.
61. Αν ένα μωρό γεννηθεί με δόντια υποτίθεται ότι όταν μεγαλώσει θα είναι πολύ εγωιστής.
62. Αν γεννηθεί και έχει ανοιχτή την παλάμη του θα είναι γενναιόδωρος.
63. Κατά την διάρκεια της γέννας πρέπει όλες οι πόρτες του σπιτιού να είναι ξεκλειδωτες και ανοιχτές για να είναι εύκολη η γέννα.

64. Αν κοπούν τα νύχια ενός βρέφους πριν συμπληρωθούν 12 μήνες από την γέννηση του θα γίνει κλέφτης όταν μεγαλώσει.
65. Δεν πρέπει η λεχώνα με το μωρό να βγαίνουν έξω το βράδυ για να μη τους δει το φεγγάρι και τα κακά πνεύματα.
66. Να μην απλώνουμε τα ρούχα του παιδιού το βράδυ γιατί θα τα πάρουν οι νεραϊδες!
67. Κατά την γέννηση του παιδιού βάζεις διπλά του γλυκίσματα για τις μοίρες.
68. Δεν πρέπει να παινεύεις την ομορφιά ενός μωρού γιατί θα ζηλεύουν οι νεραϊδες και θα του κάνουν κακό.
69. Σε πολλά μέρη ρίχνουν οι μητέρες ζάχαρη στις κόρες τους όταν είναι μωρά για να γίνουν γλυκές και όμορφες.
70. Είναι κακό να κουνάς την κούνια του μωρού άδεια, γιατί μπορεί το μωρό να πεθάνει.
71. Αν μία κουκουβάγια κελαηδάει επάνω από κάποιο συγκεκριμένο σπίτι πιστεύεται ότι προμηνύει τον θάνατο κάποιου μέσα από αυτό το σπίτι.
72. Όταν μπαίνει κάποιος για πρώτη φορά στο σπίτι σου, να μπει με το δεξί, για να σου πάνε όλα καλά.
73. Αν φτερνίζεσαι κάποιοι μιλούν για σένα.
74. Αν σε τρώει η μύτη σου θα κλάψεις.
75. Αν σε τρώει το δεξί σου χέρι θα δώσεις χρήματα.
76. Αν σε τρώει το αριστερό σου χέρι θα πάρεις χρήματα.
77. Αν σε τρώσει η πλάτη σου κάποιος θα σε δείρει.
78. Αν έλλεται το δεξί σου μάτι θα δεις αγαπημένο πρόσωπο.
79. Αν έλλεται το αριστερό σου μάτι θα δεις κάποιον που δεν συμπαθείς.
80. Αν σφυρίζει το δεξί σου αφτί σε επαινούν, αν το αριστερό σου σε κακολογούν..
81. Αν έρθει πουμπουρίδα (είδος πεταλούδας) στο σπίτι σου θα έχεις επισκέψεις.

82. Αν αφήνετε ανοιχτές τις ντουλάπες σας, θα γίνετε στόχος κουτσομπολιών.
83. Μια μπλε χοντρούλα κρεμασμένη στο χέρι ή το λαιμό, διώχνει μακριά το κακό μάτι.
84. Αν πάρεις σαπούνι από το χέρι κάποιου θα τον μισήσεις.
85. Αν σκουπίσεις τα χέρια σου στην ποδιά κάποιου συγγενή ή φίλου θα δυσαρεστηθείτε.
86. Να φοβάσαι τη γυναίκα τη δασύτριχη και τον άντρα το σπανό.
87. Αν κοιταχτείς στον καθρέφτη γύρω στα μεσάνυχτα θα δεις το χάρο σου.
88. Δουλειές που αρχίζουν Τρίτη και τελειώνουν Σάββατο δεν στεριώνουν.
89. Για να μην σπάξεις πράγματα τρίβεις τα χέρια σου με το ρούχο της κουφής.
- 90.** Όταν κάποιος δρασκελούσε κατά λάθος ένα μωρό, έπρεπε να στραφεί και να το ξεδκιασιελλίσει, διαφορετικά θα έμενε κοντό.
91. Όταν ένα παιδί συνηθίζει την ώρα που κάθεσαι να κουνά τα πόδια του, θα έρθουν οι «ρκοφελέτες». (Αυτοί που τους χρωστάμε)
92. Αν κάποιο παιδί την ώρα που κοιμάται τρίζει τα δόντια του, θα πεθάνουν οι γονείς του.
93. Όταν φεύγει κάποιος για ταξίδι να μην σκουπίζουμε το δωμάτιό του τη ίδια μέρα γιατί θα πάθει κακό στη διάρκεια του ταξιδιού.
94. Όταν έχουμε φαγούρα στη μύτη θα φάμε ξύλο.
95. Αν πέσει πάνω σου αράχνη είναι καλή τύχη.
96. Αν σου πέσει το πιρούνι από το τραπέζι θα έχεις κάλεσμα από φίλους.
97. Αν φορέσουμε τα ρούχα μας από την ανάποδη πλευρά σημαίνει ότι δεν πρόκειται να μας πιάσουν κατάρες.
98. Όταν τρώμε να μην κοιταζόμαστε στον καθρέφτη γιατί θα πέσουν τα δόντια μας.
99. Αν πατήσεις καρφιά η μητέρα σου θα χτυπήσει τη μέση της.

100. Δυσάρεστα συμβάντα θα μας προκύψουν αν δείχνουμε το φεγγάρι με το δάχτυλό μας.
101. Αν βρεις στο δρόμο σου κουμπί μην το πάρεις γιατί θα σου φέρει γουρσουζιά.
102. Το χύσιμο του καφέ θεωρείται καλός οiwνός.
103. Αν χυθεί λάδι είναι άσχημο προμήνυμα.
104. Αν βρείτε στο δρόμο σας μαύρη γάτα, τότε θα έχετε άσχημη τύχη.
105. Μία γλάστρα με βασιλικό αν την τοποθετήσετε στην είσοδο του σπιτιού σας φέρνει καλοτυχία.
106. Αν η νύφη βάλει τη σκούπα ανάποδα θα μαλώσει με την πεθερά.
107. Όταν κάποιος έχει λόξυγκα σημαίνει ότι κάποιος άλλος τον «μελετάει».
108. Αν φτερνιστούμε την ώρα που λέμε κάτι σημαίνει ότι είναι αλήθεια.
109. Το κριθαράκι των ματιών θεραπεύεται αν πρωί πρωί βάλουμε ένα πρωτότοκο παιδί να το γαυγίσει!
110. Όταν σφυρίζει το αυτί κάποιου θα ακούσει κάποια είδηση και όταν τον τρώει η μύτη του θα φάει ξύλο, ενώ όταν παίζει το μάτι θα δει κάποιον.
111. Το τίναγμα του τραπεζομάντηλου αφού δύσει ο ήλιος απαγορεύεται για να μην τινάξουμε και διώξουμε το «τυχερό».
119. Αν σπάσει κάποιο γυάλινο αντικείμενο στο σπίτι θα συμβεί κάποιο κακό, ειδικά αν πρόκειται για το καντήλι.
120. Το μαχαίρι δεν πρέπει να δίνεται από χέρι σε χέρι γιατί είναι γουρσουζιά, γι' αυτό το λόγο αφήνεται επάνω σε κάποιο άλλο αντικείμενο.
121. Οι παντόφλες ή τα παπούτσια που έχουν αφεθεί το ένα απάνω στο άλλο σημαίνουν δρόμο.
122. Όταν κάποιος φεύγει για ταξίδι του δίνουμε κέρμα.
123. Μία γάτα σε καράβι θεωρητικά φέρνει καλή τύχη.
124. Αν δείτε μαύρη γάτα από πίσω αυτό είναι κακός οiwνός.

125. Όταν την ημέρα του γάμου σου έχει βροχή τότε όλη σου η έγγαμη ζωή θα είναι με κλάμα.

126. Στην εκκλησία κατά την διάρκεια «Ησαία χόρευε» αν πεις τρεις φορές τι φύλο προτιμάς το παιδί έτσι και θα γίνει.

127. Η νύφη πηγαίνοντας στην εκκλησία δεν πρέπει να γυρίσει πίσω να κοιτάξει. Είναι σα να κοιτάζει στο παρελθόν της.

128. Η νύφη πρέπει να μαζέψει τα φυτίλια από τις λαμπάδες στην εκκλησία, για να μην τα πάρει κάποιος ξένος και κάνει μάγια στο ζευγάρι.

129. Το ζευγάρι πριν μπει στο σπίτι που θα ζήσει πατάει κάτι σιδερένιο για να είναι σιδερένιος ο γάμος.

130. Ο γαμπρός σηκώνει τη νύφη στα χέρια του και μπαίνει με το δεξί.

131. Η νύφη δεν πρέπει να πάει στο πατρικό της μετά το γάμο και την επόμενη μέρα.

132. Αν χάσει η νύφη ή ο γαμπρός την βέρα τους σημαίνει πως ο γάμος δεν θα έχει κανένα μέλλον και θα χωρίσουν σύντομα.

133. Αν κόβεις τα μαλλιά σου (ή τα νύχια σου) την Δευτέρα τα κόβεις για υγεία, την Τρίτη για πλούτο, την Τετάρτη για ειδήσεις, την Πέμπτη για νέο ζευγάρι παπούτσια, την Παρασκευή για λύπη, το Σάββατο για να δεις την πραγματική σου αγάπη την επόμενη μέρα και αν τα κόψεις Κυριακή... ο Διάβολος θα σε ακολουθεί για την υπόλοιπη εβδομάδα!

134. Αν έχεις μακριά μαλλιά και τα χωρίζεις στη μέση, χωρίζεις την τύχη σου.

135. Αν πιάσεις τα μαλλιά σου μετά από όνειρο ή κοιταχτείς σε καθρέφτη, θα το ξεχάσεις.

136. Αν πατήσεις σικάτα τότε είναι τύχη.

Приложение В.
(справочное)

Образцы экспериментальных бланков для проведения Эксперимента №3

1. Традиционные русские загадки

1. Катится золотая ватрушечка, никто ее не достанет — ни царь, ни царица, ни красная девица (солнце).
2. За домом у дорожки
Висит пол-лепёшки (месяц).
3. По 70 дорог рассыпан горох. Никто не собирает: ни царь, ни царица, один только Бог (звезды).
4. Летит тархан по всем торгам,
без пол кафтан, без пуговиц (ветер).
5. Чёрная корова всех людей поборола,
А белый вол всех поднял (ночь и день).
6. Долговязый Тимошка
Бежит по дорожке (дождь).
7. Летит орлица по синему морю, крылья расхвостала, солнышко достала (туча)
8. Бежит Коняшка
По дну овражка (ручей).
9. Белые барашки
По синему лугу гуляют (море и волны).
10. Белый Тихон
С неба стихан,
Где пробегает -
Ковром устилает (снег).

Современные русские загадки

1. *Алый шар с утра над крышей*

Погулять по небу вышел.

Он гулял, гулял, гулял.

Встретил вечер — и пропал (солнце).

2. *Ночью на небе один*

Золотистый апельсин.

Миновали две недели,

Апельсина мы не ели,

Но осталась в небе только

Апельсиновая долька.

(луна, месяц)

3. *Искры небо прожигают,*

А до нас не долетают (звёзды).

4. *Это что за невидимка*

Хлопает в саду калиткой,

На столе листает книжку,

Шорохом пугает мышку,

Сорвал с бабушки косынку,

Покачал в коляске Димку,

Поиграл листвой на ветках...

Ну, конечно, это — ... (ветер)

5. *Друг за дружской чередой*

Мирно ходят брат с сестрой.

Братец будит весь народ,

А сестра, наоборот, —

Спать немедленно зовёт (день и ночь).

6. *Кто это такой садовник –*

Полил вишню и крыжовник,

Полил сливу и цветы,

Вымыл травы и цветы? (Дождь)

7. *Пушистая вата плывет куда-то,*

Чем вата ниже, тем дождик ближе (облако).

8. *Голубая Нитка*

Вьётся за калиткой.

Летом ей бежать легко-

Убегает далеко.

А зимою подо льдом

Пробивается с трудом (ручей).

9. *Без конца и края Лужа*

Не страшна ей злая стужа.

В Луже ходят корабли,

Далеко им до земли (море).

10. *Покружилась звездочка*

В воздухе немножко,

Села и растаяла

На моей ладошке (снег, снежинка).

Традиционные греческие загадки

1. *Ένα ταψάκι βούτυρο όλόν τον κόσμο αλείβει.*

Один маленький противень масла весь мир маслит (солнце).

2. *Επάνω από σπ'ιτι μας χαλί στρωμένο με καρύδια και στη μέση μια κο'θπα μέλι.*

Над нашим домом расстелен ковер, усеянный орехами, а в середине чашечка с медом (луна).

3. *Έχω μια χρυσομιλιά και έχει πάνω βρουνδόμηλα, την ημέρα τα 'χάνα και τη νύχτατά 'βρίσκα.*

У меня есть златояблоня. а у нее наверху златояблоки, днем я их теряю, а ночью нахожу (небо со звездами).

4. *Τέσσερα καλογεράκια το 'να τ'άλλο κινιγάνε. Четыре монашка гоняются друг за другом (ветер).*

5. *Είναι δυο κουβάρια, τ' έναν μαύρο και τ' άλλο άσπρο, κυλιούνται κυλιούνται και τ' έναν τ' άλλο πότε δε φτάνουν.*

Два клубочка – черный и белый – катятся, катятся, и никогда не друг друга не догонят (день и ночь).

6. *Του παππούλη τα γένια φτάσουν ως τη γη.*

Борода дедушки до земли достала (дождь).

7. *Ένα 'ασπρο πρόβατο που δεν έχει κεφάλι και πόδια.*

Белая овечка без головы и ног (облако).

8. *Η κεφαλή του στο βουνό*

και η ουρά του στο γιαλό .

Голова в горах, хвост в море (ручей).

9. *Πάπλωμα παπλωματίζει, πέφτει κάτω και μουγκρίζει.*

Покрывало стелется и с рычанием падает (морские волны).

10. *Ένα πλατύ ,παχύ σεντόνι σκεπάζει κάμπους και βουνά μα ποτέ του τα νερά .*

Плотная простыня покрывает горы и равнины, только море – никогда (снег).

Приложение Г.
(справочное)

Образцы экспериментальных бланков для проведения эксперимента №4

Экспериментальный бланк №1

Дайте объяснения следующим фразеологизмам русского языка:

1. Без сучка без задоринки
2. Без году неделя
3. Белая ворона
4. Бросать слова на ветер
5. В два счета
6. В глубине души
7. При царе Горохе
8. Вставлять палки в колёса
9. Попасть впросак
10. Филькина грамота
11. Бить баклуши
12. Тянуть канитель
13. Заварить кашу
14. Вывести на чистую воду
15. Зарубить на носу
16. Толочь воду в ступе
17. Валять дурака
18. Висеть на волоске
19. Вить веревки
20. Водить за нос
21. Во всю Ивановскую

22. Выйти сухим из воды
23. Держать в ежовых рукавицах
24. До мозга костей
25. Ждать у моря погоды
26. За тридевять земель
27. Задирать нос
28. Заходить в тупик
29. Наломать дров
30. Намотать себе на ус
31. Не в своей тарелке
32. Несолоно хлебавши
33. Обвести вокруг пальца
34. Перемывать косточки
35. Покупать kota в мешке
36. Пуд соли съесть
37. Пускать пыль в глаза
38. Сводить концы с концами
39. Семь пятниц на неделе
40. Сесть в лужу

ΕξπειρIMENTΑΛΗ ΒΛΑΝΚΗ №2

Δώστε εξήγηση στις παρακάτω ιδιωματικές εκφράσεις της ελληνικής γλώσσας (Δайте объяснение следующим фразеологизмам):

1. Αγοράζει γουρούνι στο σακί
2. Από το άλφα ως το ωμέγα
3. Βάζω φτίλια

4. Βάζω νερό στο κρασί μου
5. Βαράει μύγες
6. Βούλιαξαν τα καράβια σου
7. Βγάζει γλώσσα
8. Βγήκα απ'τα ρούχα μου
9. Βρέχει καρεκλοπόδαρα
10. Γίναμε μαλλιά κουβάρια
11. Δεν έπεφτε καρφίτσα
12. Δεν ιδρώνει το αυτί του
13. Δεν μου καίγεται καρφί
14. Δεν τρώει άχυρο
15. Είμαστε μέλι γάλα
16. Είναι ξερό κεφάλι
17. Εχω το πάνω χέρι
18. Εφαγε τα ψωμιά του
19. Θα φας ξύλο
20. θέλει το παξιμάδι βρεγμένο
21. Θολώνω τα νερά
22. Κάθεται σ' αναμμένο κάρβουνο
23. Κατά φωνή κι ο γάιδαρος
24. Κάνει την πάπια
25. Κάνει τον ψόφιο κοριό
26. Κάνω μια τρύπα στο νερό
27. Κόπηκε το αίμα του
28. Κούρεψε τ' αβγό και πάρε το μαλλί του
29. Μαύρο πρόβατο στο κοπάδι
30. Μπρίκια κολλάμε

31. Στο κάτω-κάτω της γραφής
32. Μου ανέβηκε το αίμα στο κεφάλι
33. Μου έκανες την καρδιά περιβόλι
34. Μου έκατσε στο σβέρκο
35. Να έχεις τα μάτια σου δεκατέσσερα
36. Περνάει η μπογιά του
37. Πήραν τα μυαλά του αέρα
38. Πνίγομαι σε μια κουταλιά νερό
39. Σαν τα κρύα τα νερά: εξαιρετικής ομορφιάς
40. Σπάζω πλάκα
41. τα έκανα θάλασσα

Εκπαιρωτική άσκηση №3

Δώτε άσκηση άσπυρμένο άσπυρμένο άσπυρμένο:

1. Я всё тебе расскажу о делах фирмы, потому что ты надёжный человек, у меешь держать язык за зубами и ***сор из избы никогда не выносил.***
2. Да как ты можешь мне все это говорить? Никогда ему не прощу! Он такую ***свинью мне подложил!***
3. А может, это мы сами себя запутали, превратив пустяковое дело в головоломку, вот и заблудились ***в трех соснах?***
4. Я его ***выведу на чистую воду:*** я видел, как он крадет апельсины в чужих садах.
5. Я его считаю, считала и всегда буду считать, лучшим человеком на земле, ***заруби это себе на носу.***
6. В решении этого вопроса мы, кажется, ***зашли в тупик.***
7. Он из ***кожи лезет вон,*** чтобы сделать карьеру.

8. Я долго пытался его уговорить, но понял, что *с ним каши не сваришь*, и бросил.
9. Вокруг нас тесно сидели люди, сонно *клевали носами*.
10. Надо... такой план сработать, чтобы все вышло без заминки, чтобы *комар носу не подточил*.
11. А денег у меня – кот *наплакал*. Самое большое, что на три пирожных.
12. *Краем уха* слышал о твоих приключениях. Ничего, кто не ошибается?
13. Все, что там было написано, не имело большого значения, но подписывать эту *филькину грамоту* все-таки, пожалуй, не стоило.
14. Не надо прикидываться *сиротой казанской*. Все равно я тебе не поверю.
15. Хоть он и продолжал кричать *во всю Ивановскую*, никто не обратил на него внимания.
16. Это был мой любимый платок, купила я его *при царе Горохе*, но до сих пор не могла расстаться с ним.
17. Ну сколько можно *тянуть канитель*! Давно пора принимать решение!
18. Тебе я могу всё сказать, знаю, не предашь, после всего, что пережили, мы с тобой *пуд соли* съели.
19. Ушла лисица *несолоно хлебавши*, так и не поняв, что в том, что она осталась голодная, была виновата сама.
20. Работает у нас *без году неделю*, а уже решил свои правила устанавливать!

Экспериментальный бланк №4

Δώστε εξήγηση στις παρακάτω ιδιωματικές εκφράσεις της ελληνικής γλώσσας (Δайте объяснение следующим фразеологизмам):

1. Ήμουν ένα **μαύρο πρόβατο** στο κοπάδι. Ήταν ζήτημα χρόνου να με απολύσουν.
2. Μ'αρέσει όμως να **βάζω φιτιλιές** για ν' ανάβουν συζητήσεις και να μαθαίνουμε κι εμείς.
3. **Δεν έπεφτε καρφίτσα** στο χώρο που έγινε το πανηγύρι.
4. Μιλούσε για την νύφη της και η **γλώσσα της έσταζε φαρμάκι**.
5. Το μάθημα άρχισε. Η δασκάλα μου έκανε τη μόνη ερώτηση που δεν είχα προλάβει να διαβάσω. **Μου λύθηκαν τα γόνατα**.
6. Και για αυτόν ακριβώς τον λόγο, επειδή αυτοί είναι στο απυρόβλητο, θα συνεχίσουν να διαλύουν τη χώρα. **Δεν τους καίγεται καρφί**.
7. Πρόσεξε καλά τι λες, γιατί εγώ **δεν τρώω άχυρα**.
8. Κατατέθηκαν πολλές ηθικές τροπολογίες που είναι αρκετά υπερβολικές και που, στην καλύτερη περίπτωση, **θολώνουν τα νερά** όσον αφορά αυτό το θέμα.
9. Υπάρχουν άνθρωποι που **πνίγονται σε μια κουταλιά νερό** και άλλοι που βγαίνουν αλώβητοι μέσα από τις πιο μεγάλες αντιξοότητες της ζωής.
10. Καλά, αν δείτε κανέναν διαρρήκτη το βράδι σπίτι σας, **κάντε τον ψόφιο κοριό** και αφήστε να σας βουτήξει ό,τι βρει... Καλύτερο από το να πάτε γυρεύοντας για καβγά μαζί του.
11. Η αστυνομία και ο Δήμος αποφάσισαν να ρυθμίσουν την κυκλοφορία αλλά μάλλον **έκαναν... μια τρύπα στο νερό** επειδή δεν άλλαξε τίποτε.
12. Φυσικά και ήξερα την απάντηση! Για τί μας πέρασες δηλαδή; Εμείς τί δουλειά κάνουμε; **Μπρίκια κολλάμε;**
13. Φταίει το **ξερό μας το κεφάλι** που επιμένουμε στα αποθημμένα.
14. Όταν στη σχέση υπάρχει κάποιος που θεωρεί τον εαυτό του ανώτερο από τον άλλον – **«πάνω χέρι»**, τότε τα πράγματα δεν είναι καλά
15. Ο Μανόλης ήτανε τεμπέλης, και το **παξιμάδι ήθελε βρεγμένο** ο αθεόφοβος.

16. Πού να πάω στην συγκέντρωση, είμαι κουρασμένος... και **στο κάτω κάτω της γραφής**, δεν γουστάρω..
17. **Εβαλα νερό στο κρασί μου** και δεν μιλισα ποτέ πια για το τσακωμό με τον Ανδρέα.
18. Το παιδί σας έχει πάρει πολύ θάρρος τον τελευταίο καιρό. Σας φωνάζει με το μικρό σας όνομα, σας ειρωνεύεται, σας κοροϊδεύει, **βγάζει γλώσσα**.
19. Όταν έμαθα ότι μου είπε ψέματα, **γίναμε μαλλιά κουβάρια**.
20. Πολιτικοί;; Μην περιμένεις βοήθεια από αυτούς – **δεν ιδρώνει το αυτί τους**.